Изданіе Кассы Взаимопомощи Студентовъ Петроградскаго Политехническаго Института Императора Петра Великаго.

33
С-87

П. Б. СТРУВЕ.

# ИСТОРИЧЕСКОЕ ВВЕДЕНІЕ ВЪ ПОЛИТИЧЕСКУЮ ЭКОНОМІЮ.

33

Лекціи, читанныя на Экономическомъ Отдѣленіи Политехническаго Института Императора Петра Великаго въ 1912-13 уч. году.

**Изданіе второе.**

---

Петроградъ.
Типо-Литографія И. Трофимова, Можайская ул., д. № 3.
**1916.**

Связь большинства изъ здѣсь, въ этой аудиторіи собравшихся, какъ студентовъ Политехническаго Института, возникаетъ впервые, устанавливается въ эти дни. Ихъ мысль, естественно, въ моментъ приступа къ научнымъ занятіямъ направлена на будущее, на работу предстоящую, на ихъ пріобщеніе къ наукѣ, на тѣ впечатлѣнія, которыя ожидаютъ каждаго вновь вступающаго въ высшее учебное заведеніе, - когда въ жизни человѣка почти всегда начинается цѣлый новый періодъ.

Позвольте васъ нѣсколько оторвать отъ этихъ мыслей и обратить вашъ взоръ въ прошлое.

Столько же добрая традиція, сколько и мое непосредственное чувство побуждаютъ меня напомнить вамъ о скончавшемся весной нынѣшняго года проф. Иванѣ Ивановичѣ Иванюковѣ и предложить вамъ въ этой аудиторіи, въ которой онъ преподавалъ многіе годы тотъ предметъ, который вы будете слушать на моихъ лекціяхъ, почтить вставаніемъ память почившаго.

Но исполненіемъ этого добраго обычая почтенія того, кто отошелъ отъ насъ, я не хочу ограничиться.

Какъ бы ни было велико разстояніе между разными поколѣніями, какія бы звенья духовнаго и общественнаго развитія ихъ не раздѣляли, - разныя поколѣнія научной мысли обязаны стремиться къ тому, чтобы понимать другъ друга. Такое пониманіе неизбѣжно должно быть пониманіемъ историческимъ. Каждаго отошедшаго отъ насъ дѣятеля мы должны стремиться понять и оцѣнить во всей и с т о р и ч е с к о й о б у с л о в л е н н о с т и и зависимости того, чѣмъ онъ жилъ, какъ дѣятель своей области. Этимъ мы отдаемъ почившимъ уже дань не простого почтенія, а болѣе высокую дань пониманія. И.И. Иванюковъ, какъ дѣятель науки и преподаватель, принадлежалъ

---

съ дѣлой особой полосѣ русской научной мысли, дѣятелей, которые, приближаясь къ естественному предѣлу человѣческаго бытія, теперь уже быстро сходятъ со сцены. И, быть можетъ, никто лучше, чѣмъ покойный, не можетъ служить для характеристики этой полосы, ибо въ научной физіономіи покойнаго черты чисто личныя отступали на задній планъ сравнительно съ чертами, которыми была отмѣчена полоса жизни, къ которой онъ принадлежалъ.

Смѣна и противоборство научныхъ идей представляетъ ту черту, быть можетъ, свойственную всѣмъ подобнымъ процессамъ, что онѣ медленно и незамѣтно подготовляются и затѣмъ быстро и бурно вступаютъ въ сознаніе. Если не вѣками, то десятилѣтіями строилось зданіе классической политической экономіи. Вы впослѣдствіи узнаете, какъ и изъ какихъ идей, подъ какими жизненными вліяніями, изъ какихъ потребностей времени, интересовъ классовъ, очередныхъ задачъ культуры слагалась эта величественная постройка. Вкратцѣ, классическая политическая экономія французовъ и англичанъ учила не только, что есть незыблемые "естественные законы" хозяйственной жизни, но и что и изъ этихъ естественныхъ законовъ съ логической необходимостью вытекаютъ извѣстныя практическія начала, которыя люди должны полагать въ основу своихъ дѣйствій и которымъ прежде всего должна слѣдовать в л а с т ь . Власть не должна вмѣшиваться въ естественный порядокъ вещей, какъ онъ слагается и долженъ слагаться на почвѣ совершенно свободной борьбы предоставленныхъ самимъ себѣ индивидовъ. Экономическая свобода при полномъ невмѣшательствѣ государства въ хозяйственныя отношенія приведетъ къ всеобщему благополучію, къ гармоніи интересовъ, къ максимуму выгодъ для всего общества и для отдѣльныхъ лицъ.

Въ настоящее время даже трудно критиковать это воззрѣніе, такъ оно во всей его цѣлостности чуждо современному сознанію. Но мы можемъ понять это воззрѣніе и какъ систематическое построеніе и еще болѣе какъ психологическое явленіе. Оно родилось изъ свободолюбиваго духа XVIII вѣка. Классическая политическая экономія и ея практическія построенія - либеральная экономическая политика - родная сестра политическаго свободомыслія и политическаго либерализма той же эпохи, либерализма наивнаго и увѣреннаго въ себѣ. XIX вѣкъ начинаетъ съ разочарованія въ томъ, во что вѣрилъ вѣкъ XVIII, въ области чисто

политической. Вѣра въ евангеліе экономической свободы держится, пожалуй, нѣсколько дольше. И подъ нее уже съ начала XIX вѣка начинаетъ подкапываться сомнѣвающаяся и ищущая мысль.

Съ разныхъ сторонъ являются эти сомнѣнія, они растутъ, сгущаются въ цѣлыя системы. Возникаетъ соціализмъ; начинается историческое изученіе и историческое пониманіе хозяйственной жизни, берущее подъ сомнѣніе самую идею естественнаго закона и вытекающіе изъ нея выводы. Въ 60-хъ и 70-хъ годахъ реакція противъ классической политической экономіи и экономическаго либерализма бурно овладѣваетъ сознаніемъ. Объ "абстрактномъ" методѣ въ политической экономіи, по которому разсуждали старые экономисты, начинаютъ говорить съ презрѣніемъ и экономическій либерализмъ начинаютъ прямо отвергать, какъ явно несостоятельное направленіе въ экономической политикѣ. Дѣлаютъ это уже не "соціалисты" и не лица, стоящія внѣ рамокъ цеховой ученности и науки; знамя возстанія поднято въ университетахъ людьми умѣренныхъ взглядовъ. Это и есть то направленіе, которое, слѣдуя публицистической кличкѣ, данной его врагами, обычно обозначаютъ терминомъ "катедеръ-соціализма".

Въ Германіи, гдѣ это направленіе академической (университетской) экономической мысли зародилось и получило наиболѣе ясное выраженіе, его появленіе и успѣхъ объясняются ходомъ самой экономической эволюціи, онъ обнаружилъ, что безусловное господство свободной конкурренціи приноситъ не одни благіе плоды и приводитъ къ выступленію на историческую сцену рабочаго класса, какъ самостоятельной общественной силы. Огромную роль въ этомъ поворотѣ экономической мысли въ Германіи сыграла чисто соціалистическая литература, оказавшая въ лицѣ ея великихъ нѣмецкихъ представителей Маркса и Родбертуса сильнѣйшее вліяніе на академическую науку Германіи.

И.И.Иванюковъ принадлежалъ къ этой полосѣ русской экономической мысли, которая восприняла нѣмецкій катедеръ-соціализмъ и даже его своеобразную русскую переработку. Покойный былъ, быть можетъ, самымъ типическимъ представителемъ этого русскаго катедеръ-соціализма.

Я сказалъ, что русская переработка нѣмецкаго катедеръ-соціализма была своеобразна. Своеобразіе это сводится къ двумъ пунктамъ. Если нѣмецкая академическая мысль, совершившая по-

воротъ отъ "смитіанства" къ катедеръ-соціализму, находилась подъ сильнымъ вліяніемъ германскихъ теоретиковъ соціализма, то русскій катедер-соціализмъ прямо представляетъ спайку соціализма Родбертуса и Маркса съ академическимъ катедеръ-соціализмомъ. Покойнаго Иваюкова, какъ автора, упрекали въ томъ, что онъ смѣшивалъ такія разнородныя построенія, какъ радикальный соціализмъ Маркса и умѣренный катедеръ-соціализмъ нѣмецкихъ профессоровъ. Теоретически упрекъ этотъ былъ несомнѣнно правиленъ. Но теперь мы можемъ сказать, что самое сближеніе или смѣшеніе въ русскомъ катедеръ-соціализмѣ идей Маркса (и Родбертуса) съ идеями нѣмецкихъ профессоровъ, возставшихъ противъ экономическаго либерализма, есть интересный и неслучайный фактъ въ исторіи развитія русской экономической мысли, а не просто ошибка мысли того или другого писателя. Россія въ 60-хъ, 70-хъ и даже 80-хъ годахъ была еще далека отъ тѣхъ реальныхъ противорѣчій, на фонѣ которыхъ научный соціализмъ Лассаля и Маркса (являвшійся идейной основой зарождавшагося соціалистическаго движенія), рѣзко отдѣлился отъ умѣреннаго и чуждаго классовой идеи профессорскаго катедеръ-соціализма. Въ Россіи (на разстояніи) внѣ реальной борьбы общественныхъ силъ оба эти направленія сливались въ одно движеніе критики и протеста противъ смитовскаго направленія и экономическаго либерализма.

Была и другая черта своеобразія русскаго катедеръ-соціализма. Когда критика либеральной политической экономіи и увлеченіе положительными идеями соціализма проникла въ русскую академическую среду (русскіе профессора политической экономіи въ 50-хъ и 60-хъ годахъ: Горловъ, Вернадскій Безобразовъ были экономическими либералами) эта критика и эти положительныя идеи уже давно не представляли новости для русской общественной мысли. Рецепція соціализма русской общественной мыслью совершилась внѣ академической области и дала то своеобразное и вліятельное направленіе въ исторіи нашего духовнаго общественнаго развитія, которое можно охарактеризовать терминомъ "народничество"

Русскій катедер-соціализмъ пытался спаять нѣмецкій катедеръ-соціализмъ, т.е. академическую критику старой политической экономіи и связаннаго съ ней экономическаго либерализма не только съ соціализмомъ Маркса и Родбертуса, но и

съ русскимъ народническимъ соціализмомъ, съ его вѣрой въ самобытные пути экономическаго развитія Россіи, съ его идеализаціей общинно-артельнаго уклада. Такимъ образомъ, русскій катедеръ-соціализмъ ведетъ свое происхожденіе не только отъ Шефле, Вагнера, Шмоллера, Брентано, не только отъ Родбертуса и Маркса, но и отъ Герцена и Чернышевскаго, пожалуй даже отъ славянофиловъ, въ ученіи которыхъ были зародыши русскаго народничества.

Я думаю, что я воздалъ должное памяти перваго преподавателя экономической исторіи и исторіи экономическихъ ученій въ нашемъ Институтѣ профессора Ивана Ивановича Иванюкова, попытавшись вдвинуть его, какъ научнаго дѣятеля, въ широкую историческую перспективу развитія европейской и русской общественно-экономической мысли. Почтить память почившаго въ духѣ историческаго пониманія мѣста его, какъ представителя цѣлой полосы въ развитіи русской экономической мысли, было для меня душевной потребностью въ этой аудиторіи, въ которой мнѣ приходится, какъ преподавателю, смѣнить ушедшаго въ другой міръ.

Позвольте теперь обратиться къ вамъ, какъ вновь поступившимъ, съ нѣсколькими словами, содержащими общія указанія на характеръ и методъ высшаго образованія. Вступивъ въ высшую школу, вы перестали быть учениками. Облегченіе ли это? По совѣсти не могу обѣщать вамъ такого облегченія; вступленіе въ высшую школу, независимо отъ личныхъ условій существованія каждаго, которыя бываютъ очень тяжелы, не можетъ означать облегченія работы. Наоборотъ. Вамъ придется работать и "учиться" интенсивнѣе, чѣмъ то было въ средней школѣ. Вамъ только придется измѣнить способъ работы. Если во многихъ случаяхъ для васъ прежде было достаточно заучиванія, то теперь ни въ какомъ случаѣ этого не будетъ достаточно. Учить и заучивать, конечно, всегда нужно; полезно даже для этого выработать особую индивидуально приспособленную, я бы сказалъ, лично провѣренную технику. Но это только предварительная ступень. ( Я не говорю, конечно, о работѣ въ высшей школѣ съ точки зрѣнія внѣшняго преуспѣянія на экзаменахъ. Этотъ вопросъ меня не интересуетъ, и я о немъ вамъ ничего цѣннаго сказать не могу ).

Нужно въ высшей школѣ къ работѣ добросовѣстнаго заучиванія или, воспользуемся хорошимъ латинско-нѣмецкимъ словомъ, къ работѣ добросовѣстнаго штудированія присоединять самостоятельное перерабатывающее осмысливаніе того матеріала, который дается вамъ на лекціяхъ. Удареніе я ставлю на словахъ: с а м о с т о я т е л ь н о е. Въ средней школѣ преподаватель, по существу дѣла, можетъ и долженъ въ стѣнахъ класса находиться въ непосредственномъ общеніи съ каждымъ "учащимся". Въ высшей школѣ при чтеніи лекцій это невозможно. Если въ средней школѣ преподаватель долженъ знать, понимаетъ ли каждый присутствующій въ классѣ то, что ему преподносится и, если онъ замѣтитъ непониманіе, то долженъ тутъ же на мѣстѣ вмѣшаться и своимъ непосредственнымъ участіемъ помочь ученику осмыслить и усвоить преподанное, то въ высшей школѣ на лекціяхъ это невозможно. Тутъ нѣтъ "учениковъ" - и это значитъ, что каждый изъ "слушателей" обязанъ самостоятельно осмысливать преподанное. Это не значитъ, конечно, чтобы преподаватель имѣлъ право быть темнымъ. Но это значитъ, что установивъ для себя извѣстный средній уровень аудиторіи, къ которому онъ долженъ приспособлять свое преподаваніе, преподаватель уже не долженъ (ибо не можетъ!) слѣдить въ аудиторіи - (о полезности общенія внѣ аудиторіи и объ общеніи съ отдѣльными слушателями я здѣсь не распространяюсь) за тѣмъ, какъ каждый отдѣльный слушатель воспринимаетъ содержаніе лекцій и способны ли всѣ усвоить это содержаніе.

Но есть еще другое, болѣе важное различіе въ преподаваніи между средней и высшей школой.

Въ средней школѣ, контингентъ которой вовсе не долженъ весь цѣликомъ поступать въ высшую школу, преподаваніе въ принципѣ и по общему правилу должно быть цѣльнымъ и законченнымъ. То, что здѣсь дается, - позвольте употребить сравненіе, - должно представить хорошо обмежеванную "дачу" съ ясно очерченными и легко обозримыми границами. Преподаваніе должно держаться въ предѣлахъ этой дачи и, главное, вовсе не должно увлекать "ученика" къ выхожденію изъ границъ "обмежеваннаго" пространства.

Совершенно иначе въ высшей школѣ съ ясно выраженнымъ н а у ч н ы м ъ характеромъ преподаванія. Преподаватель и

тутъ, конечно, обязанъ давать опредѣленное содержаніе и дать въ руки слушателей извѣстную н и т ь, ясно оріентирующую ихъ въ томъ предметѣ.

Но область высшаго преподаванія въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ не есть "дача", выхожденіе изъ которой не рекомендуется, какъ безцѣльная растрата времени и расточеніе вниманія.

Н а с т о я щ е е н а у ч н о е п р е п о д а в а н і е в ъ в ы с ш е й ш к о л ѣ в с е г д а у к а з у е т ъ н а н а у ч н ы я п р о с т р а н с т в а, л е ж а щ і я в н ѣ е г о. Оно непрерывно ставитъ вопросы, будитъ мысль, приглашаетъ ее къ выхожденію изъ своихъ предѣловъ.

Такимъ образомъ, преподаваніе въ высшей школѣ требуетъ отъ слушателей не только самостоятельнаго перерабатывающаго осмысливанія даваемаго съ кафедры матеріала, но при помощи этого матеріала сознательной самостоятельной работы - расширенія своего научнаго кругозора за предѣлы этого матеріала.

Вотъ почему нельзя, не должно ограничиваться чтеніемъ учебника, записокъ, словомъ, однихъ только "обязательныхъ"пособій. Въ особенности это указаніе должно быть настойчиво дѣлаемо на первомъ и второмъ курсѣ. На дальнѣйшихъ курсахъ у васъ естественно могутъ явиться спеціальныя научныя увлеченія. На первыхъ двухъ курсахъ вы должны запасаться основами вашего экономическаго образованія. Заучиваніемъ учебниковъ и отбываніемъ экзаменовъ вы такихъ основъ не добудете. Самостоятельное осмысливаніе слушаемыхъ лекцій на основѣ расширяющаго научный кругозоръ чтенія - есть требованіе, которое высшая школа можетъ и должна вамъ предъявлять. И потому это есть требованіе, которое вы сами должны съ самаго вступленія въ высшую школу предъявить къ себѣ и неуклонно исполнять. Ибо безъ такой самостоятельной работы и расширяющаго осмысливанія даваемаго на лекціяхъ матеріала ваше пребываніе въ этихъ стѣнахъ превратится - позвольте употребить терминъ крѣпостного хозяйства - въ лекціонную барщину и въ экзаменаціонный оброкъ.

Предметъ, изложеніе котораго вы будете слушать здѣсь, въ лекціонномъ расписаніи носитъ названіе "исторіи хозяйственнаго быта". Я не стану сейчасъ здѣсь выяснять вамъ понятіе и с т о р і и; объ этомъ исписаны горы бумаги. Съ этимъ во-

просомъ связаны труднѣйшія конечныя проблемы человѣческаго познанія и самыя важныя для новѣйшей философіи вообще, теоріи познанія въ частности, разногласія и споры. Кто хочетъ ознакомиться съ этой областью, тому я могу указать литературу.

Сейчасъ позвольте предположить, что вамъ доступны общепринятыя представленія о томъ, что такое исторія и обратиться къ тому, какъ слагалось въ развитіи исторической и экономической науки взаимоотношеніе и взаимодѣйствіе между тѣмъ, что въ нашемъ предметѣ составляетъ основное содержаніе, т.е. между хозяйственной жизнью и между историческимъ угломъ врѣнія на хозяйство или историческимъ пониманіемъ (истолкованіемъ) человѣческой жизни вообще. Тутъ два вопроса: 1)когда, какъ люди стали понимать, что для историческаго развитія судебъ человѣчества или человѣческихъ обществъ хозяйственная жизнь имѣетъ важное опредѣляющее значеніе; 2) когда, какъ люди стали понимать, что хозяйственная жизнь человѣка есть такъ же, какъ и всѣ другія стороны жизни человѣческихъ обществъ,- явленіе "историческое" и подлежитъ историческому изученію.

Итакъ, два вопроса: I - значеніе хозяйственной жизни для изученія исторіи и II - значеніе историческаго изученія для пониманія хозяйственной жизни.

Значеніе хозяйственной жизни для историческаго развитія человѣческихъ обществъ было особенно сильно почувствовано и соотвѣтствующимъ образомъ учтено въ XIX вѣкѣ, когда возникло такъ называемое матеріалистическое или экономическое пониманіе исторіи, связанное съ именами двухъ великихъ соціалистовъ и соціологовъ XIX вѣка - Сенъ-Симона и Маркса.

Но въ сущности это значеніе было замѣчено и отмѣчено гораздо раньше, а именно греками. Греческая соціальная и политическая философія подмѣтила и подчеркнула значеніе и м у щ е с т в а или владѣнія для политическихъ правъ и для политической власти и, въ связи съ этимъ, значеніе имущественнаго равенства или неравенства для с о с т о я н і я общества. Замѣчательно при этомъ, что такъ же, какъ въ XIX вѣкѣ, теорія, утверждающая основное опредѣляющее значеніе хозяйственной жизни для состоянія и развитія общества, отправлялась отъ практическихъ размышленій надъ общественными неустройствами, надъ борьбой разныхъ элементовъ общества между

собой, такъ же точно было и въ античномъ мірѣ. Раскройте вторую книгу "Политики" Аристотеля и вы увидите тамъ полемику съ идеями греческихъ соціалистовъ и соціальныхъ реформаторовъ (Платона и Фалеаса), для которыхъ, по словамъ Аристотеля, самымъ важнымъ представляется, чтобы имущественныя отношенія были упорядочены или устроены надлежащимъ образомъ, ибо изъ за нихъ возникаютъ общественныя неурядицы (революціи).

Аристотель соглашается съ тѣмъ, что извѣстное имущественное равенство имѣетъ значеніе для государственнаго общенія, но возражаетъ противъ преувеличенія этой мысли. Онъ - идеалистъ въ этомъ вопросѣ, какъ сказали бы теперь, тогда какъ Платонъ и Фалеасъ - матеріалисты. Платонъ однажды высказалъ чисто матеріалистическія мысли, что всѣ войны возникаютъ изъ за денегъ и имущества ( Федонъ ), между тѣмъ, какъ Аристотель прямо говоритъ, что объяснять одними матеріальными (чувственными) побужденіями посягательства на чужое добро нельзя. Совершенно уже невѣрно объяснять всю политику матеріальной н у ж д о й .

Зависимость распредѣленія политическаго могущества отъ распредѣленія имущества составляетъ основной мотивъ размышленій, быть можетъ, самаго глубокаго изъ историковъ древности, Полибія.

Эта античная точка зрѣнія была передана новѣйшему времени, которое развило ученіе о балансѣ политическаго могущества въ государствѣ и о зависимости этого баланса отъ распредѣленія имущества, недвижимаго и движимаго.

Въ прямой зависимости отъ греческой доктрины о равновѣсіи силъ въ государствѣ англійскій публицистъ эпохи революціи Гаррингтонъ ясно формулируетъ ученіе, что " какова мѣра или балансъ владѣнія или собственности земельной, такова же природа власти (empire = power)". Тутъ въ новое время впервые ясно выражено, что природа политическихъ отношеній зависитъ отъ природы отношеній экономическихъ (1656 г.). Но Гаррингтонъ тутъ не оригиналенъ - онъ всецѣло движится тутъ въ рамкахъ, намѣченныхъ политической литературой древнихъ. Не случайно, что эти идеи были высказаны въ эпоху глубокихъ соціальныхъ и политическихъ измѣненій. Въ XVIII вѣкѣ подъемъ Англіи внушалъ наблюдателямъ и изслѣдователямъ мысль о томъ, что хозяйственная жизнь есть основа политическаго прогресса. Любопытный идей-

ный документъ въ этомъ отношеніи представляетъ книга нѣмецко-датскаго ученаго Августа Геннинга"Философская и статистическая исторія происхожденія и развитія свободы въ Англіи", вышедшая въ 1783 году въ Копенгагенѣ (August Henning. Philosophische u. statistische Geschichte des Ursprungs und des Fortgangs der Freiheit in England).

XVIII вѣкъ вообще самымъ фактомъ хозяйственнаго развитія наталкивалъ на размышленія о значеніи хозяйственнаго фактора. Любопытно въ этомъ отношеніи, что идея объ опредѣляющемъ значеніи хозяйства тамъ, гдѣ хозяйственная сторона жизни особенно господствовала надъ прочими сферами, проникаетъ даже въ"изящную словесность" - такъ мы видимъ это въ г а м б у р г с к о й поэзіи, одинъ изъ главнѣйшихъ представителей которой въ лирическо - дидактическихъ произведеніяхъ даетъ своеобразную формулировку экономическаго матеріализма.

Въ XIX вѣкѣ идея объ основномъ опредѣляющемъ значеніи хозяйственной жизни для историческаго развитія человѣческихъ обществъ заявляетъ о себѣ съ особой силой. И любопытно, что мы можемъ въ XIX вѣкѣ прямо говорить о двухъ корняхъ этой идеи. Одинъ, слѣдуя современной публицистической фразеологіи, можно назвать реакціоннымъ, другой - революціоннымъ.

XIX вѣкъ не только хронологическая грань. Въ силу того обстоятельства, что великая французская революція приходится на конецъ XVIII вѣка, наступленіе XIX вѣка есть дѣйствительно начало новой эпохи въ духовно-общественной жизни человѣчества. Оно обозначаетъ собой реакцію противъ господствующаго духа XVIII вѣка. Эта реакція, между прочимъ, выдвинула и идею, что экономическія формы и отношенія имѣютъ болѣе существенное, болѣе опредѣляющее значеніе, чѣмъ формы и отношенія политическія.

Эту идею выдвигаетъ Сенъ-Симонъ въ послѣдній періодъ своей дѣятельности; ее развиваютъ сенъ-симонисты. Ее обобщаетъ и выливаетъ въ законченную форму и заостряетъ Марксъ. Я указалъ уже, что эта идея имѣетъ реакціонный корень. Сенъ-Симонъ тѣмъ и замѣчателенъ въ развитіи исторической философіи, что онъ въ своей фигурѣ объясняетъ двойственность экономическаго объясненія исторіи. Съ одной стороны, Сенъ-Симонъ-ученикъ энциклопедистовъ (Даламбера). На немъ почилъ духъ XVIII

вѣка и духъ революціи. У него есть точки соприкосновенія съ матеріалистами-утилитаристами XVIII вѣка и съ либеральной политической экономіей Онъ пережилъ увлеченіе духомъ естество - знанія, увлеченіе характерное для XVII и XVIII вѣка. Онъ вѣритъ въ силу идей. Всѣ эти идеи и вѣрованія прошли сквозь душу, можно сказать, прожгли ее. Но будучи человѣкомъ XVIIIвѣка, Сенъ-Симонъ воспринялъ въ себѣ и реакцію противъ XVIII вѣка - реакцію чувства противъ разума, идеи власти (авторитета) и общественнаго единства противъ идеи права и правъ человѣческихъ личностей. Отсюда, изъ этого корня выростаетъ у Сенъ - Симона реакція "экономизма" противъ "политицизма" . "Мы придали слишкомъ большое значеніе формѣ правительства. Намъ кажется, что вся политика сосредоточена въ этомъ вопросѣ и стоитъ только хорошо установить раздѣленіе властей, какъ все будетъ организовано наилучшимъ образомъ". Это - заблужденіе. "Законъ, который устанавливаетъ власть и форму правительства не столь важенъ, не оказываетъ столь значительнаго вліянія на счастье народовъ, какъ тотъ законъ, который устанавливаетъ собственность и регулируетъ ея осуществленіе". "Парламентское правительство, - говоритъ Сенъ-Симонъ въ томъ же сочиненіи, - какъ оно не предпочтительно передъ всѣми другими видами правительства, все таки лишь форма, существенной же основой общества является "порядокъ собственности" - "la constitution de la propriete est le fond". Въ своемъ превознесеніи вѣры и чувства , власти и авторитета, въ своемъ равнодушіи къ идеѣ права и своей относительно низкой оцѣнкой п о л и т и ч е с к и х ъ формъ Сенъ-Симонъ обнаруживаетъ вліяніе противораціоналистической и противоиндивидуалистической реакціи противъ раціонализма и индивидуализма XVIII вѣка, той реакціи, выразителями которой во Франціи явились представители французской теократической школы, такіе люди, какъ Жозефъ де Местръ, Бональдъ и др.

Эта связь Сенъ-Симона съ католически-реакціоннымъ направленіемъ -, а Сенъ-Симонъ есть основатель и основоположникъ экономическаго матеріализма, - есть тотъ реакціонный корень экономическаго пониманія исторіи. Въ этомъ двойственномъ происхожденіи экономическій или историческій матеріализмъ сближается съ французскимъ позитивизмомъ (контовскимъ), основателемъ котораго слѣдуетъ считать тоже Сенъ-Симона и въ которомъ духъ Даламбера сожительствуетъ съ духомъ Де Местра.

Въ философіи исторіи Сенъ-Симонъ "идеологическій" и "матеріальный" экономическій факторъ ставитъ рядомъ - и въ этомъ другая двойственность сенъ-симонизма. Сенъ-Симонъ (и за нимъ Контъ) настаивали, что міромъ управляютъ идеи и въ каждой исторической эпохѣ отыскивали присущія ей руководящія идеи. Сенъ Симону въ значительной мѣрѣ принадлежитъ ( предшественникомъ его въ этомъ отношеніи является Тюрго) знаменитый законъ трехъ состояній, черезъ которыя проходитъ сознаніе человѣчества: теологическаго, метафизическаго и положительнаго, - самая популярная изъ всѣхъ идей, пущенныхъ въ оборотъ такъ называемой положительной философіей О. Конта.

Рядомъ съ значеніемъ порядка собственности Сенъ - Симонъ подчеркнулъ значеніе "промышленности", понимаемой не въ смыслѣ группы занятій, противоположной земледѣлію, а въ смыслѣ занятій, направленныхъ непосредственно на добываніе матеріальныхъ цѣнностей, т.е. въ извѣстной мѣрѣ въ смыслѣ "производительныхъ" занятій школьной политической экономіи, въ сущности, значитъ, въ смыслѣ "труда". "Успѣхи промышленности (индустріи) суть самые основные для общества, индустрія есть единственная гарантія существованія человѣческаго общества, единственный источникъ его богатства и счастья, "индустріальныя идеи" образуютъ необходимую объединяющую общество связь, и націи суть ни что иное, какъ индустріальныя общества!" Въ индустріи (трудѣ) въ конечномъ счетѣ покоятся всѣ реальныя силы общества. Соотвѣтственно этому у великой французской революціи основное содержаніе было экономическое. Эта была революція, цѣлью которой была, очевидно съ момента ея возникновенія, организація нѣкоего экономическаго и либеральнаго режима. Успѣхъ промышленности (le succes de la cause industrielle) есть въ дѣйствительности подлинная цѣль революціи.

Въ частности, какъ творцы экономическаго объясненія исторіи Сенъ-Симонъ и его ученики - сенъ-симонисты (а за ними послѣдовалъ Луи Бланъ) выдвинули слѣдующіе два основныхъ фактора исторіи:

1) борьбу общественныхъ классовъ,

2) прогрессъ техники.

Генетическая связь экономическаго объясненія исторіи съ реакціей XIX вѣка противъ духа вѣка XVIII сказывается не только во Франціи. Она столь же ясно обнаруживается и въ Германіи.

Въ Германіи экономическое объясненіе исторіи первый формулировалъ консервативный соціалистъ съ французской фамиліей Лавернь Негильенъ. Въ 1838 году онъ въ Кенигсбергѣ опубликовалъ первый томъ своего труда "Основы науки объ обществѣ" и въ этомъ томѣ, озаглавленномъ "Законы движенія и законы производства. Государственно-хозяйственный опытъ" на стр. 225 онъ формулировалъ въ достаточно рѣзкой и довольно отчетливой редакціи свое экономическое пониманіе исторіи: "Быть можетъ наука объ обществѣ, какъ таковая, до сихъ поръ столь мало подвинулась впередъ потому, что экономическія формы недостаточно различались, игнорировалось, что онѣ образуютъ основу всей организаціи общества и государства. Не обращали вниманія на то, что производство, распредѣленіе продуктовъ, культура и распространеніе культуры, государственная форма заимствуютъ всю свою силу и получаютъ свое развитіе исключительно изъ формъ хозяйства; что указанные весьма важные моменты общественной жизни такъ-же неизбѣжно вытекаютъ изъ формъ хозяйства и ихъ надлежащаго примѣненія, какъ продуктъ рождается изъ оплодотворяющаго взаимодѣйствія производительныхъ силъ и что тамъ, гдѣ обнаруживаются общественныя болѣзни ихъ происхожденіе по общему правилу коренится въ противорѣчіи между формою государства и формою хозяйства".

Марксъ формулировалъ свою теорію зависимости историческаго развитія человѣческихъ обществъ отъ хозяйственной жизни въ слѣдующемъ знаменитомъ разсужденіи:

"Въ общественномъ производствѣ своей жизни люди вступаютъ въ опредѣленныя, необходимыя, независимыя отъ ихъ воли отношенія, отношенія производства, которыя соотвѣтствуютъ опредѣленной ступени развитія ихъ матеріальныхъ производительныхъ силъ. Совокупность этихъ производительныхъ отношеній образуетъ экономическую структуру общества, реальный базисъ, на которомъ возвышается юридическая и политическая надстройка и которому соотвѣтствуютъ опредѣленныя формы общественнаго сознанія. Способъ производства матеріальной жизни обусловливаетъ вообще соціальный, политическій и духовный процессъ жизни. Не сознаніе людей опредѣляетъ ихъ бытіе, а наоборотъ ихъ общественное бытіе опредѣляетъ ихъ сознаніе. На извѣстной ступени своего развитія матеріальныя производительныя силы общества приходятъ въ противорѣчіе съ существующими производственными отношеніями

или, что является лишь юридическимъ выраженіемъ таковыхъ, съ отношеніями собственности, въ предѣлахъ которыхъ они до сихъ поръ двигались. Изъ формъ развитія производительныхъ силъ эти отношенія превращаются въ ихъ путы. Тогда наступаетъ эпоха соціальной революціи. Съ измѣненіемъ экономической основы преобразуется быстрѣе или медленнѣе вся громадная надстройка. При разсмотрѣніи такихъ переворотовъ необходимо всегда различать между матеріальнымъ, съ естественно-научной точностью могущимъ быть констатированнымъ переворотомъ въ экономическихъ условіяхъ производства и юридическими, политическими, религіознымъ, художественными или философскими, говоря коротко, идеологическими формами, въ которыхъ люди сознаютъ этотъ конфликтъ и проводятъ его. Такъ же, какъ нельзя судить объ индивидѣ по тому, что онъ самъ о себѣ мнитъ, точно такъ же нельзя объ эпохѣ такого переворота судить на основаніи его сознанія; наоборотъ, надлежитъ это сознаніе объяснить изъ противорѣчій матеріальной жизни, изъ существующаго конфликта между общественными производительными силами и производственными отношеніями. Никакая общественная формація не погибаетъ, прежде чѣмъ не разовьются всѣ производительныя силы, для которыхъ она достаточно широка, и новыя, болѣе высокія производственныя отношенія не являются на ея мѣсто, прежде чѣмъ не будутъ подготовлены матеріальныя условія ихъ существования въ нѣдрахъ стараго общества. Поэтому человѣчество ставитъ себѣ только такія задачи, которыя оно можетъ разрѣшить, ибо при болѣе точномъ разсмотрѣніи всегда окажется, что самая задача возникаетъ только тамъ, гдѣ матеріальныя условія ея разрѣшенія имѣются уже налицо, либо, по крайней мѣрѣ, находятся въ процессѣ своего возникновенія. Въ крупныхъ очертаніяхъ можно въ качествѣ послѣдовательныхъ эпохъ общественнаго развитія назвать азіатскій, античный, феодальный и современно-буржуазный способъ производства. Буржуазныя производственныя отношенія - послѣдняя антагонистическая форма общественнаго производственнаго процесса, антагонистическая не въ смыслѣ индивидуальнаго антагонизма, а въ смыслѣ антагонизма, вырастающаго изъ общественныхъ условій жизни индивида. Но развивающіяся въ нѣдрахъ буржуазнаго общества производительныя силы создаютъ въ то же время матеріальныя условія для разрѣшенія этого антагонизма. На этой общественной формаціи

заканчивается поэтому доисторическая эпоха (die Vorgeschichte) человѣческаго общества".

Я не буду входить здѣсь въ критику основныхъ положеній этой Марксовской формулировки ( она дана мною въ сборникѣ въ честь Ключевскаго).

Экономическое пониманіе исторіи, какъ оно создано Сенъ-Симономъ и Марксомъ, ставитъ во главу угла ростъ производительныхъ силъ. Но есть другой вариантъ экономическаго объясненія исторіи, обыкновенно не подводимый подъ это понятіе и между тѣмъ имѣющій на это полное право. Это ученіе, согласно которому, опредѣляющимъ общественное развитіе факторомъ является ростъ населенія. Ходъ мыслей, лежащій въ основѣ этой разновидности экономическаго объясненія исторіи, таковъ: размноженіе людей вынуждаетъ ихъ приспособлять всю свою хозяйственную жизнь къ потребностямъ растущаго населенія. Приспособленіе это совершается стихійно, какъ стихійно даютъ себя знать потребности растущаго числа человѣческихъ ртовъ.

Въ этой теоріи вѣрно подмѣченъ біологическій фактъ, лежащій въ основѣ хозяйственной жизни, поскольку населеніе не вымираетъ и не ограничиваетъ сознательно своего размноженія. Однако, даже и въ этомъ случаѣ вліяніе и этого факта можетъ значительно видоизмѣняться въ зависимости отъ факторовъ совершенно другого порядка. Ростъ населенія можетъ оказывать свое п о л н о е вліяніе только тамъ, гдѣ такъ или иначе въ жизни признается, что всякій являющійся на свѣтъ человѣкъ имѣетъ право на существованіе. Право это начисто отрицается тамъ, гдѣ лишнихъ дѣтей просто и прямо устраняютъ сейчасъ же послѣ рожденія. Это крайняя форма репрессивнаго отрицанія права на существованіе. Но въ сущности ни одинъ изъ существовавшихъ до сихъ поръ общественныхъ порядковъ не былъ основанъ на полномъ признаніи права на существованіе каждаго явившагося на свѣтъ человѣка.

Существующее человѣческое общество приближается всей своей организаціей общественнаго призрѣнія, общественной медицинской помощи и вообще общественнаго здравоохраненія къ такому признанію. Но и теперь еще въ современномъ обществѣ - слѣдуетъ это признать - экономически лишніе люди оказываются безпомощными и беззащитными и гибнутъ во множествѣ. Это есть тоже репрессивное отрицаніе права на существованіе не [illegible] и же-



Библиотека ООН

этокое какъ утверждение дѣтей, но всетаки неуклонно дѣйствующее. Тѣмъ не менѣе даже и при не признаніи права на существованіе за каждымъ вновь являющимся на свѣтъ, нельзя не согласиться, что ростъ населенія тамъ, гдѣ онъ налицо, есть могущественный факторъ общественно-экономической жизни. Поскольку мы становимся на точку зрѣнія экономическаго объясненія исторической эволюціи человѣческихъ обществъ, естественно именно этотъ факторъ положить во главу угла такого объясненія.

Значеніе роста населенія, какъ основного момента экономической эволюціи, неоднократно выдвигалось въ соціалистической литературѣ. Въ сущности эта мысль implicite заключается во всемъ построеніи Мальтуса. Въ особенности ясно и рѣзко высказалъ эту мысль швейцарскій экономистъ Герреншвандъ (1730 - - 1807). Онъ уже намѣтилъ то положеніе, которое дальше нашло себѣ плодотворное развитіе, а именно, что всякой "хозяйственной системѣ" соотвѣтствуетъ извѣстная емкость территоріи по отношенію къ населенію. Эту мысль блистательно развилъ Фридрихъ Листъ въ своей "Національной системѣ политической экономіи". Вслѣдъ за Листомъ ее развилъ и обосновалъ Дюрингъ; изъ новыхъ экономистовъ ее проводитъ грацскій профессоръ Рихардъ Гильдебрандъ (сынъ Бруно Гильдебранда); въ частности онъ примѣнилъ ее къ аграрной эволюціи. Извѣстный итальянскій соціологъ и экономистъ Лоріа сводитъ къ тому же моменту всѣ измѣненія хозяйственныхъ формъ. Такую же соціологическую концепцію мы находимъ у Максима Ковалевскаго. Вопросъ о ростѣ населенія фигурировалъ и въ спорѣ объ условіяхъ возникновенія и развитія капитализма въ Россіи, происходившемъ между "народниками" и "марксистами". Огромное значеніе роста населенія и соотношеніе между его размноженіемъ и хозяйственнымъ строемъ было положено мною въ основу объясненія новѣйшаго экономическаго развитія Россіи въ книгѣ: "Критическія замѣтки къ вопросу объ экономическомъ развитіи Россіи" (1894). Это была та мысль, которая клала рѣзкую грань между моимъ пониманіемъ процесса экономическаго развитія Россіи и пониманіемъ какъ народническимъ, такъ и ортодоксально-марксистскимъ.

Ростъ населенія есть факторъ столь же матеріальный, сколько и ростъ производительныхъ силъ, но несомнѣнно по существу болѣе первичный, и потому въ учетѣ причинныхъ моментовъ его слѣдуетъ, разсуждая отвлеченно, поставить раньше, чѣмъ ростъ

производительныхъ силъ. Ростъ производительныхъ силъ есть какъ бы процессъ приспособленія къ тому положенію, которое для той или иной человѣческой группы создается ростомъ населенія.

Такимъ образомъ, - какъ это ни представляется на первый взглядъ страннымъ въ виду извѣстнаго крайне отрицательнаго отношенія Маркса къ Мальтусу и его ученію - въ основу экономическаго матеріализма въ смыслѣ Маркса должна быть положена та же мысль, которая является основой и для ученія Мальтуса. Слѣдуетъ отмѣтить при этомъ, что, расширяя кругъ своихъ экономическихъ размышленій, Энгельсъ въ извѣстной разработкѣ книги Моргана о первобытномъ обществѣ вынужденъ былъ признать значеніе роста населенія рядомъ съ ростомъ производительныхъ силъ. Въ указанной обработкѣ Энгельсъ выставилъ положеніе, что, согласно матеріалистическому пониманію исторіи, опредѣляющимъ моментомъ въ исторіи является производство и воспроизведеніе жизни. Оно же двоякаго рода: 1)производство средствъ жизни и средствъ для ихъ производства и 2)производство самого человѣка, размноженіе рода. Однако Энгельсъ не уяснилъ себѣ смысла этого признанія роста населенія, какъ соціологическаго фактора, и не сдѣлалъ изъ него никакихъ выводовъ.

Поскольку Марксъ отрицалъ начисто построеніе Мальтуса, въ этомъ отрицаніи заключалась мысль, что ростъ производительныхъ силъ всегда приспособляется къ росту населенія, что населеніе никогда не опережаетъ производительныхъ силъ. Это, конечно, вообще и въ частности для "капиталистической эпохи"-доктринальное предположеніе, не могущее быть исторически оправдано. Но, съ другой стороны, и Мальтусъ и мальтузіанство чисто доктринально утверждаютъ, что ростъ населенія всегда опережаетъ (или имѣетъ тенденцію опережать) ростъ производительныхъ силъ. Однако нѣтъ вовсе никакой абсолютной необходимости даже въ томъ, чтобы населеніе вообще росло. Основная ошибка Мальтуса именно въ томъ и заключалась, что онъ считалъ ростъ населенія чѣмъ то абсолютнымъ и неизбѣжнымъ. Вовсе не неизбѣжно, чтобъ росло населеніе, такъ же какъ, съ другой стороны, отнюдь не неизбѣжно, чтобы возрастали производительныя силы общества. Вопросъ этотъ имѣетъ тѣмъ большее значеніе для современнаго "капиталистическаго"человѣчества ,

что для него очевидно имѣетъ силу не "законъ" Мальтуса, не равновѣсіе между средствами существованія и населенія въ силу слишкомъ быстраго роста послѣдняго, а именно "французскій типъ" размноженія, "стаціонарность" населенія, обусловленная тѣмъ, что современный человѣкъ не желаетъ отягощать своей жизни заботой о слишкомъ большомъ потомствѣ.

## *Лекція 2.*

Проблема населенія является такимъ образомъ проблемой, въ которой также ставится вопросъ о значеніи хозяйства для историческихъ судебъ народа. Всякое абсолютное рѣшеніе этого вопроса является доктринальнымъ, независимо отъ характера самаго рѣшенія. Соотношеніе роста производительныхъ силъ и роста населенія есть вопросъ факта, при чемъ это фактическое соотношеніе обоихъ факторовъ чрезвычайно сложно. Это игнорировалось въ прежнихъ теоріяхъ, не видѣвшихъ, что вопросъ о размноженіи - хотя послѣднее само по себѣ изъ области біологіи - связанъ съ многими психологическими вопросами.

Во первыхъ, само населеніе является производительнымъ факторомъ, однимъ изъ элементовъ производительныхъ силъ. Человѣкъ - главный производительный факторъ хозяйственнаго процесса; масса человѣческихъ силъ, помѣщаемыхъ въ процессѣ производства, играетъ огромную роль. Съ другой стороны ростъ населенія оказываетъ давленіе на процессъ производства въ принужденіи къ интенсифицированію хозяйства.

Такимъ образомъ, здѣсь сплетаются самыя различныя комбинаціи, которыя и отражаются въ рѣшеніяхъ вопроса о значеніи населенія. Идея, что человѣкъ самъ - производительная сила и что ростъ населенія, значитъ, пропорціоналенъ росту производительныхъ силъ служитъ основой оптимистической концепціи Генри Джорджа. Въ извѣстномъ смыслѣ его утвержденіе справедливо: ростъ населенія составляетъ матеріальную основу роста производительныхъ силъ. Совсѣмъ иное значеніе пріобрѣтаетъ ростъ населенія въ другихъ теоріяхъ, образчикомъ которыхъ служитъ теорія Мальтуса. Здѣсь ростъ населенія дѣйству-

етъ не непосредственно, какъ производительная сила; вліяетъ черезъ давленіе на психику потребляющаго, какъ психологическій мотивъ, какъ моментъ нужды, какъ плетка, бичъ, подгоняющій людей, а не прямо черезъ массу энергіи; дѣйствуетъ не со стороны производства, труда, а со стороны потребленія.

Несмотря на комбинаціи разныхъ отношеній, въ которыя вступаютъ эти факторы, зависимость между ними остается, тѣмъ не менѣе, въ силѣ. Ее можно прослѣдить и на фактахъ современности. Обратимся къ современной Франціи съ ея стаціонарнымъ населеніемъ. Послѣдній фактъ вызываетъ основныя особенности хозяйственнаго строя этой страны: замедленный темпъ активнаго экономическаго развитія Франціи бросается въ глаза непосредственно; уже при переѣздѣ черезъ границу Германіи, вы попадаете въ другую экономическую обстановку, темпъ которой совсѣмъ иной. Такимъ образомъ замедленный ростъ населенія отражается и въ хозяйствѣ: застой роста народонаселенія вызываетъ хозяйственный застой. Здѣсь сама жизнь производитъ замѣчательный экспериментъ, оригинальность котораго не укладывается ни въ построенія Мальтуса, ни въ конструкціи его противниковъ. Значеніе роста населенія выходитъ за предѣлы хозяйственной жизни, проявляясь и въ жизни политической. Соотношеніе политическихъ державъ, напримѣръ, относительная международная слабость Франціи сравнительно съ Германіей обозначаетъ именно замедленный ростъ ея населенія. Въ политической жизни это проявляется еще ярче, такъ какъ здѣсь ярче просто численная зависимость вооруженной силы отъ количества населенія. Съ другой стороны тотъ процессъ, который сдѣлалъ Францію кредиторомъ-банкиромъ другихъ странъ (напримѣръ Россіи, Турціи и др.), благодаря чему Франція заинтересована въ мирномъ развитіи государствъ - должниковъ ея, стоитъ также въ связи съ характеромъ роста ея населенія. Если бы во Франціи росло населеніе, Франція принуждена была бы помѣщать капиталы внутри страны, не могла бы снабжать въ такомъ количествѣ деньгами другія страны, какъ Германія не можетъ играть роли кредитора. Во французскомъ процессѣ ясенъ психологическій моментъ: французскій крестьянинъ сознательно и энергично воздерживается отъ размноженія. Такимъ образомъ, воздержаніе отъ дѣторожденія задерживаетъ ростъ потребленія, освобождаетъ массу капиталовъ, которыя и размѣщаются на внѣшнихъ рынкахъ.

Значеніе населенія для хозяйственной жизни огромно, связь его съ экономикой страны велика, но теоретическія схемы не достаточно эластичны, чтобы уловить сложность этой связи. Поставимъ вопросъ: чѣмъ человѣчество могло бы замѣнить значеніе, которое играетъ ростъ населенія, создающій атмосферу активности, являющейся рычагомъ развитія? Вопросъ этотъ имѣетъ тѣмъ большую важность, что для современнаго человѣчества имѣетъ значеніе не "законъ" Мальтуса, а "французскій типъ" размноженія: неподвижность или стаціонарность населенія, вызванная нежеланіемъ человѣка обременять себя большой семьей. Эта проблема не только экономическая, а и политическая: вопросъ о національномъ самоутвержденіи. Поэтому западно-европейскіе политики съ тревогой слѣдятъ за всюду отмѣчаемымъ процессомъ ослабленія роста населенія въ культурныхъ странахъ.

Эти замѣчанія должны были иллюстрировать одинъ изъ варіантовъ экономическаго объясненія исторіи.

Послѣ того, какъ было выяснено значеніе экономическаго момента, опредѣляющее значеніе хозяйственной жизни, я перейду къ пониманію хозяйства какъ явленія исторіи.

Тутъ обнаруживается одно явленіе, играющее огромнѣйшую роль въ общественныхъ наукахъ. Наука,- какъ ученіе о томъ что было, есть и будетъ въ силу необходимыхъ условій и обстоятельствъ природы, - наука - какъ ученіе о сущемъ - должна быть свободна отъ системъ размышленій, связанныхъ съ постановкой цѣлей, отъ практики, отъ политики, отъ того, что должно быть въ зависимости отъ опредѣленной цѣли, отъ установленнаго въ согласіи съ идеаломъ. Если вы ставите проблему сущаго, то въ силу научной нравственности или добропорядочности не слѣдуетъ касаться проблемы должнаго. Сущее и должное *) - различныя категоріи, опредѣляющія различное отношеніе ко всему бытію. Ихъ смѣшеніе отражается фатально-вредно на ходѣ научнаго мышленія тѣхъ, кто ихъ сознательно смѣшиваетъ. Но человѣкъ не всегда руководится сознаніемъ, не все въ человѣческихъ дѣлахъ совершается сознательно. И это необходимо и даже въ извѣстномъ смыслѣ хорошо: въ самой жизни никогда не бываетъ рѣзкаго отдѣленія сущаго отъ должнаго и невыгоды этого компенсируются тѣмъ что этимъ гаран-

---

*) *Конечно, совокупныя усилія людей сходятся въ ту сумму причинъ, которыя опредѣляютъ судьбы людей. Но не это понимается, какъ ясно изъ текста, подъ категоріей должнаго.*

тируется живая связь съ реальной жизнью, съ живительными источниками знанія. Въ примѣненіи къ нашему предмету: практическія сомнѣнія въ эффективности предписаній практической экономіи, притязавшихъ на абсолютность - вотъ что породило историческую школу, которой мы обязаны пониманіемъ хозяйства, какъ вѣчно текучаго, измѣняющагося процесса. Усомнились въ практической примѣнимости предписаній, одѣтыхъ въ костюмъ "естественныхъ" законовъ, "естественнаго" порядка вещей. Историческое пониманіе хозяйства вытекло такимъ образомъ изъ практическаго сомнѣнія въ абсолютныхъ началахъ.

Такъ обстоитъ дѣло съ поворотомъ политической экономіи къ историзму, если брать его какъ явленіе развитія соціальной мысли, разсматривать его въ широкомъ общественномъ процессѣ возникновенія и развитія идей изъ потребностей и задачъ эпохи. Когда мы разсматриваемъ развитіе идей такъ, - мы находимъ всегда въ нихъ психологическую связь съ практической жизнью, какъ бы "отвлеченными" и отрѣшенными отъ жизни онѣ ни казались. Въ этомъ чисто психологическомъ смыслѣ права та въ настоящее время модная теорія, которая извѣстна подъ названіемъ прагматизма и которая теоретическія идеи выводитъ изъ практическихъ цѣлей и потребностей. Но эта связь и зависимость чисто психологическая и фактическая, такъ же какъ чисто психологическій и фактическій характеръ носитъ историческая зависимость наукъ физики и химіи отъ технологіи. Содержаніе теоретическихъ ученій, однако, нисколько не зависитъ въ своемъ познавательномъ достоинствѣ отъ тѣхъ практическихъ мотивовъ и мыслей, которыми обусловливается и сопровождается добываніе этихъ ученій. Истина, конечно, и е есть то, что полезно и нужно человѣчеству или опредѣленной группѣ людей въ данный историческій моментъ. Это низведеніе истины и истинъ до практически полезныхъ приспособленій человѣка въ его борьбѣ за существованіе вовсе не вытекаетъ изъ простого и трезваго признанія психологической зависимости разыскиванія истины отъ практическихъ потребностей, интересовъ и стремленій людей. Въ особенности такая зависимость явственно выражается въ развитіи знаній и размышленій человѣка о себѣ какъ общественномъ существѣ.

Когда - повторяю - усомнились въ практическихъ рѣшеніяхъ либеральной политической экономіи, то усомнились тѣмъ самымъ въ теоретическомъ фундаментѣ этихъ практическихъ идей, въ мы -

сли, что хозяйство есть нѣчто отъ вѣка данное, незыблимое, неизмѣнное. Его стали разсматривать какъ измѣняющееся "историческое" явленіе, начала котораго имѣютъ не абсолютное, а относительное значеніе, которое преобразуется въ процессѣ измѣненія и роста народной жизни.

Застрѣльщикомъ историческаго воззрѣнія на общественную жизнь является, однако, не политическая экономія, а правовѣдѣніе. Историческая школа въ правѣ есть піонеръ историческаго пониманія общественной жизни. Въ 1814 г. появился знаменательный манифестъ исторической школы въ правовѣдѣніи - книга Савиньи "О призваніи нашего времени къ законодательству". Эта книга, какъ и все историческое воззрѣніе, родилось изъ реакціи противъ духа XVIII вѣка. Теоретическое воззрѣніе историзма впервые было порождено консервативной реакціей и было продиктовано практическими интересами и потребностями. Это станетъ намъ еще яснѣе, если мы вспомнимъ вотъ что. Какъ теоретическое, академическое, профессорское построеніе, историзмъ въ правѣ родился въ Германіи; но оно было предварено въ Англіи практическими откликами, можно прямо сказать, крикомъ, который за много лѣтъ раздался въ Англіи, когда знаменитый англійскій политическій дѣятель Веркъ бросилъ революціонному духу въ лицо свои классическія размышленія о французской революціи, вскорѣ переведенныя на нѣмецкій языкъ.

Не только историческое направленіе въ политической экономіи было предварено и подготовлено историческимъ направленіемъ въ правѣ. Самое развитіе чистой исторіи сыграло крупную роль въ пониманіи хозяйственной жизни какъ историческаго явленія. Уже въ XVIII вѣкѣ филологи и историки стали исторически изучать хозяйство классической древности, среднихъ вѣковъ и отчасти новаго времени. Человѣкъ, который явился основателемъ науки русской исторіи, достопочтенный Августъ Людвигъ Шлецеръ называлъ себя ученикомъ гамбургскаго экономиста Бюша и англійскаго предшественника С м и т а , забытаго, но замѣчательнаго экономиста Д ж е м с а С т ю а р т а. Онъ въ своихъ историческихъ трудахъ обращаетъ вниманіе на хозяйственную жизнь и у Шлецера встрѣчаемъ весьма ясныя ноты экономическаго или историческаго матеріализма. "Исторія табака писалъ онъ, будетъ столь же интересна, какъ и исторія Тамерлана или древнихъ ассирійцевъ если мы предполагаемъ, что та связь, которую

какой-либо предметъ имѣетъ, какъ причина со слѣдствіемъ, съ великими историческими перемѣнами, является единственнымъ мѣриломъ историческаго значенія".

Въ трудахъ такого вліятельнаго историка какъ Геереиъ("Ideen uber die Politik, den Verkehr und den Handel der vornehmsten Volker des allen Welt", съ 1793 г.) хозяйственная жизнь занимаетъ крупное мѣсто и является предметомъ внимательнаго изученія. (Здѣсь умѣстно такъ же вспомнить, что знаменитый англійскій философъ и историкъ Юмъ въ то же время былъ раннимъ экономистомъ). Но еще важнѣе былъ тотъ фактъ, что великій преобразователь древней исторіи Б. Г. Нибуръ въ изученіе этой области внесъ живой интересъ къ экономическимъ проблемамъ и ясное ихъ пониманіе. Отсюда его интересъ къ судьбамъ римскаго крестьянства. Ученикомъ Нибура былъ знаменитый историкъ Греціи Бекъ, написавшій "Государственное хозяйство Аѳинъ" 1817 г. - сочиненіе, положившее прочное начало экономической исторіи Греціи, на основѣ эпиграфическаго матеріала, матеріала надписей. Его уголъ зрѣнія очень хорошо охарактеризованъ однимъ позднѣйшимъ историкомъ, который сказалъ: "старому Веку въ плоть и кровь перешелъ тотъ фактъ, что аѳиняне жили ячменемъ и пшеницей, а не поэзіей и философіей".

Если въ Германіи историческая школа въ политической экономіи была подготовлена исторической школой въ правовѣдѣніи и критической исторіей, то во Франціи экономическое пониманіе исторіи, какъ его формулировалъ Сенъ-Симонъ и сенъ-симонисты, рано оплодотворило историческія изученія. Изъ школы Сенъ-Симона вышелъ не только основатель французской т. н. позитивной философіи Контъ, но и одинъ изъ самыхъ блестящихъ французскихъ историковъ XIX вѣка - Огюстенъ Тьерри. Французскіе историки XIX в. вообще не безъ вліянія Сенъ-Симона и сенъ-симонизма уловили и оцѣнили значеніе для историческихъ судебъ человѣческихъ обществъ классовой и вообще соціальной борьбы, вырастающей въ значительной мѣрѣ на экономической почвѣ, и этотъ мотивъ, у Сенъ-Симона и сенъ-симонистовъ являвшійся геніальнымъ прозрѣніемъ, превратили въ мотивъ методическаго изученія прошлаго.

Основатели исторической школы въ политической экономіи Р о ш е р ъ , К н и с ъ , Г и л ь д е б р а н д ъ были экономистами, не только прошедшими историческую школу, но и по всей своей подготовкѣ, по исходнымъ точкамъ своего научнаго пути они были ученными историками, къ тому же испытавшими на себѣ извѣстное

вліяніе великихъ философскихъ системъ Германіи начала XIX вѣка, всего больше системы Гегеля.

Политическая экономія оплодотворяется, такимъ образомъ, и с т о р і е й и затѣмъ начинается обратный процессъ: политическая экономія оплодотворяетъ исторію. Историческое изученіе и истолкованіе помогаетъ исторически понять современность. Исторически понятая современность, т.е. историческое пониманіе экономической современности и новѣйшаго экономическаго развитія помогаетъ уловить и понять экономическія явленія и пружины прошлаго.

Экономисты, обратившись къ историческому матеріалу древности, историческими особенностями хозяйственнаго строя древности истолковывали для себя современный хозяйственный строй. Въ этомъ контекстѣ не случайно, а наоборотъ въ высокой степени знаменательно, что теорію хозяйственнаго строя древности создалъ великій нѣмецкій соціалистъ Р о д б е р т у с ъ , одинъ изъ сильнѣйшихъ по уму экономистовъ XIX вѣка. Мысль Родбертуса интенсивно работала надъ великими практическими соціальными и политическими проблемами новѣйшаго времени. И изъ этой работы выростало у него его истолкованіе явленій древности, его представленіе о хозяйствѣ древности, какъ о замкнутомъ хозяйствѣ, "о й к о с ѣ". "Ойкосное хозяйство" древности - о ступеняхъ экономическаго развитія я буду трактовать особо - въ такихъ выпуклыхъ, рѣзкихъ очертаніяхъ выступило передъ Родбертусомъ именно потому, что онъ весь былъ полонъ мыслями объ экономической современности.

За экономистомъ Родбертусомъ въ противопоставленіи античнаго хозяйства современному послѣдовалъ другой экономистъ - В ю х е р ъ, создавшій цѣлую весьма стройную теорію ступеней хозяйственнаго развитія.

У историковъ въ общемъ противоположный уклонъ мысли. Самые выдающіеся историки древности въ экономическомъ истолкованіи ея настаиваютъ на сближеніи явленій античныхъ съ явленіями современности. Въ этой области несомнѣннымъ "модернизаторомъ" былъ М о м м с е н ъ . Любопытно, что Моммсенъ въ области древней экономики, гдѣ онъ не былъ спеціалистомъ, былъ гораздо больше "модернизаторомъ" чѣмъ въ области права, гдѣ онъ былъ спеціалистомъ (по своей исходной спеціальности Моммсенъ былъ юристомъ) и гдѣ онъ въ отношеніи римскаго государ-

ственнаго права выставилъ задачу понять это право изъ его собственныхъ основъ.

За Моммсеномъ въ этомъ отношеніи слѣдуютъ крупнѣйшіе современные историки древности, Эдуардъ Мейеръ, Карлъ Юліусъ Белохъ, Робертъ фонъ Пельманъ.

Экономисты же, наоборотъ, стремятся, какъ и ихъ первоучитель Родбертусъ, понять экономику древности какъ особый укладъ экономическихъ отношеній.

Интересный примѣръ прямого вліянія экономическаго изслѣдованія новаго времени на пониманіе античныхъ экономическихъ отношеній представляетъ отношеніе между историкомъ К.Нейманомъ и его коллегой по страсбургскому университету Кнаппомъ.

Споръ между экономистами, подчеркивающими особенный экономическій характеръ разныхъ историческихъ эпохъ, и историками, при помощи понятій современности истолковывающими отдаленныя отъ насъ эпохи, какъ я уже указалъ, имѣетъ огромный интересъ и ставитъ передъ нами важнѣйшія задачи. Экономисты, какъ будто, въ этомъ спорѣ "историчнѣе", чѣмъ историки. И въ то же время историчнѣе они потому, что они подходятъ къ историческому матеріалу съ систематическими категоріями, спеціально для этого матеріала вычеканенными. "Историчнѣе" они потому, что они работаютъ при помощи рѣзко очерченныхъ понятій, а не руководствуются расплывчатыми, ходячими представленіями и соблазнительными аналогіями. Повидимому, дѣло обстоитъ такъ, что вопросъ a limine рѣшается въ пользу экономистовъ противъ историковъ. Было время, когда я стоялъ на этой точкѣ зрѣнія.

Но дѣло обстоитъ сложнѣе. Тѣ историческія понятія, тѣ идеально-типическія конструкціи, которыя создалъ "историзмъ" экономистовъ, именно какъ конструкціи, вызываютъ сомнѣнія. Не суть ли это конструкціи схемы, насилующія историческій матеріалъ, который подъ нихъ подгоняется? Не представляются ли эти конструкціи предвзятыми "директивами" для изслѣдованія, которое должно начинаться безъ всякихъ директивъ, безъ всякихъ предпосылокъ? И не представляется ли предположеніе, что все содержаніе экономическихъ отношеній разныхъ эпохъ укладывается въ такія схематическія построенія, фактически неимѣннымъ и по существу сомнительнымъ? Тутъ, очевидно, есть вопросы, которые надо правильно поставить и посильно разрѣшить.

Истолкованіе разныхъ историческихъ эпохъ при помощи особыхъ историческихъ построеній вытекло какъ я указалъ, изъ сомнѣній въ общепримѣнимости систематическихъ категорій современной хозяйственной жизни къ другимъ историческимъ эпохамъ. Если историки упрекали экономистовъ въ апріорныхъ построеніяхъ, то ясно, что "историзмъ" экономистовъ вовлекъ ихъ въ сооруженіе этихъ особыхъ историческихъ построеній. Принципіально подобное установленіе понятій для пониманія груды историческихъ фактовъ правильно. Пониманіе историческихъ фактовъ безъ понятій, безъ систематическихъ категорій невозможно. Это надлежитъ разъ навсегда признать. Споръ можетъ идти не объ этомъ. Споръ можетъ идти только о томъ: дѣйствительно ли разные хозяйственные уклады такъ различны, что для каждаго изъ нихъ нужны особыя систематическія понятія, дѣйствительно ли вѣрно то, что утверждаетъ напримѣръ Бюхеръ, что понятія, которыя создала традиціонная политическая экономія-"англійская политическая экономія"(Бюхеръ) непримѣнимы къ другимъ хозяйственнымъ укладамъ.

Этого основного противоположенія историки - противники Бюхера - не уловили ясно, а именно въ немъ суть разногласія и сущность проблемы самой исторіи хозяйственнаго быта, какъ особой науки.

Моя точка зрѣнія: фактическій матеріалъ исторіи экономическихъ отношеній долженъ быть обрабатываемъ и истолковываемъ при помощи основныхъ систематическихъ категорій политической экономіи. Эти категоріи, какъ понятія, суть не историческія, а систематическія построенія.

Исторія хозяйственнаго быта и есть - въ отличіе отъ простого историческаго разсказа о томъ, какъ хозяйствовали люди въ разныя эпохи - обработка историческаго матеріала о хозяйственной жизни людей при помощи систематическихъ категорій политической экономіи или, если угодно, популярнѣе, но менѣе точно выражаясь: историческое истолкованіе систематическихъ категорій политической экономіи.

Бюхеръ, на основѣ заложенной Родбертусомъ и Марксомъ, пытался создать ученіе объ историческихъ категоріяхъ политической экономіи. Я въ своемъ построеніи стремлюсь элиминировать самое понятіе "историческихъ категорій". Оно на мой взглядъ вызываетъ недоразумѣнія и вноситъ въ истолкованіе экономики про-

шлаго вмѣсто прежняго антиисторическаго предразсудка, по которому наивный дикарь приравнивался къ биржевику, "историческій предразсудокъ"! Основныя упорядочивающія историческій матеріалъ понятія, именно какъ понятія, не суть вовсе понятія "историческія" - трактованіе ихъ какъ таковыхъ, логически несостоятельно и плодитъ недоразумѣнія. Эти понятія мы должны привносить для того, чтобы при ихъ помощи научно упорядочивать нашъ историческій матеріалъ. Не понятіе "историчны", а предметъ, который мы будемъ обрабатывать при помощи этихъ понятій есть "историческій" процессъ развитія хозяйственныхъ явленій и отношеній. Наоборотъ, мы можемъ даже опредѣленно сказать, что основныя экономическія понятія или иначе систематическія категоріи политической экономіи не суть "историческія" понятія и ими быть не могутъ. Правда, реальныя явленія, "обозначаемыя" при помощи этихъ понятій, когда-нибудь, гдѣ-нибудь "возникли" и суть въ этомъ смыслѣ "историческія явленія". Возможно, что "обмѣнъ" напр. не существовалъ когда-нибудь вовсе среди людей, но такъ же какъ исторія словесность не существуетъ для насъ среди обезьянъ, потому что онѣ не только не пишутъ, но даже и не говорятъ, "хозяйственности" не существуетъ тамъ, гдѣ отсутствуетъ напр. не только фактическое упражненіе обмѣна, но и психическая возможность и неизбѣжность такового при наступленіи извѣстныхъ условій. Такихъ людей мы въ сущности не знаемъ. Извѣстныя категоріи политической экономіи конституируютъ, образуютъ самое понятіе хозяйства и хозяйственной жизни.

Разъясненіе моей точки зрѣнія, которая есть сознательная реакція противъ историзма уже не въ политической экономіи, а противъ "историзма" въ его главной твердыни, въ исторіи хозяйственнаго быта, можетъ быть дано лишь въ процессѣ положительнаго развитія по существу этого воззрѣнія, т е. въ процессѣ изложенія курса въ такой системѣ, которая для моего пониманія науки является системой "естественной" и необходимой.

Прежде чѣмъ приступить къ изложенію этой системы, я остановлюсь лишь еще на одномъ вводномъ вопросѣ, а именно на отношеніи хозяйственной жизни къ другимъ сторонамъ или системамъ культурной жизни. А именно я попытаюсь освѣтить въ общихъ чертахъ отношеніе хозяйственной жизни къ такимъ системамъ культуры, какъ религія, наука (включая въ послѣднее понятіе и технику, и право). Эти размышленія вернутъ насъ къ нѣкоторой

части тѣхъ проблемъ, рѣшеніе которыхъ составляетъ содержаніе такъ называемаго историческаго матеріализма.

Въ настоящее время можно сказать, что идея о постоянной и основной зависимости религіи, какъ надстройки, отъ хозяйства, какъ фундамента или базиса, совершенно подорвана положительнымъ изслѣдованіемъ. Соотношеніе между этими двумя сторонами или системами культуры во первыхъ, совсѣмъ не то, какимъ оно представлялось экономическимъ матеріализмомъ Маркса и во вторыхъ, оно гораздо сложнѣе. Прежде всего, мы теперь о духовной жизни человѣка на первыхъ стадіяхъ, намъ вообще доступныхъ, знаемъ гораздо больше, чѣмъ знали наши предшественники; мы понимаемъ эту жизнь гораздо лучше, вѣрнѣе, только въ наше время стали ее понимать.

Не только религія первобытнаго человѣка не была производной отъ его экономики, но, наоборотъ, для того, чтобы раскрыть послѣднюю мы должны войти въ религіозную жизнь первобытнаго человѣка, ибо хозяйство или экономика его были глубоко погружены въ религію.

Первобытный человѣкъ былъ всецѣло объятъ религіей. Но эта религія была не тѣмъ, что мы понимаемъ подъ этимъ именемъ. Враждебны мы къ религіи или, наоборотъ, къ ней чувствуемъ тяготѣніе, современная религія - какъ таковая проникнута идеалистическимъ духомъ, ее интересуетъ "нездѣшній- міръ, бытіе, лежащее за предѣлами видимаго и осязаемаго, бытіе потусторонее, внѣ естественной сферы лежащее.

Религія первобытная, наоборотъ, была вся въ здѣшнемъ мірѣ. Она этотъ міръ, въ каждый мигъ его существованія, наполняла множествомъ силъ, фантастическихъ съ нашей точки зрѣнія, но вполнѣ реальныхъ въ глазахъ первобытнаго человѣка. Эти фантастическія силы и силы природы не различались ни по своему характеру, ни по своему достоинству. "Матеріализмъ присущій человѣческой мысли ... еще болѣе очевиденъ у первобытныхъ людей, чѣмъ въ наше время. Первобытный человѣкъ вѣритъ въ сверхестественное, но сверхестественныя существа и представленія для него есть часть природы..."

Современный человѣкъ такія представленія о мірѣ называетъ суевѣріемъ. Но въ эту эпоху и всѣ представленія о хозяйственной жизни были пронизаны суевѣріемъ и подчинены ему. Лишь постепенно эти хозяйственныя представленія выдѣлились изъ об-

щей массы представленій религіозныхъ. Что это значитъ конкретно, это я покажу въ дальнѣйшемъ, теперь для меня важно формулировать общее положеніе, которое можетъ быть извлечено изъ положительнаго изслѣдованія: не религія есть историческая надстройка надъ хозяйственной жизнью, а первоначально вся хозяйственная жизнь погружена въ религію и вмѣстѣ съ нею, съ религіей матеріальнаго страха или матеріальной зависимости, составляетъ недифференцированное цѣлое, въ которомъ господствуетъ мотивъ не "экономическій", мотивъ зависимости отъ силъ, совершенно ирраціональныхъ въ глазахъ современнаго человѣка, т.е. мотивъ религіозный. Таково отношеніе хозяйства къ религіи на извѣстной стадіи.

Что же происходитъ дальше? Религія въ стадіи грубаго суевѣрія есть не только вѣра, но и организованная борьба со злыми, враждебными человѣку силами. Тутъ начатки того, что въ общей формѣ слѣдуетъ называть культомъ и что есть сложная система дѣйствій индивидуальныхъ и общественныхъ, направленныхъ на борьбу съ злыми силами и на общеніе съ добрыми силами. Развертываясь въ культъ, религія выполняетъ свою роль въ общественной жизни людей и входитъ въ чрезвычайно сложныя отношенія съ хозяйственной дѣятельностью. Но не объ этомъ сейчасъ рѣчь. Важнѣе другое. Какъ внутреннее отношеніе, по своему идеальному содержанію, религія изъ матеріалистической стадіи переходитъ въ идеалистическую или спиритуалистичекую. Въ общемъ итогѣ получается вотъ что: злыя силы изъ множества демоновъ, "чертей", населяющихъ міръ, превращаются въ безличное міровое "зло". Добрыя силы превращаются въ Бога, царящаго въ мірѣ и надъ міромъ, но уже не участвующаго въ человѣческомъ образѣ въ дѣлахъ этого міра. Зло обезличилось, а "Добро" удалилось, какъ личная, по образу и подобію человѣческому, мыслимая сила, отъ міра "сего".

Важнѣйшій и рѣшающій шагъ въ этомъ отношеніи представляетъ христіанство. Христіанство, какъ грандіозное и мирочайшее религіозное явленіе въ жизни "передовыхъ" народовъ "культурнаго" человѣчества, явилось объектомъ толкованія именно съ точки зрѣнія зависимости высшихъ и тончайшихъ проявленій духа, какъ надстройки-отъ "экономическаго" фундамента или базиса. До сихъ поръ идетъ споръ: можетъ ли христіанство быть сведено къ экономическимъ моментамъ, факторамъ, причинамъ.

Помимо предварительнаго вопроса: можетъ ли одна система культуры - религія - быть сведена къ другой, общаго вопроса, на который и далъ бы отрицательный отвѣтъ, но котораго я сейчасъ касаться не буду, здѣсь частный вопросъ факта: что такое христіанство, какъ историческій фактъ.

Тутъ слѣдуетъ сказать прямо. Непредвзятое изслѣдованіе показываетъ, что для христіанства существенно его религіозное, не обращенное къ міру, а въ извѣстномъ смыслѣ, наоборотъ, отвращенное отъ міра содержаніе. Христіанство, какимъ оно было въ дѣйствительности, не было ни демократически пролетарскимъ, ни коммунистическимъ движеніемъ. Оно было по существу чисто религіознымъ движеніемъ, именно, знаменующимъ въ идеѣ то освобожденіе религіознаго устремленія людей отъ матеріальныхъ цѣлей, которыя я выше характеризовалъ, какъ спиритуализацію религіи.

Это не есть вовсе идеализація христіанства. Это лишь объективное и холодное констатированіе историческаго факта. Суть христіанства, какъ такового, есть, повторяю, не обращеніе къ міру съ цѣлью его преобразованія и даже не перенесеніе этого преобразованія изъ міра здѣшняго въ міръ нездѣшній, потусторонній, гдѣ люди наконецъ устроятся какъ слѣдуетъ, а отвращеніе отъ міра и его цѣнностей и постановка на ихъ мѣсто новой цѣнности, "спасенія души". Вотъ фактическая сущность христіанства. Христіанство было аполитично по своему основному содержанію, оно было направлено на такую цѣль и на такую цѣнность, которая стоитъ внѣ хозяйственной жизни и внѣ всякой общественности*) . Этимъ объясняется легкое приспособленіе х р и с т і а н ъ къ любой организаціи, политической и соціальной, ученіе о повиновеніи всякой власти, такъ ясно формулированное у апостола Павла, равнодушное отношеніе христіанства къ рабству. Во всемъ этомъ была не просто порча первобытнаго радикальнаго христіанства, а естественное отношеніе обращенной на внутреннюю душевную жизнь, чисто религіозной идеологіи къ вопросамъ міра сего, къ вопросамъ внѣшняго уст-

---

*) *В этомъ сходятся такіе корифеи историческаго изслѣдованія, какъ Трельчъ, Дейссманъ и Вельманъ.*

роенія жизни.

Тѣ, кто рисуютъ христіанство, какъ демократически-соціалистическое движеніе, оріентированное въ направленіи къ этимъ цѣлямъ, тенденціозно, быть можетъ по внутренней чуждости христіанства, переимѣщаютъ его центръ тяжести, и въ то же время въ извѣстномъ смыслѣ идеализируютъ его. Но, конечно, не по своему идеальному существу, а косвенно христіанство было связано съ соціальными отношеніями, и этого не только не отрицаетъ современное научно-положительное изслѣдованіе, а наоборотъ, одинъ изъ тѣхъ изслѣдователей, который во всеоружіи своихъ философскихъ, богословскихъ и историческихъ знаній отбрасываетъ самую мысль о сведеніи христіанства къ соціальному движенію обездоленныхъ, Tröltsch говоритъ: "Іисусъ, Павелъ, Оригенъ, Августинъ, Фома Лютеръ, Кальвинъ въ своихъ мысляхъ и чувствахъ не могутъ быть объяснены изъ классовой борьбы, не могутъ быть выведены изъ экономическихъ интересовъ. Но, съ другой стороны, все же ясно, что въ той каузальной связи, изъ которой своеобразное религіозное мышленіе пріобрѣтаетъ толчокъ, форму и значеніе, всегда въ глубинѣ дѣйствуютъ съ большей или меньшей силой, косвеннымъ путемъ или непосредственно, соціальныя, а въ конечномъ итогѣ, черезъ ихъ посредство, и экономическія силы".*)

Въ этомъ же смыслѣ высказываются и другіе ученые, на основаніи многочисленныхъ матеріаловъ, открытыхъ въ послѣднее время изслѣдователями.

Такимъ образомъ первоначально религія поглощаетъ собой хозяйственную жизнь, а в п о с л ѣ д с т в і и, когда она "спиритуализируется", она принципіально обособляется отъ остальной жизни, создаетъ свой особый міръ. Таково въ общей формѣ соотношеніе между хозяйственной жизнью и религіей. Вотъ почему мы можемъ категорически сказать, что религія н е е с т ь надстройка надъ хозяйственной жизнью. Это будетъ еще болѣе ясно показано въ дальнѣйшемъ изложеніи, въ частности въ ученіи о развитіи раздѣленія труда должны быть для историческаго объясненія экономическихъ явленій обильно привлечены религі-

---

*) См. Tröltsch ср. Вальманъ и Дейссманъ

основ фактов.

Вопросъ о соотношеніи науки и хозяйства менѣе ясенъ, такъ какъ наука, какъ особая система культуры, есть явленіе позднѣйшее. Можно - и часто это дѣлаютъ - представлять себѣ хозяйственное развитіе такъ: въ процессѣ общественно-экономическаго развитія возникаютъ потребности, это - потребности практическія, и эти практическія потребности суть рычагъ, который приводитъ въ движеніе теоретическую мысль. Ради практическихъ потребностей она начинаетъ работать и въ результатѣ этой работы, имѣющей передъ собой практическія хозяйственныя задачія, получаются научныя открытія. Наука рождается изъ техники, а техника - изъ потребностей и изъ дѣйствія. Это можно выразить такъ (въ словахъ Бергсона): "первоначально мы мыслимъ лишь для того, чтобы дѣйствовать. Нашъ интеллектъ отлитъ въ форму дѣйствія". Это совершенно вѣрное наблюденіе, но отсюда не слѣдуетъ, что техника рождается только и всецѣло изъ хозяйственныхъ потребностей, и даже если она рождается изъ хозяйственныхъ потребностей, то это не значитъ, что, родившись отсюда, она въ свою очередь не дѣйствуетъ на всю хозяйственную жизнь.

Но въ отношеніи къ новой наукѣ фактически невѣрно, чтобы она была просто придаткомъ и истеченіемъ техники. Новая наука явилась въ связи съ глубочайшимъ идейнымъ переворотомъ *) пережитымъ человѣчествомъ. Въ этомъ переворотѣ возникаетъ идея и фактъ чистой науки, которая сама способна изъ себя рождать технику, но часто задается цѣлями для практической жизни абсолютно лишенными значенія и смысла. Наука становится самоцѣльной и самодовлѣющей областью человѣческой дѣятельности.

Въ конечномъ счетѣ и практическая дѣятельность, то есть, и техника и хозяйство, выигрываютъ отъ этой самостоятельности науки, но это значитъ, что, ставъ самостоятельной и обособленной системой культуры, наука тѣмъ самымъ стала и ея самостоятельнымъ факторомъ.

Химія многимъ обязана а л х и м і и, то есть чистая наука - техникѣ, но и наоборотъ: новѣйшая техника весьма многимъ обязана чистой наукѣ; въ значительной мѣрѣ вся новѣйшая

---

*) *Интереснуя характеристику этого переворота Вы найдете у одного изъ новѣйшихъ изслѣдователей: Спектарскій - Соці - альная физика стр. 46-49.*

химическая промышленность создана новѣйшей химіей. Если химія когда-то родилась въ лабораторіяхъ алхимиковъ, то есть, въ мастерскихъ техниковъ, то о новѣйшей промышленности въ извѣстной ея долѣ, можно сказать, что она рождалась въ лабораторіяхъ химиковъ, то есть въ кабинетахъ ученыхъ. Отношеніе искусства къ хозяйству, собственно говоря, воспроизводитъ отношеніе религіи къ хозяйству, но въ нѣсколько иной комбинаціи. Если о соотношеніи между религіей и хозяйствомъ мы могли сказать, что хозяйство первоначально погружено въ религію, то относительно искусства мы можемъ сказать - въ особенности поскольку оно есть искусство изобразительное - что оно первоначально глубоко погружено и въ религію и въ хозяйство. Отсюда - - естественная зависимость, напримѣръ, архитектуры не только отъ религіозныхъ заданій, но и отъ хозяйственныхъ условій. Такъ же постепенно, какъ и наука, искусство становится самоцѣльной областью, пріобрѣтаетъ свое особенное, ему принадлежащее содержаніе, свой "духъ". Но и тутъ именно, когда искусство такъ же, какъ и наука вырастаютъ въ самостоятельныя системы культуры, они перестаютъ быть надстройками или пристройками къ хозяйственной жизни. Болѣе того, суть науки или искусства, ихъ функція въ психической жизни человѣка состоитъ именно въ томъ, что они выводятъ человѣка изъ среды "хозяйственной" дѣятельности.

Мысль объ опредѣляющемъ значеніи хозяйства для всѣхъ сторонъ жизни возникла очевидно на основѣ непродуманнаго вполнѣ, но глубоко вѣрнаго наблюденія, что для всѣхъ системъ культуры хозяйство является, какъ бы, необходимымъ средствомъ. Въ самомъ дѣлѣ, и прежде и теперь наука требуетъ для достиженія своихъ цѣлей или для осуществленія своихъ задачъ цѣлаго ряда условій или приспособленій, которыя даются только хозяйственной дѣятельностью. То же въ неменьшей степени приложимо къ искусству. Всѣ мы знаемъ, что искусство стоитъ дорого. Въ этой банальной истинѣ выражается зависимость искусства отъ хозяйственной жизни. Но эта зависимость не можетъ опредѣлять содержаніе ни науки, ни искусства, такъ же, какъ ни физическій фактъ движенія, ни физіологическій фактъ затраты энергіи не опредѣляютъ собой содержаніе хозяйственной дѣятельности.

Каково же соотношеніе между хозяйственной жизнью и правомъ? Экономическій матеріализмъ учитъ, что и право - надстройка

надъ хозяйственной жизнью. Однако, именно въ отношеніи къ праву эта "архитектурная" точка зрѣнія, этотъ строительный образъ всего менѣе примѣнимъ, вызываютъ наибольшее сомнѣніе. То, что мы называемъ правомъ, есть своеобразная система понятій, своеобразная система культуры. Можно ли сказать, что право есть надстройка, что право собственности, напримѣръ, есть надстройка надъ экономическими явленіями, какъ основаніемъ, вѣдь ясно, что право собственности есть столь же фактъ юридическій, сколь и экономическій. Заслуга извѣстнаго юриста Штаммлера, занимавшагося изслѣдованіемъ этихъ вопросовъ, заключается въ томъ, что онъ указалъ, что Марксовская теорія соціальнаго развитія, вращающаяся вокругъ отношенія и столкновенія права и хозяйства, покоится на логически неправильномъ представленіи соотношенія хозяйства и права, какъ основанія и надстройки, или причины и слѣдствія. Штаммлеромъ удачно подмѣчено, что логически мыслить отношенія хозяйства къ праву слѣдуетъ не въ категоріяхъ воздѣйствующаго къ подлежащему воздѣйствію, а въ гораздо больше подходящихъ представленіяхъ содержанія къ формѣ ("регулируемая матерія" и "обусловливающая форма").

Эти взгляды безсомнѣнно справедливы. То, что вообще называютъ хозяйствомъ и правомъ, реально немыслимо одно безъ другого - для хозяйства, какъ его согласно понимаютъ обычное словоупотребленіе и Штаммлеръ, правовые моменты не только существенны, но и абсолютно существеннѣйшіе. Связь между юридическимъ регулированіемъ, правопорядкомъ и отношеніями экономическаго могущества - если разсматривать хозяйственную жизнь статически и какъ цѣлое - совершенно ясна и она не позволяетъ разъединять эти двѣ системы понятій и подчинять одну другой. Правовыя нормы представляютъ формальную сторону экономическихъ отношеній господства и подчиненія. Ложно, однако, стремленіе Штаммлера втиснуть въ единую формулу "обусловливающей формы" и "регулируемой матеріи", въ высшей степени разнообразно создавшееся, отношеніе единичныхъ хозяйственныхъ и единичныхъ правовыхъ моментовъ. Неправомѣрно утвержденіе, что всѣ реальные экономическіе феномены непремѣнно заключаютъ въ себѣ нѣчто "юридическое". Понятіе хозяйства (хозяйственный порядокъ, производственная отношенія) совершенно не покрывается тѣмъ, что мы считаемъ "хозяйственнымъ" въ единичныхъ соціальныхъ феноменахъ. "Хозяйство" - напримѣръ капиталистическій

хозяйственный строй; степень производительныхъ силъ, которая присуща этому строю, можетъ, однако, мыслиться и при соціалистической формѣ хозяйства. А эта степень, которая обнаруживаетъ сколько производится, хозяйственный и, можетъ быть, наиболѣе существенный хозяйственный фактъ. Хозяйственные факты могутъ регулироваться правомъ или какъ-либо иначе, поскольку они вообще подвержены регулировкѣ; но это можетъ оказаться для нихъ, какъ феноменовъ хозяйства, не только въ представленіи, въ понятіи, но и въ реальной дѣйствительности, несущественнымъ. Это значитъ, что "хозяйственное" въ соціальныхъ явленіяхъ, хотя и регулируется по большей части правомъ, ведетъ, однако, при этомъ и существованіе само по себѣ. Современныя отношенія заработной платы, напримѣръ, предполагаютъ опредѣленную правовую регулировку, относительно даже включаютъ послѣднюю въ себя въ формѣ договора личнаго найма. Но высота заработной платы ю р и д и ч е с к и безразлична, съ экономичес ой же точки зрѣнія она есть, несомнѣнно, самое существенное. Степень производительности труда, отношеніе прибавочнаго продукта къ издержкамъ производства не заключаетъ въ себѣ ничего юридическаго, но это - экономическій признакъ огромной важности. Какъ бы широко мы ни опредѣляли право, мы должны будемъ всегда признать, что есть много "экономическа - го", что не стоитъ ни въ какой непосредственной связи съ правомъ. Такъ, въ важнѣйшемъ вопросѣ о ростѣ населенія, о рождаемости, о брачности, юридическій моментъ не имѣетъ никакого значенія, а между тѣмъ экономически это - факторы первостепенной важности: они рѣшаютъ вопросъ о производительности труда. Юридическій строй вліяетъ, конечно, на степень производительности труда, какъ вліяетъ на нее все то, что дѣйствуетъ на психологію людей, но это не значитъ, чтобы производительность труда была юридическимъ фактомъ. (Можно указать, что музыка возбуждаетъ энергію трудящагося, но отсюда еще очень далеко до утвержденія, что музыка - экономическій факторъ). Мы можемъ вполнѣ представить себѣ такой случай, что повышеніе или паденіе производительности труда будетъ совершаться совершенно независимо отъ юридическаго порядка. Такимъ образомъ мысль, что хозяйственная и соціальная жизнь состоитъ изъ двухъ, какъ бы неразрывно-спаянныхъ юридическихъ и экономическихъ элементовъ, чрезмѣрно увеличиваетъ значеніе правового момента, какъ,

впрочемъ, и самой связи. "Хозяйственное"и"правовое"могутъ выступать въ соціальныхъ феноменахъ въ самыхъ многообразныхъ комбинаціяхъ, опредѣляющихъ ихъ взаимныя отношенія. Отношеніе категоріи "содержаніе - форма" есть лишь скудное средство свести во едино эту многообразность отношеній. Эта формула оказывается совершенно ложной, поскольку Штаммлеръ руководился ею въ своемъ отрицаніи генетическаго каузальнаго отношенія единичнаго"хозяйственнаго"и единичнаго"правового", поскольку она приводитъ его къ мысли о невозможности объясненія общественно-хозяйственнаго акта независимо отъ обусловленности правовымъ регулированіемъ. Что хозяйство въ цѣломъ не можетъ воздѣйствовать на право въ цѣломъ происходитъ потому, что оба общія понятія представляютъ одинъ и тотъ же реальный субстратъ: въ хозяйствѣ уже содержится право и наоборотъ. Но представлять всѣ соціально-хозяйственныя отношенія и явленія, какъ регулируемыя правомъ, значитъ безмѣрно преувеличивать значеніе"правового." Соціально-хозяйственныя явленія и акты могутъ - съ точки зрѣнія права - быть совершенно безразличными, и они могутъ, однако, непосредственно быть противу-правовыми и, несмотря на это, обладать громаднымъ соціальнымъ значеніемъ. Группа соціальныхъ явленій, которая можетъ быть выдѣлена, какъ феномены хозяйства, не всегда совпадаетъ съ регулируемыми соціальными отношеніями. Опредѣленіе Штаммлера: "Экономическимъ явленіемъ называется однородное массовое явленіе правовыхъ отношеній" - ложно. Экономическимъ явленіемъ можетъ быть также явленіе массового правонарушенія; однако, вообще наиболѣе существенно -"хозяйственное"въ явленіи, то есть, то, что собственно образуетъ изъ него экономическій феноменъ, можетъ обладать такимъ содержаніемъ, для котораго правовыя отношенія, какъ таковыя, не имѣютъ никакого значенія. Что я голоденъ, не устанавливаетъ - если отвлечься отъ права моего на призрѣніе - никакого правового отношенія между мною и моими согражданами. Если отсутствіе способовъ пропитанія становится массовымъ явленіемъ, мы говоримъ объ экономическомъ явленіи безработицы, говоримъ относительно избытка населенія. Нельзя возразить, что въ обществѣ съ болѣе цѣлесообразнымъ правовымъ регулированіемъ, самый правопорядокъ исключалъ бы экономическое явленіе безработицы. Этимъ утверждается лишь, что разсматриваемое экономическое явленіе зависитъ отъ совокупности данныхъ экономи-

ческихъ и правовыхъ условій, но не создаетъ изъ него того, чего оно въ дѣйствительности не представляетъ, не образуетъ изъ него правового отношенія, если за этимъ понятіемъ вообще желательно установить строгое содержаніе.

Изъ опыта извѣстно, что экономическіе факты могутъ происходить и накопляться вопреки юридическимъ нормамъ, вступая съ ними въ конфликтъ или, по крайней мѣрѣ, независимо отъ юридическихъ нормъ. Такіе массовые экономическіе факты и являются причиной измѣненія юридическихъ нормъ. Грандіознымъ историческимъ примѣромъ такой совершенно явной "органической" эволюціи соціально-юридическаго строя является, на мой взглядъ, развитіе крѣпостного права въ Россіи, какъ оно выяснилось благодаря изслѣдованіямъ Ключевскаго, Дьяконова и другихъ. Замѣчательнымъ примѣромъ экономическихъ явленій, выросшихъ въ факты съ огромнымъ соціальнымъ вѣсомъ, вопреки праву или, по меньшей мѣрѣ, независимо отъ него, можно считать современные союзы предпринимателей (картели, тресты, синдикаты).

Въ общемъ можно сказать, что не юридическія нормы измѣняютъ или создаютъ экономическіе факты, а наоборотъ. Опредѣляется это не мистическимъ приматомъ экономики надъ правомъ, а тѣмъ, что могутъ быть экономическіе факты, лишенные юридической формы, и имѣющіе крупный соціальный вѣсъ; но безъ экономическаго содержанія, то есть, безъ соотвѣтствующихъ экономическихъ фактовъ, юридическія нормы представляютъ собой лишь пустой звукъ или лишенную соціальнаго значенія.... бумагу. "Бумажныхъ" экономическихъ фактовъ не можетъ быть, "бумажное" право встрѣчается сплошь и рядомъ. Это вытекаетъ изъ формальнаго характера юридическихъ нормъ. Такимъ образомъ, являясь статически и en bloc въ организованномъ обществѣ неразъединимыми сторонами единой хозяйственной жизни, право и хозяйство, динамически и раздѣльно, въ частичныхъ феноменахъ хозяйственной жизни не только способны приходить въ столкновеніе, но и дѣйствительно постоянно сталкиваются на разныхъ пунктахъ хозяйственной жизни, причемъ движущей силой, причиной измѣненія являются въ общемъ и цѣломъ экономическіе факты. Если по формѣ иногда юридическія нормы прокладываютъ путь экономическимъ фактамъ, то, по большей части, это лишь кажущееся соотношеніе причины и слѣдствія, которое объясняется тѣмъ, что

экономическое содержаніе выступаетъ наружу одновременно со своей юридической формой - въ силу чего получается извини - тельная и практически безвредная (и, пожалуй, даже полезная) иллюзія, что норма создаетъ фактъ. На самомъ дѣлѣ фактъ (экономическій) былъ созданъ экономическими же фактами, предше - ствующимъ хозяйственнымъ развитіемъ, а вовсе не тою нормою, въ которую онъ облекся въ моментъ своего оффиціальнаго рожде- нія.

Все сказанное мы можемъ свести во-едино въ слѣдующіе два существенные вывода:

1) Динамически-экономическіе факты всегда порождаютъ соотвѣтствующія имъ юридическія нормы, даже и въ тѣхъ случаяхъ, когда они "появляются" одновременно. Ибо юридическая норма, регулирующая или, вѣрнѣе, призванная регулировать хозяйственную жизнь и отрѣшенная отъ экономическаго содержанія, не имѣетъ никакого соціальнаго вѣса; это - норма бумажная, бездѣйствующая, тогда какъ экономическій фактъ, лишенный юридической формы, можетъ имѣть огромный соціальный вѣсъ и, въ дѣйствительности такіе факты своимъ накопленіемъ и массовымъ дѣйствіемъ разрушаютъ однѣ юридическія нормы и создаютъ другія. Въ этомъ смыслѣ вполнѣ права ходячая теорія экономическаго матеріализма о соотношеніи между правомъ и экономіей, к о н е ч - н о , п о с к о л ь к у р ѣ ч ь и д е т ъ о п р а - в о п о р я д к ѣ х о з я й с т в е н н о й ж и з н и . Но такое соотношеніе потому и могло быть раскрыто на опытѣ, что оно вытекаетъ съ безусловной необходимостью изъ самаго соотношенія между правомъ и экономіей, какъ "формальнымъ" и "матеріальнымъ"моментами хозяйственно-юридическихъ явленій. "Форма" существуетъ ради своего "содержанія", и послѣднимъ опредѣляется бытіе первой.

2) Второй нашъ выводъ, наоборотъ, стоитъ въ рѣзкомъ противорѣчіи съ ходячей теоріей экономическаго матеріализма. Изъ того, что бываетъ экономическій фактъ, не нашедшій себѣ юридической формы, не слѣдуетъ, чтобы послѣдняя для в с е й хозяйственной жизни была второстепеннымъ элементомъ. Въ цѣломъ, никакая хозяйственная жизнь немыслима внѣ опредѣленнаго правопорядка. Лишь съ нимъ вмѣстѣ она составляетъ реальное цѣлое. Мы не можемъ утверждать по отношенію къ этому цѣлому, чтобы

въ немъ содержаніе, экономическіе факты, были существеннѣй формы, юридическихъ нормъ. Ибо никакой соціально-экономическій строй не могъ бы и минуты просуществовать, будучи лишь фактомъ. Мы можемъ легко представить себѣ отдѣльныя бездѣйствующія и, въ этомъ смыслѣ, безсодержательныя нормы и отдѣльные, юридически совершенно не существующіе, безформенные, въ этомъ смыслѣ, экономическіе факты, но цѣлаго правопорядка, который бездѣйствовалъ бы, и цѣлой хозяйственной жизни, которая не была бы регулирована, мы мыслить не можемъ. Поэтому-то статически и по отношенію къ хозяйственной жизни въ ея цѣломъ (оба эти условія должны быть налицо) предполагать, постулировать или доказывать приматъ экономики (содержанія) надъ правомъ (формой) было бы совершенно нелѣпо, ибо именно *съ точки зрѣнія цѣлаго это двѣ совершенно неразъединимыя и потому вполнѣ равноцѣнныя стороны*. Говорить, что содержаніе существеннѣй формы, можно лишь постольку, поскольку можно представлять себѣ или утверждать наличность безформеннаго содержанія или безсодержательной формы, а сравнивать соціальный вѣсъ перваго и второго. Но именно по отношенію къ хозяйственной жизни *въ ея цѣломъ* это невозможно. Неудивительно, поэтому, что Марксъ, хотя онъ и высказывалъ неоднократно идею о первенствѣ экономики надъ правомъ, - разсматривая соціальный строй въ его цѣломъ, характеризовалъ его чертами столько же юридическими, сколько и экономическими.

## *ПРОБЛЕМА ХОЗЯЙСТВА.*

До сихъ поръ, излагая Вамъ введеніе въ курсъ исторіи хозяйственнаго быта, я употреблялъ выраженіе хозяйство и хозяйственная жизнь, предполагая, что имѣющіяся у Васъ представленія, соотвѣтствующія этимъ понятіямъ, достаточны, чтобы понимать излагаемое. Теперь, при систематическомъ изложеніи предмета необходимы точныя опредѣленія, необходима ясная формулировка тѣхъ понятій, которыя должны почитаться основными и для

политической экономіи и для исторіи хозяйственнаго быта. Въ самой общей формѣ, когда въ наукѣ политической экономіи говорятъ о хозяйствѣ *), то обычно имѣютъ въ виду дѣятельность, направленную на удовлетвореніе потребностей при посредствѣ матеріальныхъ или вещныхъ благъ. Однако, послѣднее ограниченіе не можетъ быть признано удачнымъ: провести принципіальное разграниченіе благъ матеріальныхъ и нематеріальныхъ почти невозможно. Но, собственно говоря, было бы правильнѣе говорить въ данномъ смыслѣ не о хозяйствѣ, а о хозяйствованіи, которое въ данномъ опредѣленіи очерчивается по своему содержанію.

Отъ существительнаго "хозяйство" образуется прилагательное "хозяйственный", служащее уже не для обозначенія содержанія, а извѣстнаго характера самой дѣятельности. Этотъ характеръ опредѣляется стремленіемъ къ достиженію наибольшихъ результатовъ съ наименьшей затратой силъ и средствъ. Принципъ "экономіи" или "наименьшей траты силъ", получившій названіе хозяйственнаго или экономическаго принципа, опредѣляетъ хозяйство формально-психологически. Принципъ этотъ былъ выдвинутъ впервые при разсмотрѣніи хозяйства, но по существу этотъ принципъ имѣетъ универсальное значеніе, то есть, приложимъ ко всякой человѣческой дѣятельности. Такъ, въ новѣйшей философіи, стоящей подъ воздѣйствіемъ естествознанія, особенно подчеркнуто универсальное значеніе экономическаго принципа. Вѣнскій ученый Махъ **) характеризуетъ физику, какъ экономно упорядоченный опытъ, равно какъ и математику - высшую и элементарную - какъ экономно упорядоченный опытъ счисленія. И въ правовѣдѣніи подчеркивается экономическій принципъ; особенно настаивалъ Рудольфъ фонъ-Іерингъ на "законѣ бережливости" или "идеѣ юридической бережливости" ("Geist des römischen Rechts" IV, S. 242 u. ff.). Хозяйство, подчиняющееся хозяйственному принципу, можетъ быть иначе названо раціональнымъ. Подчиненіе хозяйство-

---

*) *"Хозяйство есть совокупность человѣческихъ дѣйствій, направленныхъ на внѣшній міръ и имѣющихъ своей цѣлью созданіе матеріальной обстановки, необходимой для удовлетворенія нашихъ потребностей". Туганъ-Барановскій.*

**) Die oekonomische Natur der physikalischen Forschung въ Populaerwissenschaftliche Vorlesungen 2-te Aufl. SS. 218 _219 Kirchgoff, Avenarius-Philosophie als Denken der Welt.

ванія принципу наименьшей траты предполагаетъ количественное сравненіе или измѣреніе всѣхъ актовъ хозяйствованія, какъ затратъ такъ и результатовъ. Внѣ возможности подобнаго сравненія не можетъ быть раціональнаго хозяйства. Измѣреніе и измѣримость актовъ и результатовъ хозяйствованія есть основа явленія денегъ и опредѣляетъ собой ихъ существо. Наконецъ, хозяйствованіе должно всегда исходить отъ опредѣленнаго субъекта, который давалъ бы ему смыслъ и направленіе. У хозяйства долженъ быть всегда хозяинъ, какъ духовный и волевой центръ. Наличность хозяина образуетъ (конституируетъ) понятіе хозяйство, какъ извѣстнаго субъективнаго волевого единства, опредѣленнаго со стороны его цѣли, другими словами, какъ единства телеологическаго.

Соединяя воедино всѣ три момента: содержаніе дѣятельности, формально-психологическій ея характеръ и подчиненіе единой волѣ, мы опредѣляемъ хозяйство, какъ субъективное волевое единство раціональной экономической дѣятельности. Разсматривая съ точки зрѣнія этого опредѣленія хозяйства самыя распространенныя классификаціи ступеней хозяйственной жизни, мы увидимъ, что подъ это понятіе подходитъ несомнѣнно только первая ступень классификаціи Бюхера, "домашнее хозяйство", но совершенно не подходятъ ни "городское хозяйство" его классификаціи, ни "народное хозяйство" въ обычномъ и специфически историческомъ смыслѣ слова. Объединять подъ одно родовое понятіе "хозяйство" всѣ три явленія логически нераціонально потому, что подъ понятіе"хозяйство" строго формулированное, подходитъ одно только домашнее хозяйство. Ни городское, ни народное хозяйство ни съ обычной, ни съ научной точки зрѣнія не являются хозяйствомъ: въ городскомъ и народномъ хозяйствахъ отсутствуетъ тотъ признакъ субъективнаго, сознательнаго цѣлевого единства, который столь несомнѣненъ у хозяйства домашняго; это - хозяйство безъ хозяйствующихъ субъектовъ, безъ хозяевъ. Особенно народное хозяйство характеризуется именно отсутствіемъ того, что характерно для хозяйства въ нашемъ смыслѣ. Его можно назвать "псевдохозяйствомъ", ибо оно есть лишенная волевого единства стихійно слагающаяся система отношеній между отдѣльными хозяйствами.

Конечно, для понятія"хозяйство"безразлично, кто является

или мыслится субъектомъ хозяйства. Необходимо только, чтобы всѣ категоріи и явленія относились къ единому субъекту. Но въ народномъ хозяйствѣ характерно именно отсутствіе подобнаго волевого центра. На это давно уже указывалъ Карлъ Менгеръ, говоря *): "То, что экономисты обозначаютъ выраженіемъ "народное хозяйство", народное хозяйство въ обыденномъ смыслѣ слова, не есть другъ подлѣ друга стоящія изолированныя индивидуальныя хозяйства; напротивъ эти послѣднія связаны между собою внутренней связью обмѣна; но столь же мало оно есть народное хозяйство въ указанномъ строгомъ смыслѣ слова, то есть, одно хозяйство; въ дѣйствительности оно есть скорѣе компликація, или, если угодно, организмъ хозяйствъ (единичныхъ и общественныхъ), но повторяемъ, не одно хозяйство. Здѣсь, употребляя популярное сравненіе, имѣется такое же соотношеніе, какъ въ цѣпи, которая представляетъ цѣлое, состоящее изъ звеньевъ, но не какъ въ механизмѣ, который, состоя изъ колесъ и пр., представляетъ единое цѣлое".

Такое хозяйство можетъ представлять ту или иную соціальную организацію: всякая соціальная или иная политическая организація совмѣстима съ хозяйствомъ. Отдѣльные члены общества могутъ быть равноцѣнными единицами, могутъ стоять въ отношеніяхъ подчиненія и зависимости, какъ рабы въ отношеніи къ господамъ, представлять не субъектовъ права и хозяйства, а объекты; отношенія могутъ вылиться въ такую систему, о которой говорили великіе утописты Томасъ Моръ и Компанелла, гдѣ въ коллективистическомъ обществѣ существовало бы государственное рабство, какъ необходимое условіе, гдѣ люди разсматриваются какъ рабочій скотъ, какъ вещи, какъ объекты и средства хозяйствованія - всѣ эти разнородныя соціальныя комбинаціи совмѣстимы на хозяйственной основѣ.

Если домашнее, городское и народное хозяйства не могутъ быть поставлены удовлетворительно въ единый рядъ, какъ вполнѣ сравнимыя однородныя явленія, должна же быть какая - нибудь и мыслимая и исторически-состоятельная классификація формъ хозяйственной дѣятельности. Общество можетъ быть организовано

*) *К. Менгеръ-О методахъ пол. экономіи. СПБ. 1894, стр. 222-223.* K.Menger - Untersuchungen über die Methode der Sozialwissenschaft und der Pol.Oekonomie insbesondere.- Leipzig 1883, SS. 232 - 233 .

по типу хозяйства въ тѣсномъ смыслѣ слова, но такая организація цѣлаго общества въ исторіи почти отсутствуетъ; она является содержаніемъ проэктируемаго государства, "государства будущаго", соціализма. Какія же мыслимы формы хозяйственнаго строя цѣлыхъ обществъ? Тутъ можно различать два типа хозяйственнаго строя: во первыхъ - совокупность рядомъ стоящихъ самостоятельныхъ хозяйствъ, не имѣющихъ никакого постояннаго экономическаго соприкосновенія и взаимодѣйствія (натуральное хозяйство, какъ исторически соотвѣтствующее этому типу); во вторыхъ - система взаимодѣйствующихъ хозяйствъ, гдѣ отдѣльныя хозяйства не просто стоятъ только рядомъ другъ съ другомъ, а находятся въ хозяйственномъ взаимодѣйствіи, создающемъ сложную ткань, связующую ихъ взаимотоношенія. Таково современное отношеніе хозяйствъ, гдѣ каждое отдѣльное хозяйство руководится самостоятельной волей и всѣ они стоятъ почти въ необозримо сложной комбинаціи отношеній и зависимостей.

Вюхеровской классификаціи, сопоставляющей величины несравнимыя, мы можемъ противопоставить слѣдующую классификацію хозяйственнаго строя цѣлыхъ обществъ: I - Совокупность рядомъ стоящихъ хозяйствъ; хозяйства стоятъ рядомъ, но не находятся въ экономическомъ общеніи или взаимодѣйствіи. Ее то и имѣютъ въ виду, когда говорятъ о натуральномъ хозяйствѣ. II - Система взаимодѣйствующихъ хозяйствъ, характеризуемая не простымъ сосуществованіемъ отдѣльныхъ хозяйствъ, а именно длительными экономическими взаимодѣйствіями. III - Общество-хозяйство: организація хозяйственной жизни цѣлаго общества по типу волевого единства; коммунизмъ первобытнаго человѣчества долженъ бы подойти подъ этотъ типъ организаціи, также какъ и первый членъ Вюхеровской классификаціи, но онъ имѣетъ въ виду не общество - какъ хозяйство, а отдѣльную общественную клѣточку.

Такимъ образомъ мы получаемъ три логически ясно-очерченныя формы хозяйственнаго строя цѣлаго общества. Эта классификація, какъ и всякая классификація, не имѣетъ значенія описанія фактовъ. Это не историческая классификація, а логическая схема, помогающая намъ уяснить историческіе факты, облегчающая намъ возможность анализировать и объяснять конкретныя явленія.

Я изложилъ общую схему типовъ хозяйственнаго строя. Третій членъ этой схемы - общество-хозяйство можетъ вызвать недоумѣнія; могутъ сказать, что исторически констатировать этотъ слу-

чай невозможно, что это фантастическая схема.

Однако, изучая хозяйство, слѣдуетъ постоянно держать въ умѣ, что вообще всѣ схемы, при помощи которыхъ мы выясняемъ себѣ формы и процессы образованія хозяйства, - отвлеченныя понятія, абстракціи по самому существу своему. Помимо этого общаго замѣчанія, я долженъ еще сказать, что всякая историческая дѣйствительность представляетъ смѣшеніе въ извѣстныхъ пропорціяхъ разныхъ конструкцій, которыми мы упорядочиваемъ нашъ опытъ, теоретическое познаніе. Поэтому нельзя говорить о безполезности такого представленія, какъ третій членъ нашей схемы, только по тому, что въ дѣйствительности не бывало такого строя экономическихъ отношеній. Тѣмъ болѣе, что онъ выражаетъ далѣе тотъ случай, когда общество превращается въ хозяйство, когда весь организмъ по своему строенію уподобляется той клѣткѣ, изъ совокупности которыхъ онъ составленъ. Правда, въ историческомъ курсѣ необходимо подчеркнуть, что общество - организованное какъ хозяйство, въ смыслѣ волевого единства, - явленіе слабѣе представленное въ исторіи, чѣмъ другія формы мною указанныя (I - совокупность стоящихъ рядомъ хозяйствъ, II - система взаимодѣйствующихъ хозяйствъ). Но какъ уловить различіе между послѣдними двумя формами? Вѣдь всякая система взаимодѣйствующихъ хозяйствъ есть система рядомъ стоящихъ хозяйствъ. Это удачное и правильное наблюденіе. Однако, обратнаго сказать уже нельзя: не всякая совокупность рядомъ стоящихъ хозяйствъ образуетъ систему взаимодѣйствующихъ хозяйствъ.

Мы говоримъ, что хозяйства не приходятъ въ соприкосновеніе, что они лишены взаимодѣйствія, которое мыслится и устанавливается на почвѣ экономическаго общенія, на почвѣ наиболѣе типичнаго явленія этого рода: на основѣ возмезднаго обмѣна благъ. Конечно, можно представить себѣ далеко идущую совокупность стоящихъ рядомъ хозяйствъ. Но совершенно естественно является мысль, что рядомъ стоящія, но не связанныя экономическимъ взаимодѣйствіемъ, могутъ соприкасаться между собой и въ извѣстномъ смыслѣ "взаимодѣйствовать" не путемъ экономическаго общенія.

Здѣсь именно мы подходимъ къ положенію, которое сближаетъ сужденія о хозяйствѣ съ сужденіями о правѣ, гдѣ обнаруживается любопытная связь явленій и понятій хозяйства съ таковыми

же юриспруденціи. Чтобы представить систему взаимодѣйствія хозяйствъ, покоющуюся на системѣ возмезднаго обмѣна, мы должны мыслить субъектовъ хозяйства этой системы, какъ автономныхъ субъектовъ права. Въ понятіи автономіи хозяйствующаго субъекта ученіе о хозяйствѣ соприкасается съ наукой о правѣ. Автономный субъектъ есть общее и основное понятіе и политической экономіи и гражданскаго правовѣдѣнія. Гражданское право, какъ особая система понятій зиждется на идеѣ автономіи. И на ней же покоится ученіе о хозяйствованіи, поскольку оно имѣетъ дѣло съ "системой хозяйствъ", то есть, съ экономическимъ обобщеніемъ и взаимодѣйствіемъ неопредѣленнаго множества хозяйствующихъ субъектовъ. Отсюда ясно, что для ученія о хозяйствованіи, понятіе субъекта хозяйства такъ же необходимо, какъ для правовѣдѣнія понятіе субъекта права; это тотъ же единый субъектъ, лишь подъ разными углами зрѣнія. Это теоретически очень интересный случай, когда понятія разныхъ научныхъ областей, элементовъ хозяйства и права, пересѣкаются какъ бы въ одной точкѣ.

Какія же историческія явленія подходятъ и иллюстрируютъ наши схемы? Можно сказать, что системѣ взаимодѣйствующихъ хозяйствъ соотвѣтствуетъ современный типъ хозяйства, основанный на правовомъ равенствѣ, изъ котораго вытекаетъ хозяйственная автономія каждаго субъекта. Но говоря "современный" типъ хозяйства, мы имѣемъ въ виду самыя его первоосновы, исключающія рабство и крѣпостное право, при которыхъ рядъ субъектовъ не являются или не въ полной мѣрѣ являются субъектами хозяйства, а служатъ орудіемъ или инструментальнымъ членомъ нѣкоторыхъ другихъ хозяйственныхъ цѣлей. Эта схема осуществляется, когда падаютъ всѣ внѣэкономическія рамки, связывавшія свободу субъекта, когда люди и при всей своей экономической и соціальной зависимости не перестаютъ быть свободными хозяйствующими субъектами.

Совокупность рядомъ стоящихъ хозяйствъ - первый членъ нашей классификаціи - наиболѣе соотвѣтствуетъ тѣмъ экономическимъ явленіямъ, которыя обычно объединяются подъ терминомъ "натуральное" хозяйство. Если здѣсь и возникаютъ соприкосновенія, то это либо предвѣщаетъ зачатки будущей связи, либо они носятъ не экономическій характеръ. Правильнѣе всего привлечь въ качествѣ примѣра крѣпостное хозяйство феодальнаго періода.

феодальный строй *), какъ строй хозяйственный, есть несомнѣнно совокупность рядомъ стоящихъ хозяйствъ. Поскольку между этими хозяйствами складываются и развиваются соприкосновенія и воздѣйствія эти взаимоотношенія не могутъ быть сведены къ чисто экономическимъ отношеніямъ возмезднаго обмѣна, они выливаются не въ форму автономно-экономическаго общенія, или частно-правовой координаціи, а въ форму основаннаго на принужденіи іерархическаго соподчиненія, или публично-правовой субординаціи. Иначе говоря, феодальныя отношенія, построенныя по типу подчиненія и господства, выпадаютъ изъ области свободнаго гражданскаго общенія. Гражданское право возникаетъ уже на развалинахъ феодальнаго строя, когда разъ навсегда установившіяся отношенія расшатываются, становятся свободными и текучими.

Конечно, феодализмъ связанъ съ договорнымъ началомъ, но здѣсь договорное начало имѣетъ совсѣмъ особое значеніе. Индивидуальный договоръ имѣлъ въ феодальномъ строѣ учредительное значеніе, онъ создалъ прочныя, практически въ значительной мѣрѣ неподвижныя отношенія, въ которыхъ автономія субъектовъ погашалась. Такимъ образомъ, хотя въ основѣ феодализма и лежитъ договорное начало, оно имѣетъ совершенно особый смыслъ. Стоящія рядомъ хозяйства связаны при феодализмѣ не на основѣ мѣновыхъ отношеній, а соприкасаются при посредствѣ совершенно иныхъ отношеній. Это отношенія - господина и подчиненнаго, но не въ томъ современномъ соціальномъ смыслѣ, согласно которому предприниматель - господинъ, а рабочій - подчиненный, а въ томъ смыслѣ, что это были нерасторжимыя отношенія, нерасторжимыя по доброй волѣ, что такъ чуждо современнымъ формамъ гражданскаго права. Поэтому обмѣнъ въ феодальномъ обществѣ не создавалъ системы свободнаго взаимодѣйствія, не окрашивалъ въ свой цвѣтъ хозяйственной жизни.

Поскольку въ какомъ-либо реальномъ феодальномъ обществѣ

---

*) *Понятіе феодализма въ послѣднее время чрезвычайно расширено и талантливый русскій историкъ, покойный Павловъ-Сильванскій, напримѣръ, построилъ на этомъ расширенномъ понятіи феодализма всю русскую исторію. Нѣкоторые историки вводятъ это понятіе и въ исторію древнюю.*

было взаимодѣйствіе хозяйствующихъ субъектовъ передъ нами реально, такъ сказать, образчикъ смѣшаннаго хозяйственнаго строя. Правда и соприкосновеніе на основѣ отношеній господства и подчиненія можетъ быть образно названо обмѣномъ. Но не надо забывать, что подобному словоупотребленію совершенно чужда необходимая научная точность.

Обычно говорятъ, что въ феодальномъ строѣ налицо "преобладаніе частно-правовыхъ принциповъ" вмѣсто "публично-правовыхъ". Логически правильнѣе было бы говорить наоборотъ. То, что въ современномъ и, въ значительной мѣрѣ, и въ Римскомъ государствѣ было областью частнаго права, проникнутаго началомъ хозяйственной автономіи, то въ феодальномъ обществѣ было областью права публичнаго, изъятаго изъ сферы автономіи хозяйствующихъ субъектовъ. Этому не противорѣчитъ, какъ я уже указалъ, дѣйствіе въ феодальномъ строѣ начала индивидуальнаго договора вмѣсто общаго закона. Такимъ образомъ феодальный строй характеризуется скорѣй преобладаніемъ публичнаго права надъ гражданскимъ. Ибо отношенія господства и подчиненія именно характеризуютъ систему публичнаго права, отношеніе власти = господина и частныхъ лицъ = подчиненныхъ - отношенія, которыя никогда не могутъ быть отмѣнены или измѣнены въ порядкѣ договора власти и подвластныхъ субъектовъ. Такимъ образомъ въ феодальномъ обществѣ чисто экономическія соотношенія еще не развернулись, еще скрыты за покровомъ соціальнаго отношенія господства и подчиненія. Реальной предпосылкой такой формы экономическихъ отношеній, скорѣе приближающихся къ отношеніямъ соціальнымъ власти и подчиненія, является слабость государственной власти. Государственная власть не отсутствовала, а иначе распредѣлялась между субъектами власти; въ феодальномъ строѣ отсутствовало единство государственной власти въ современномъ смыслѣ. Нынѣ власть гораздо болѣе сконцентрирована и принадлежитъ единому субъекту государственной власти. Между тѣмъ именно это единство государственной власти - и только оно - создаетъ реальную возможность какъ частно - хозяйственной автономіи, такъ и самаго частнаго права, какъ особой системы правъ: цѣлыя огромныя области освобождаются отъ той власти, которая тяготѣла надъ ними при раздробленіи соціальной власти.

...тное право, именно какъ таковое, расцвѣтаетъ подъ щитомъ ...ющей силой государственной власти. Въ феодальномъ ... объ индивидуальномъ договоръ, имѣвшій, какъ я уже сказалъ, ... формальное значеніе и принципъ вѣрности восполняютъ отсут- ... ...ложенныхъ въ обдемъ, исходящемъ отъ единаго государ- ...ства, гарантій личной и имущественной обезпеченности, ...ности, въ рамкахъ которыхъ движется автономно-экономическое общеніе и его формальное выраженіе - частное право.

Частно-правовымъ характеръ обычно приписываютъ феодальному строю потому, что исходятъ всегда изъ чисто исторически опредѣленнаго современнаго представленія объ единой государственной власти. Однако, единство государственной власти вовсе не есть необходимый признакъ государства, какъ явленія историческаго.

Я опредѣлилъ хозяйствованіе, какъ дѣятельность, направленную на удовлетвореніе потребностей при посредствѣ благъ. Я указалъ, что соединяя всѣ три момента: 1)содержаніе хозяйственной дѣятельности 2)формально-психологическій принципъ хозяйствованія и 3)подчиненіе единой волѣ, мы можемъ опредѣлить хозяйство, какъ субъективное телеологическое единство раціональной экономической дѣятельности, или хозяйствованія.

Теперь передъ нами возникаетъ чрезвычайно серьезный вопросъ: есть ли хозяйство - категорія историческая, то есть, можемъ ли мы съ какимъ-нибудь правомъ отправляться въ разсмотреніи хозяйственной дѣятельности отъ представленія, что хозяйства когда-нибудь не было. Это проблема сложная и интересная и, вмѣстѣ съ тѣмъ, она есть исходная точка всей нашей дисциплины. Правда, съ моей точки зрѣнія она отпадаетъ, такъ какъ я понимаю дисциплину исторіи хозяйственнаго быта лишь какъ систему обработки историческихъ явленій по категоріямъ политической экономіи, сама же политическая экономія возможна лишь постольку, поскольку она оперируетъ понятіями хозяйства. Но это отклоненіе проблемы чисто формальное, и я не могу имъ ограничиться, тѣмъ болѣе, что въ литературѣ есть очень развитая точка зрѣнія, что исторически хозяйству предшествовала полная противоположность тому, что мы называемъ хозяйствомъ. Поэтому отклонить проблему формально было бы менѣе убѣдительно, чѣмъ если мы опровергнемъ этотъ взглядъ логически или фактически, то есть, доказавъ что хозяйству фактически не пред-

ществовало и логически не могло предшествовать нѣчто противоположное.

Открывая книгу Вюхера "Происхожденіе народнаго хозяйства", Вы видите, что первыя двѣ статьи: "Первобытный хозяйственный строй" и "Хозяйство первобытныхъ народовъ" посвящены исходной точкѣ хозяйства. Относительно этихъ статей было уже давно замѣчено, что какъ заглавія, такъ и содержаніе ихъ говоритъ о первобытномъ хозяйствѣ, тогда какъ основная мысль, идея статей въ томъ, что самое хозяйство не существовало. Въ этомъ противорѣчіи выпукло отражается несовершенство конструкціи Вюхера. Самъ онъ въ текстѣ утверждаетъ, что *) "по мѣрѣ того, какъ мы постепенно переходили къ все болѣе и болѣе низкимъ ступенямъ развитія, хозяйство въ нашихъ рукахъ исчезало и превращалось въ отсутствіе хозяйства". Разсмотримъ эту точку зрѣнія и займемъ по отношенію къ ней опредѣленную позицію. Характеризуя на основѣ общей этнографической литературы состояніе первобытнаго хозяйства, Вюхеръ приходитъ къ выводу, что первобытное состояніе - есть нѣчто прямо противоположное хозяйству, что на первобытныхъ стадіяхъ хозяйства вовсе не было, ибо "состояніе это, судя по всему тому, что мы о немъ знаемъ, было прямой противоположностью всему тому, что мы называемъ хозяйствомъ. Подъ хозяйствомъ мы всегда разумѣемъ совмѣстную дѣятельность людей, направленную на пріобрѣтеніе благъ; хозяйство предполагаетъ заботу не объ одной лишь настоящей минутѣ, но и о будущемъ, бережливое пользованіе временемъ и его цѣлесообразное распредѣленіе; хозяйство означаетъ трудъ, оцѣнку вещей, упорядоченіе ихъ потребленія, передачу культурныхъ пріобрѣтеній изъ рода въ родъ. И всего этого мы часто не могли найти даже у стоящихъ на сравнительно высшей ступени первобытныхъ народовъ; у низшихъ же расъ мы видѣли едва лишь слабые зачатки вышеуказанныхъ условій. Если изъ жизни бушмена и ведда устранить употребленіе огня, лука и стрѣлъ, то вся его жизнь сведется къ индивидуальному исканію пищи. Каждый отдѣльный бушменъ долженъ прокармливать себя совершенно самостоятельно. Голый и безоруженный бродитъ онъ, подобно дичи, со своими товарищами въ тѣсныхъ предѣлахъ райо-

---

*) *Карлъ Вюхеръ - Четыре очерка изъ области народнаго хозяйства СПБ. 1898 г. стр. 94.*

они пользуются для хватанія ногами съ такой же ловкостью, какъ и руками. Каждый, какъ мужчина, такъ и женщина, поѣдаетъ [illegible] что удастся схватить руками, или вырвать изъ земли [illegible] мелкихъ животныхъ, коренья, плоды. Они то собираются въ незначительныя группы или большія стада, то снова разбредаются, смотря по тому, насколько мѣстность богата растительной пищею или дичью. Но такія группы не превращаются въ настоящія общества; онѣ не облегчаютъ существованіе отдѣльному лицу"*).

Въ какой мѣрѣ нарисованная картина соотвѣтствуетъ дѣйствительности, правдоподобна? Вообще, когда Бюхера упрекаютъ въ томъ, что его образы и построенія не соотвѣтствуютъ дѣйствительности, онъ говоритъ, что соотвѣтствіе съ дѣйствительностью не входитъ въ его задачи, что онъ не имѣлъ въ виду рисовать дѣйствительности. Онъ поступаетъ какъ дѣлали классики и, пользуясь изоляціоннымъ методомъ, строитъ схемы, логическія построенія. Однако, въ этомъ то и основной методологическій грѣхъ Бюхера: этому схематическому построенію онъ придаетъ значеніе не только схемы, не только логическаго построенія при помощи котораго мы уясняемъ себѣ нѣкоторыя стороны многообразной дѣйствительности, а полной, исчерпывающей характеристики данной исторической дѣйствительности. На вопросъ о томъ, насколько это построеніе соотвѣтствуетъ дѣйствительности, мы должны сказать, что наука, которая приводитъ данныя о бытѣ первобытныхъ народовъ, не уполномачиваетъ насъ считать эту схему соотвѣтствующей дѣйствительности. Бюхеръ, рисуя первобытное хозяйство, какъ нехозяйство, не слѣдовалъ за этнографами и не подводилъ итоговъ ихъ работъ, а примѣнилъ методъ, такъ называемыхъ, "пережитковъ" или "переживаній". Онъ выхватилъ отдѣльныя черты дѣйствительности, заранѣе призналъ въ нихъ "слѣды", "пережитки" болѣе отдаленной исторической эпохи и, изолируя эти черты, какъ основаніе первобытнаго состоянія народа, возсоздалъ на нихъ картину первобытнаго хозяйства, которая есть нехозяйство.

L.Wodon подвергнулъ серьезной провѣркѣ методы "переживаній", примѣненные Бюхеромъ, и высказалъ по этому поводу интересныя соображенія. Бюхеру, говоритъ онъ, было не легко накопить достаточное количество фактовъ, которые должны были послужить доказательствомъ его тезы. Если безъ критической подготовки

---

*) К.Бюхеръ. - Тамъ же, стр. 91.

подходить къ явленіямъ соціальнаго даннаго, чтобы изъ ихъ среды подобрать черты соціальнаго переживанія предшествующихъ стадій развитія, кажется, что существуетъ огромный выборъ. Но легкость выбора обусловливалась бы тѣмъ, что въ дѣйствительности существуютъ реальныя, ощутимыя явленія переживаній, а не, какъ въ данномъ случаѣ, трудно-уловимыя смутныя черты переживаній порядка психологическаго, въ родѣ чертъ характера, привычекъ мышленія или дѣятельности. Эти черты столь лишены элементовъ устойчивости, фиксированности, столь текучи и подвижны, что попытки уложить ихъ въ устойчивыя научныя формулы или даже проще попытки ихъ классифицировать встрѣчаютъ непреодолимыя трудности. И сказанное въ особенности приложимо къ тѣмъ явленіямъ "примитивности", которыя Бюхеръ находитъ у описываемыхъ народовъ, и которыя онъ признаетъ "характерными переживаніями" древности. Такія черты, какъ беззаботность первобытныхъ, какъ неумѣлое утилизированіе времени, какъ отсутствіе, столь характерной для современнаго человѣка оцѣнки явленій и вещей, которыя Бюхеръ считаетъ особыми признаками первобытнаго человѣка, и указаніе на которыя, нахожденіе которыхъ является по его мнѣнію доказательствомъ "переживанія", развѣ трудно установить ихъ среди современнаго человѣчества и съ тѣмъ же правомъ и основаніемъ констатировать въ нашей средѣ черты родственныя, близкія, характерныя для варварскихъ временъ? Если даже признать указанныя черты характерными для первобытныхъ людей, совершенно законно все же усумниться, можно ли реконструировать на основѣ ихъ то гипотетическое экономическое состояніе, которое характеризуется нехозяйственностью, что послужило первымъ началомъ эволюціи человѣческихъ обществъ. Если обратиться къ логическому методу, которымъ пользуется Бюхеръ при выведеніи своего заключительнаго положенія, непріемлемость его достаточно обнаружится.

Первой посылкой служитъ положеніе, что въ данномъ обществѣ черты, которыя диспармонируютъ, находятся въ несоотвѣтствіи съ общей системой культуры, приводятъ съ необходимостью къ представленію предшествующаго данному обществу состоянію, которымъ эти черты разумно объясняются.

Второй посылкой является мысль, что среди примитивныхъ народовъ, доступныхъ нашему наблюденію, имѣются нѣкоторыя черты, соотвѣтствующія общей системѣ свойственнаго имъ экономическаго режима, и другія, стоящія съ нимъ въ явномъ несходствѣ, въ

откровенномъ разногласіи.

Отсюда, какъ выводъ, устанавливается, что должно допустить состояніе, предшествующее экономической системѣ, состояніе, болѣе точно объясняющее эти послѣднія особенности, неэкономическія тенденціи, обнаруживающіяся въ "хозяйствѣ" первобытной эпохи, въ исходномъ пунктѣ приводящемъ въ послѣдствіи къ современному хозяйству.

Идеи Бюхера, сведенныя и представленныя въ этой формулѣ, обнаруживаютъ всю свою внутреннюю пустоту, необходимо доказываютъ, что здѣсь мы имѣемъ дѣло лишь съ одной чистой "словесностью". Бюхеръ, чтобы избѣгнуть этого, необходимо долженъ былъ доказать, на основѣ этнографическихъ матеріаловъ, существованіе неэкономическаго человѣка, человѣка, основная характеристика котораго давалась бы отсутствіемъ элементовъ общественной жизни. Бюхеръ этого не сдѣлалъ, да и не могъ сдѣлать: этнографы безусловно отрицаютъ существованіе и возможность существованія подобнаго типа первобытнаго человѣка.

Ср. L. W o d o n . - Sur quelques Erreurs de Methode dans l'etude de l'Homme Primitif. - Bruxelles, 1906 , а также S t e i n m e t z . - Classification des types sociaux.(L'annee sociologiquss, 3-e annee).

Въ какой мѣрѣ законенъ подобный методъ? Въ какой мѣрѣ первобытный человѣкъ дѣйствительно обнаруживаетъ такое отсутствіе хозяйственной дѣятельности, характеризуется психическимъ состояніемъ, отмѣченнымъ отсутствіемъ всякой предусмотрительной заботливости при отыскиваніи пищи, при удовлетвореніи потребностей? Имѣющіеся у этнографовъ матеріалы не позволяютъ признать первобытнаго человѣка лишеннымъ этихъ чертъ, и въ силу этого совершенно чуждымъ хозяйственности и хозяйственной дѣятельности. Больше того! Хозяйство въ самомъ своемъ корнѣ имѣетъ заботу о поддержаніи жизни. Говоря о поддержаніи жизни, о стремленіи къ самосохраненію, мы совершенно естественно вызываемъ представленіе глубоко родственное тому, что мы называемъ хозяйствомъ.

Вѣрно, хотя и банально, но все же вѣрно, что первобытный человѣкъ не похожъ на современнаго. Но и въ современномъ человѣчествѣ мы находимъ разные классы, типы, психологіи, индивидуальности, находимъ массу различій и противоположностей. На этомъ основаніи мы не можемъ все же сказать, что нѣкоторыя черты современнаго общества можно характеризовать, какъ "пере-

живанія" первобытнаго состоянія, и на основѣ этихъ чертъ возстановить первобытный строй. Въ обществѣ всегда были и будутъ разные человѣческіе типы и индивидуальности, но забота о поддержаніи жизни всегда выразится, какъ основная. Даже въ животной средѣ мы найдемъ неиндивидуализированное, нерационализированное, инстинктивное выраженіе все той же заботы. Такимъ образомъ современная этнографія не даетъ намъ матеріала для поддержанія утвержденія, что первобытный человѣкъ не дорось до этой инстинктивной заботы, что человѣкъ нѣкогда находился въ нехозяйственномъ состояніи.

Переходимъ къ другой сторонѣ утвержденія Бюхера: къ утвержденію о крайнемъ индивидуализмѣ первобытнаго человѣка. Приведенную ранѣе цитату Бюхеръ заканчиваетъ такъ: "Эта картина, быть можетъ не особенно понравится современному носителю культуры, однако собранный эмпирическимъ путемъ матеріалъ прямо таки принуждаетъ насъ изображать ее именно такимъ образомъ. Въ ней нѣтъ ни одной выдуманной черты. Мы устранимъ изъ жизни низшихъ племенъ лишь то, что, согласно общепринятому взгляду, является уже признакомъ культуры: употребленіе оружія и огня. Если намъ пришлось признать, что даже сравнительно у высоко стоящихъ первобытныхъ народовъ встрѣчается чрезвычайно многое, идущее въ разрѣзъ со всякой хозяйственностью, и что, во всякомъ случаѣ, сознательное примѣненіе хозяйственнаго принципа составляетъ у нихъ скорѣе исключеніе, чѣмъ правило, то тѣмъ болѣе намъ придется отказаться отъ употребленія термина "хозяйство" по отношенію къ такъ называемымъ "низшимъ охотникамъ" и ихъ предшественникамъ, только что охарактеризованнымъ нами. Намъ придется констатировать у нихъ до-хозяйственную стадію, на которой еще нѣтъ хозяйства. А такъ какъ всякая вещь должна получить свое наименованіе, то эту стадію развитія мы назовемъ ступенью индивидуальнаго отысканія пищи"*) А заканчиваетъ онъ этотъ очеркъ слѣдующими словами: "Тѣмъ не менѣе, нельзя отрицать того, что во всѣхъ этихъ случаяхъ сказывается общность происхожденія этихъ силъ отъ одной и той же причины, а именно отъ и н д и в и д у а л ь н а г о и с к а н і я п и щ и, к о т о р о е г о с п о д с т в о в а л о в ъ т е ч е н і е т ы с я ч е л ѣ т і й у в с ѣ х ъ э т и х ъ

---

*) *Бюхеръ. - Тамъ же, стр. 92.*

народовъ"*).

Вмѣсто многообразнаго хозяйственнаго общенія, какое мы наблюдаемъ позднѣе, первобытный человѣкъ занимался индивидуальнымъ розыскомъ пищи. Бюхеръ исходитъ при этомъ изъ того, что въ современномъ хозяйствѣ существуетъ рѣзкое раздѣленіе труда между полами, такъ, что мужчины занимаются добываніемъ пищи, въ то время какъ женщины въ этомъ процессѣ не участвуютъ, а лишь посвящаютъ себя задачѣ устроенія потребленія. Относительно же первобытнаго строя онъ отправляется отъ того наблюденія, что на извѣстныхъ стадіяхъ этого періода существуетъ такое раздѣленіе труда между полами, при которомъ мужчины занимаются индивидуальной охотой и добываніе и потребленіе пищи мужчинъ отдѣлено отъ добыванія и потребленія растительной пищи женщинъ. Но отсюда не слѣдуетъ, что добываніе пищи есть актъ индивидуальный. Мы наоборотъ знаемъ, что это раздѣленіе половъ сопровождается объединеніемъ мужчинъ въ опредѣленныя организаціи, которыя являются прямой противоположностью и отрицаніемъ раздробленія усилій. Ясно, во всякомъ случаѣ, что ни представленіе о поискѣ пищи въ одиночку, ни представленія объ отсутствіи заботливой предусмотрительности и вообще всего того, что характеризуется понятіемъ "хозяйственности", дѣйствительности не соотвѣтствуютъ и являются только конструкціей. И надо отмѣтить, что, въ то время какъ среди экономистовъ построеніе Бюхера, конструктивно ясное и логичное, встрѣтило признаніе, въ средѣ этнографовъ къ нему отнеслись съ рѣзкой оппозиціей и рѣшительной критикой. И какъ разъ эта критика и вскрыла основной методологическій недостатокъ Бюхера. Позиція Бюхера была бы логически допустима, если бы онъ, указывая на основныя свойства человѣческой природы, создалъ представленіе, что человѣкъ можетъ или долженъ быть существомъ нехозяйственнымъ. Но такое представленіе о человѣкѣ, будучи принципіально допустимымъ, логически мыслимымъ, фактически все таки оставалось бы чрезвычайно спорнымъ и сомнительнымъ. Этнографы бы указали, что человѣкъ - животное слабое, и поэтому люди не даромъ "боятся львовъ и медвѣдей". Сравнивая человѣка, напримѣръ, съ обезьяной, мы убѣждаемся, что онъ безвозвратно утерялъ цѣлый рядъ полезныхъ въ жизненной борьбѣ приспособленій.

---

*) *Бюхеръ. - Тамъ же стр. 106.*

Человѣкъ могъ поэтому выживать, какъ видъ животныхъ, только опираясь на такія свойства, которыя ведутъ его къ общественности, которыя дѣлаютъ его способнымъ къ дѣйствіямъ, заключающимъ зерно хозяйства. Конечно, человѣкъ одолѣваетъ животныхъ на охотѣ не силой, а используя извѣстныя орудія, построя планъ охоты, опираясь на опредѣленную координацію дѣйствій. Отрицать подобной планомѣрности у первобытнаго человѣка нельзя. Наоборотъ, въ противоположность Бюхеру, можно настаивать на томъ, что у первобытнаго человѣка эти свойства выражены ярче, проступаютъ острѣе. Первобытный человѣкъ отличается рядомъ свойствъ противоположныхъ свойствамъ культурнаго, развитого человѣка. Свойства эти характеризуются не только тѣмъ, что они предоставлены въ разной пропорціи у первобытнаго и культурнаго человѣка, но они и совершенно по особому окрашиваютъ всю дѣятельность каждаго изъ нихъ. Пользуясь терминологіей Н.Михайловскаго, слѣдовало бы сказать, что это однако не есть различіе типа развитія, а различіе степени развитія. Передъ Бюхеромъ стояла большая задача сложной исторической характеристики, онъ ее не разрѣшилъ: онъ просто замазалъ первобытнаго человѣка однотонной краской (можетъ быть даже бѣлой, ибо она оказалась пустымъ мѣстомъ). Это было выяснено его критиками - этнографами.

## *ПРОБЛЕМА ПОТРЕБЛЕНІЯ.*

Въ предшествующей лекціи мы излагали критику воззрѣнія, что хозяйство, проникнутое духомъ хозяйствованія - есть категорія историческая. Но есть въ хозяйствѣ элементы, которые даже самые исторически настроенные экономисты не сумѣютъ признавать элементомъ исторіи, что остается, какъ нѣчто первичное и первопричинное. Если охарактеризовать хозяйственную дѣятельность, согласно опредѣленію, которое я беру изъ одного распространеннаго учебника политической экономіи Тугана-Барановскаго, "какъ совокупность человѣческихъ дѣйствій, направленныхъ на внѣшній міръ и имѣющихъ своей цѣлью созданіе матеріальной обстановки,

необходимой для удовлетворенія нашихъ потребностей", то, во всякомъ случаѣ, потребленіе есть психическая и въ то же время органическая функція, которой трудно приписывать историческій характеръ. Потребленіе - какъ функція органическая - и потребность - какъ органическая сила, какъ явленія, уже не возбуждающія вопроса объ историчности, естественно взять, какъ исходную точку хозяйственной эволюціи. Но, конечно, можно разсуждать такъ: потребленіе и потребности дѣйствительно существуютъ, какъ нѣчто изначальное, органическое, но прогрессивная сторона въ потребностяхъ, ихъ непрерывный ростъ есть ли это нѣчто органическое? Не есть ли тенденція къ росту потребностей явленіе историческое, слагающееся въ процессѣ развитія культуры и потому не могущее быть принятымъ, какъ нѣчто данное? Или иначе: присуща ли человѣку "естественная", внѣисторическая, не привитая культурой тенденція къ росту потребностей? Бюхеръ, какъ разъ думаетъ, что потребности и потребленіе имѣютъ тенденцію къ безграничному росту; что, по существу, ограниченнымъ возможностямъ природы, конечнымъ силамъ и средствамъ пріобрѣтенія человѣка, противостоитъ безграничная область потребностей и эта область имѣетъ безконечную тенденцію къ расширенію и является тѣмъ рычагомъ, который движетъ хозяйство впередъ. "Человѣческія потребности способны безгранично умножаться онѣ никогда не находятся въ состояніи покоя; онѣ повышаются интенсивно и экстенсивно съ теченіемъ культурнаго развитія. Пригодная же для человѣческихъ цѣлей матерія ограничена, такъ же, какъ и человѣческая рабочая сила, придающая этой матеріи качество благъ и увеличивающая ихъ фондъ. Съ ростомъ числа населенія становится все неблагопріятнѣе совокупное отношеніе потребностей къ количеству хозяйственно-пригодной матеріи, предлагаемой природой. Такимъ образомъ создается двойное основаніе необходимости роста трудовыхъ усилій для производства и удовлетворенія общихъ потребностей: должно создать больше благъ и при томъ благъ лучшаго качества, и они должны производиться при все менѣе благопріятныхъ условіяхъ. Все это принуждаетъ возможно болѣе хозяйственное направленіе рабочихъ усилій" *)

*) K. Bücher. - Die Entstehung der Volkswirtschaft, S. 294-295.

Но вопросъ не такъ простъ и общее разсужденіе не разрѣшаетъ проблемы: какимъ образомъ возникаютъ, зарождаются и дифференцируются потребности и потребленіе? Признавая ихъ двигательной силой хозяйственной дѣятельности - и цѣлью, и рычагомъ хозяйства - мы подчеркиваемъ лишь важность вопроса: какъ этотъ рычагъ, который, какъ таковой, лишенъ элементовъ прогрессивнаго развитія, и характеризуется постоянно воспроизводящейся работой, превращается въ двигатель, видоизмѣняющій старые и создающій новые факторы и тѣмъ самымъ преобразующій самое хозяйство? Этотъ вопросъ, кажущійся очень простымъ съ перваго взгляда, на самомъ дѣлѣ представляетъ большія трудности, потому что, какъ разъ въ потребленіи можно различить консервативную и прогрессивную линіи человѣческой психики, изъ которыхъ только прогрессивная можетъ двигать впередъ хозяйство. Стало быть вопросъ можетъ быть формулированъ такимъ образомъ: есть ли въ самомъ потребленіи мотивы, могущіе его двигать въ прогрессивномъ направленіи?

Давно уже сдѣлано наблюденіе, что самое развитіе потребленія не могло предшествовать открытію средствъ его удовлетворенія, что только открытіе средствъ удовлетворенія потребностей являлось, и до сихъ поръ является, созданіемъ самихъ потребностей, то есть, самое потребленіе создаетъ потребность, какъ массовое явленіе. Такъ, напримѣръ, высказывается I.Faucher: "При этомъ средствѣ удовлетворенія питанія слѣдуетъ, однако, обратить вниманіе на нѣкоторое явленіе (объясненіе котораго подлежитъ химіи и физіологіи и даже до нѣкоторой степени послѣднимъ удалось), которымъ мы займемся лишь, какъ фактомъ извѣстнымъ каждому изъ его личнаго опыта. Мы здѣсь имѣемъ дѣло со средствами питанія, при которыхъ не потребность вызываетъ удовлетвореніе, а, наоборотъ, удовлетвореніе создаетъ самое потребленіе, самую потребность. Почти всюду существуетъ нѣкоторое взаимодѣйствіе потребностей и ихъ удовлетворенія; на этой то основѣ создается обычная потребность.

.....Мы знаемъ достаточно хорошо, такъ продолжаетъ Faucher, что процессъ открытія средствъ потребности питанія имѣетъ свое историческое, какъ и доисторическое прошлое, какъ еще и историческую будущность, и прежде всего знаемъ, что онъ имѣетъ свой великій, никогда не пребывающій въ покоѣ, хотя, чѣмъ далѣе, тѣмъ все сложнѣй обнаруживающійся, законъ. Мы думаемъ,

что существуетъ пропасть между способомъ введенія средствъ массоваго питанія и способами индивидуальнаго удовлетворенія потребностей, пропасть достаточно глубокая, чтобы оправдать совершенную ихъ противоположность, находящую свое выраженіе въ томъ, что въ противоположность индивидуумамъ, у націи потребность слѣдуетъ видимо за удовлетвореніемъ".

Это особенно ясно обнаруживается относительно предметовъ роскоши, или даже не роскоши, но и не необходимости, а предметовъ обычнаго употребленія, объединенныхъ подъ понятіемъ "массовой роскоши". Гардъ указываетъ*) "совершенно ясно, что потребность куренія, потребность въ чаѣ и кофе и т.д. не могли появиться до открытія кофе, чаю, табаку". Самое же открытіе ихъ, являясь результатомъ сложнаго сцѣпленія экономическихъ явленій, послужило толчкомъ къ возникновенію и развитію самихъ потребностей. Возьмемъ характерный случай, когда гимназистъ начинаетъ курить; здѣсь нельзя говорить о потребности куренія, здѣсь выдвигаются мотивы подражанія. Но на основѣ, можетъ быть, случайно открытаго продукта потребленія развивается уже потребность. Гардъ обобщилъ это наблюденіе относительно всей области потребленія *) ..."Никакая соціальная потребность не могла предшествовать тому изобрѣтенію, которое позволило уловить предметъ пригодный для удовлетворенія этой потребности"...Налицо должны быть извѣстные предметы потребленія, прежде чѣмъ разовьется потребность въ нихъ; возможность удовлетворенія потребности рождаетъ самую потребность.

Впослѣдствіи наблюденіе это обобщается и распространяется на болѣе тонкія явленія человѣческой культуры, на болѣе тонкія психическія состоянія. Такъ поставимъ вопросъ о возникновеніи одежды, о возникновеніи потребности въ прикрытіи своей наготы. Конечно, здѣсь можно бы указать на чисто органическую потребность въ теплѣ, въ согрѣваніи, но мы знаемъ также, что животныя обходятся безъ одежды и развили другія приспособленія. Говорятъ, что стыдъ явился психическимъ импульсомъ потребности закрывать наготу, послужилъ исходнымъ пунктомъ возникновенія и развитія одежды. Но возможно, что стыдъ развился изъ самаго факта одѣванія, а не потребность въ одѣваніи изъ

*) G.Tarde - Les lois de l'imitation. Paris 1895, chap.IV, p. 101 - 102.

отъда. Тардъ прямо и говоритъ, что стыдъ обнаруживается, какъ слѣдствіе одѣванія. "Одежда не слѣдуетъ за стыдомъ - говоритъ чрезвычайно ясно M.Wiener (le Perou) -но, наоборотъ стыдъ обнаруживается вслѣдствіе одѣванія, то есть, одежда, прикрывая тѣ или иныя части человѣческаго тѣла, обнаруживаетъ непристойность наготы той части, которую привыкли видѣть покрытой"*) . И это, конечно, вѣрное указаніе, поскольку не расширяютъ его до размѣровъ абсолютнаго. Изъ этого ясно, въ какой мѣрѣ безсодержательно указаніе на безграничность роста потребностей, поскольку самая потребность, какъ мы видимъ, возникаетъ въ результатѣ извѣстныхъ экономическихъ фактовъ. Въ чемъ же слѣдуетъ видѣть, если приведенное ранѣе объясненіе отпадаетъ, если возможно даже самыя элементарныя потребности объяснить изъ другихъ фактовъ, въ чемъ же слѣдуетъ видѣть возникновеніе потребностей?

Возможно и иное объясненіе: указываютъ, что потребность можетъ вызываться на основѣ стремленія къ дѣятельности, присущаго не только человѣку, но и всякому живому существу, стремленіе къ творчеству. Это отрицается многими, говорящими, что фактъ этотъ лежитъ внѣ экономики и родственъ эстетической сторонѣ дѣятельности. Можно думать, что первобытный человѣкъ осуществлялъ свои потребности, не задаваясь хозяйственной цѣлью, и создавая свои потребности внѣ области экономики, а въ сферѣ эстетической дѣятельности, свободно дѣйствуя въ трудѣ, какъ въ игрѣ. Игра - элементъ сейчасъ очень чуждый труду и съ утилитарной точки зрѣнія - нѣчто безполезное - и трудъ на первыхъ ступеняхъ хозяйственной исторіи, несомнѣнно, неразличимы. Опираясь на неразличимость этихъ элементовъ, Бюхеръ развилъ свое ученіе о раздѣленіи труда и создалъ свою конструкцію о ритмѣ. "Игра старше труда, искусство древнѣй производства. Даже у стоящихъ значительно высоко первобытныхъ народовъ, гдѣ оба элемента начинаютъ отдѣляться одинъ отъ другого, танцы еще предшествуютъ или завершаютъ всякую болѣе или менѣе важную работу (военные, охотничьи танцы, танцы при сборѣ урожая), а пѣсня сопровождаетъ трудъ" **).

---

*) *Тардъ. - Тамъ же.*

**) Bücher – *Тамъ же, стр. 34.*

Это наблюденіе имѣетъ тотъ смыслъ, что эстетическая дѣятельность, игра, можетъ имѣть экономическое, хозяйственное значеніе. Возможно, что первобытный человѣкъ, "играючи", отдаваясь безкорыстному творческому побужденію, не задаваясь утилитарными соображеніями, создавалъ орудія, блага. Это не исключаетъ того, что къ этимъ эстетическимъ завоеваніямъ могла присоединиться и экономическая потребность, могъ привзойти и утилитарный мотивъ. И если въ началѣ человѣкъ создавалъ блага полезныя и предметы безполезные съ тѣмъ же творческимъ порывомъ воодушевленія, то впослѣдствіи и тѣ и другіе пріобрѣтаютъ экономическое значеніе, то есть, и безполезныя вещи вызываютъ потребность. Тѣмъ не менѣе нельзя объяснить все въ развитіи потребностей игрой эстетическихъ силъ. Схема: игра, на почвѣ ея искусство, а на этой почвѣ уже экономическая дѣятельность - произвольна. Не слѣдуетъ забывать, что только игра - есть дѣятельность ради самаго процесса дѣятельности, что искусство уже есть преодолѣніе косности, что искусство есть дѣятельность не ради самой дѣятельности, а ради эффекта, что искусство есть психологическій базисъ производства. Разница игры и искусства можетъ быть рѣзче подчеркнута аналогіей образовательнаго путешествія и прогулки безъ цѣли. Несмотря на видимое сходство оба эти явленія психологически - явленія отличныя: въ одномъ случаѣ самое выполненіе прогулки есть достиженіе цѣли, въ другомъ - цѣль имѣется совершенно иная, не только достиженіе наслажденія путешествія, но и полученіе опредѣленнаго эффекта: пріобрѣтеніе знаній, познаніе, какъ результатъ путешествія.

Развитіе потребностей не могло происходить также на основѣ раздѣленія труда. Вюхеръ, какъ разъ, отрицаетъ эту мысль и настаиваетъ на справедливости обратнаго. Я уже приводилъ Вамъ цитату, гдѣ онъ устанавливаетъ безграничность роста человѣческихъ потребностей, удовлетвореніе которыхъ совершается при все большей затратѣ человѣческихъ усилій, какъ благодаря тому, что должно произвести больше благъ и притомъ лучшаго качества, такъ и потому, что производство совершается при ухудшающихся условіяхъ. "Между тѣмъ, такъ продолжаетъ Вюхеръ далѣе, простое наблюденіе учитъ, что не всякій человѣкъ равно пригоденъ, по самой природѣ, ко всякаго рода труду. Различныя тѣлесныя и духовныя качества индивидовъ обусловливаютъ значительныя различія эффекта труда, различія, пріобрѣтающія все больше зна-

ченія съ ростомъ общественнаго развитія или, что то же, съ повышающейся многосторонностью задачъ труда.

Сюда же привходитъ еще слѣдующее. Каждая новая задача труда встрѣчаетъ, по своему внутреннему существу, сопротивленіе, которое значительно уменьшается и въ конечномъ итогѣ почти совсѣмъ исчезаетъ при продолжительной привычкѣ.

Все это обнаруживается въ задачѣ хозяйствованія: возможно болѣе концентрировать задачи труда, индивидуализируя ихъ, однако, насколько возможно такъ, чтобы оставалась возможность использовать всякій видъ индивидуальной одаренности"*).

Такимъ образомъ проблема поставлена ясно и рѣзко. Но вопросъ не такъ простъ, какъ представлено въ этой схемѣ. Точка зрѣнія Бюхера вызвала справедливую критику и желаніе снова пересмотрѣть основы возникновенія потребностей, поскольку онѣ не выясняются мотивами активности и творчества. Какъ вѣрно указалъ одинъ русскій изслѣдователь ( писавшій на нѣмецкомъ языкѣ) Гуревичъ, въ статьѣ "Die Entwicklung der menschlichen Bedürfnisse und die soziale Gliederung der Gesellschaft" **), всякое общественное раздѣленіе труда предполагаетъ развитіе потребностей, это же послѣднее, въ свою очередь, имѣетъ необходимой предпосылкой раздѣленіе труда. Поэтому, какъ развитіе потребностей, такъ и соціальная дифференцировка труда, не стоятъ въ столь простыхъ соотношеніяхъ и вопросъ объ ихъ соотношеніи нельзя разрѣшить упрощенно, схематически. Это обнаруживается особенно рельефно при изслѣдованіи единичныхъ пріобрѣтеній человѣческой хозяйственной культуры. Психологія первобытнаго человѣка во многомъ отличается отъ психологіи культурнаго человѣка, которая расширяется Бюхеромъ на всякаго человѣка. Совершенно справедливо, что фактъ безграничной способности къ расширенію потребностей лишь съ большими оговорками можетъ быть положенъ въ основу теоріи потребностей. Различіе психологій, различіе міровоззрѣній, какъ совершенно чуждые другъ другу міры, отражаются въ любопытномъ діалогѣ европейца съ индѣйцемъ, приводимымъ однимъ этнографомъ. Индѣецъ удивля-

---

*) *Бюхеръ - Тамъ же стр. 294-295.*

**) *Помѣщена въ* Staats = und sozialwissenschaftliche Forschungen. Herausgegeben von Gustav Schmoller. Neunzehnter Band. 1901. *Ст. 37.*

ется дѣятельности европейцевъ, сооружающихъ такіе громадные и прочные дома. "Вѣдь человѣческая жизнь такъ коротка!" такъ заканчиваетъ свою аргументацію индѣецъ. Эта мысль совершенно не возникаетъ у насъ, когда мы бродимъ по улицамъ большихъ городовъ. Это потому, что современный человѣкъ совершенно не способенъ въ своей экономической дѣятельности руководиться интересами только даннаго момента: въ экономической дѣятельности современнаго человѣка огромную роль играетъ забота о будущемъ.

Нельзя представлять себѣ, что во всякой стадіи историческаго развитія потребности обладаютъ способностью безграничнаго расширенія. Если смотрѣть ретроспективно, назадъ въ глубь историческаго прошлаго, то каждый шагъ впередъ по пути расширенія и дифференціаціи потребленія долженъ быть объясняемъ не общими мѣстами, а указаніемъ на конкректные психологическіе основанія и факты. И трудность здѣсь такъ велика, что одинъ авторъ (V.Gurewitsch), полемизируя съ Бюхеромъ, указываетъ, что его объясненія совершенно безнадежно запутываютъ вопросъ: что раздѣленіе труда объясняется расширеніемъ потребностей, а расширеніе потребностей - раздѣленіемъ труда. Въ настоящее время нельзя еще, конечно, дать окончательнаго разрѣшенія поставленныхъ проблемъ; быть можетъ, нѣкоторые изъ этихъ вопросовъ навсегда останутся въ полумракѣ, пребывая неразрѣшенными, такъ какъ они касаются явленій слишкомъ отдаленнаго прошлаго. Тѣмъ не менѣе въ настоящее время собранъ и подвергнутъ серьезному анализу очень любопытный матеріалъ по сравнительному народовѣдѣнію, языкознанію и чисто историческій матеріалъ, на основѣ котораго высказываются очень интересные взгляды и точки зрѣнія. Разсмотримъ нѣсколько конкретныхъ случаевъ историческихъ хозяйственно-культурныхъ пріобрѣтеній. Какъ, напримѣръ, возникло приручение животныхъ? Мы всѣ, европейцы, считаемъ, что человѣку "естественно" потреблять молоко и шерсть животныхъ. Молоко есть "естественная" пища человѣка, для каковой цѣли онъ и приручилъ животныхъ. На самомъ дѣлѣ это обстоитъ далеко не такъ. Есть обширныя области, гдѣ самобытнаго потребленія молока даже не существуетъ. Между тѣмъ потребление молока есть основной двигатель приручения животныхъ: мясо животнаго можно было бы получить просто убивъ животное, не приручая его, (конечно, такъ было нѣкогда; теперь мясо есть продуктъ производства, то есть, систематическаго взращиванія,

культуры скота); молоко же нельзя было никакъ иначе получить, какъ воспитавъ, привязавъ, "одомашнивъ" животное. Совершенно правильно, поэтому, указываютъ этнографы, что какъ потребитель мяса, человѣкъ долженъ былъ быть врагомъ животныхъ, долженъ былъ убивать ихъ; какъ потребитель молока, шерсти и другихъ продуктовъ, онъ становился воспитателемъ, другомъ, превращался въ покровителя животныхъ. Такъ этнографъ P.R.Bos сокращенно формулируетъ проблему: "Охотникъ - врагъ животныхъ, которыхъ онъ ловитъ, убиваетъ и съѣдаетъ. Скотоводъ долженъ быть другомъ животныхъ, которыхъ онъ охраняетъ и о которыхъ заботится. Охотникъ и скотоводъ являютъ крайніе типы отношеній къ животнымъ и потому не столь просто представить переходъ отъ охотника къ пастуху" *). На какой же почвѣ произошелъ этотъ процессъ перехода? Новѣйшія изслѣдованія открываютъ широкія перспективы. Современные этнографы указываютъ, что весь процессъ этого развитія нельзя замкнуть въ сравнительно узкую сферу одной лишь экономической области. Теперь приходятъ къ заключенію, что потребленіе молока - какъ и иныхъ культурныхъ продуктовъ животноводства - есть конечный пунктъ долгаго и сложнаго процесса. Извѣстный изслѣдователь Ed.Hahn справедливо замѣчаетъ: "Мнѣ кажется невозможнымъ предполагать у дикаря-охотника терпѣніе и хозяйственную устойчивость, необходимыя для выжиданія въ теченіе поколѣній продуктовъ животноводства разводимыхъ имъ стадъ; кромѣ шкуръ и мяса, обезпечиваемыхъ ему и охотой, пастухъ пользовался молокомъ и шерстью своихъ стадъ, но послѣднія не существовали еще съ самаго начала; ни коза, "молочность" которой вообще гораздо больше, ни овца не давали молока человѣку въ тѣ древнія времена, когда онѣ только вошли въ кругъ воспитываемыхъ человѣкомъ животныхъ; вначалѣ молока едва хватало для дѣтенышей" **). Такимъ образомъ, молоко есть продуктъ воспитанія, потребленіе его не могло поэтому имѣть значенія причины приручения и вос-

---

*) P.R.Bos - Jagd, Viehzucht und Ackerbau als Kulturstufen, in "Internationales Archiv für Ethnographie", 1879, S.189.

**) Ed. Hahn - Die Haustiere. *Ср. также* die Entstehung der Pflukultur.

питанія домашнихъ животныхъ. Видно, что процессъ приручения молочныхъ животныхъ возникъ на почвѣ не-экономической. Исходные пункты этого процесса восходятъ скорѣе къ религіозно-обрядовымъ началамъ: онъ связанъ съ культомъ, въ которомъ существенную роль, впослѣдствіи позабытую, намъ и вовсе не переданную, игралъ рогатый скотъ. Главный творецъ этой гипотезы утверждаетъ, что культъ рогатаго скота находился въ какихъ-то соотношеніяхъ съ культомъ луны. Культъ привелъ къ приручению рогатаго скота и лишь постепенно развилось использованіе его, какъ 1) молочнаго животнаго, поставщика высококачественныхъ продуктовъ питанія, 2) скота рабочаго или упряжного для земледѣльческихъ работъ и перевозокъ. Начальное приручение произошло въ цѣляхъ культа религіознаго и молоко до его утилитарнаго использованія было идоложертвенной жидкостью, исполнявшей, вѣроятно, функціи, впослѣдствіи перешедшія къ вину. Засимъ и приручение рогатаго скота въ качествѣ упряжного, рабочаго скота имѣло исходной точкой не упряжку при земледѣльческихъ операціяхъ, а упряжку въ повозки и экипажи, имѣвшихъ значение, какъ инструментъ культа, обрядовое или церемоніальное значение. Постепенно люди забывали первоначальные мотивы и - какъ нерѣдко наблюдается въ исторіи человѣческихъ мотивовъ - подставили иные мотивы на мѣсто первыхъ.

Точно такъ же и проблема земледѣлія, если разсматривать ее въ связи съ историческимъ развитіемъ потребленія, сопровождается громадными трудностями. Обычно говорятъ "нужда всему учитъ", но это указаніе не можетъ имѣть рѣшающаго значенія: нужда временная является сильнымъ стимуломъ, рѣшительно подгоняющимъ, движущимъ мотивомъ, но нужда - какъ явленіе хроническое, - "вѣчная нужда" скорѣе притупляетъ человѣка, погашаетъ "душу живу", убиваетъ всякое стремление къ совершенству. Возможно временная нужда была тѣмъ первымъ импульсомъ, на основѣ котораго началось дальнѣйшее движение и развитіе, возможно, что нужда привела къ ряду техническихъ изобрѣтеній.

Сущность проблемы земледѣлія въ томъ, что, кажущаяся очень простой и примитивной,- и этой кажущейся простотой и примитивностью сбивающая многихъ изслѣдователей съ правильнаго пути и приводящая ихъ къ неправильнымъ, несоотвѣтствующимъ исторической реальности, конструкціямъ - дѣятельность культурной

обработки земли есть явленіе значительно высокой духовной культуры, явленіе, историческое выясненіе происхожденія котораго вызываетъ серьезныя затрудненія.

Земледѣліе, какъ объективная дѣятельность, предполагаетъ существованіе знакомства съ питательными качествами хлѣбныхъ растеній, примѣненіе животныхъ и орудій земледѣльческой обработки. Субъективно, какъ опредѣленное психическое состояніе, необходимо и безусловно сопровождающее трудъ этого рода, работа земледѣльца предполагаетъ едва-ли меньшія трудности: лишь чрезвычайныя обстоятельства могли принудить бродячаго кочевника - будь то охотникъ, будь то скотоводъ-номадъ - отказаться отъ обычнаго строя жизни и психики и привязать его къ ограниченной - относительно - земельной площади. Насколько здѣсь существуютъ жестокія психическія ощущенія видно изъ разсказовъ этнографовъ о современныхъ кочевникахъ, вынужденныхъ по какимъ-либо условіямъ прочно осѣсть, оставить кочевки. Они считаютъ это величайшимъ мученіемъ, наказаніемъ Господнимъ и ни съ чѣмъ не сравнимой тягостью. Какія же обстоятельства и причины могли вызвать и укрѣпить земледѣліе - какъ видъ постояннаго занятія?

Когда мы говоримъ о земледѣліи на этихъ зачинающихся, еле брезжущихъ стадіяхъ осѣдло-земледѣльческой культуры, слѣдуетъ помнить, что воздѣлываемые продукты - это корнеплоды, а система воздѣлыванія - самая несовершенная, самая примитивная - это раскапываніе и разрыхленіе земли мотыкой, такъ называемая мотычная культура. Но какъ, почему перешелъ первобытный человѣкъ отъ собиранія дико-растущихъ, само собой выросшихъ корнеплодовъ, къ мотычной культурѣ, то есть, совершилъ тотъ значительный шагъ впередъ, когда корнеплоды сажаются въ землю въ надеждѣ на будущіе всходы, когда, до нѣкоторой степени, ввѣряютъ свои продукты, теперь, уже реально и въ потребляемомъ видѣ существующіе, неопредѣленному и весьма коварно-гадательному будущему? Пытаются выйти изъ этого затрудненія, какъ разъ, указаніемъ на нужду. Но при нуждѣ тѣмъ менѣе основаній рисковать тѣми малыми крохами, которыя, такъ или иначе, уже имѣются, рисковать, помѣщая ихъ въ землю. Не отрицая значенія, до нѣкоторой и даже, можетъ быть большой степени, момента нужды, какъ временнаго стимулянта, движеніе и успѣхъ земледѣльческой куль-

туры одной нуждой не объяснить. Нѣкогда Мальтусъ справедливо замѣтилъ по вопросу о нуждѣ, какъ о рычагѣ земледѣлія: " Если бы одна нужда была достаточнымъ импульсомъ перехода къ пашанью, то мнѣ непонятно, какъ еще могли бы остаться отдѣльныя охотничьи и рыболовныя племена въ Америкѣ, но вѣдь ясно, что кромѣ этой толкающей роли нужды необходима была еще цѣпь особенно благопріятныхъ обстоятельствъ, чтобы охотникъ превратился въ земледѣльца".*)

Еще болѣе рѣшительно и глубже по существу высказывается Waitz о невозможности сведенія всего прогресса земледѣльческой культуры исключительно къ фатальному дѣйствію нужды и недостатка. "Неплодородная земля - говоритъ онъ - представляетъ еще гораздо больше препятствій для этого прогресса потому, что какъ ни эффективна нужда, какъ мѣра воспитательная для человѣка, все же она не является таковой при всѣхъ обстоятельствахъ. Существуетъ немало некультурныхъ народовъ, которые, испытывая ежегодно голодъ и находясь въ обладаніи полезныхъ растеній, не занимаются обработкой земель.)Конечно нужда побуждаетъ и подталкиваетъ ихъ къ оживленной духовной дѣятельности, но это импульсъ моментальный, прекращающійся немедленно съ устраненіемъ нужды. Если однако нужда не устранена, или если нужда устраняется не посредствомъ самостоятельной дѣятельности, а благодаря счастливой случайности, нужда вообще становится безплоднымъ средствомъ человѣческаго развитія и только приводитъ либо - въ одномъ случаѣ - благодаря напрасному исчерпанію силъ къ совершенной спячкѣ тупого отчаянія, либо - - въ другомъ случаѣ - къ легкомысленной беззаботности въ отношеніи къ будущему."**)

Такимъ образомъ обработка земли - какъ хозяйственная дѣятельность предполагаетъ такое множество затраченныхъ усилій и сопряжена съ такими духовными трудностями и испытаніями, что эту дѣятельность нельзя разсматривать какъ варіантъ игры силъ, какъ разновидность эстетическаго творчества.

Если ни - инстинктивное или осознанное - стремленіе къ самосохраненію, ни эстетическое стремленіе къ дѣятельности ради

---

*) R.Malthus - Versuch über die Bedingungen und die Folgen der Volksvermehung. Teil I, S. 57.

**) Th.Waitz - Anthropologie. T. 2, S. 498.

самой дѣятельности не могутъ давать достаточнаго, исчерпывающаго объясненія процесса развитія потребностей, то мы должны для пониманія этого хозяйственнаго процесса вспомнить, что въ соціальномъ строѣ и въ человѣческой психологіи, на которой зиждется соціальный строй, можетъ быть заложенъ иной рычагъ развитія потребностей.

Вѣдь несомнѣнно, что рядомъ со стремленіемъ къ подражанію ("la societe c'est l'imitation", на каковомъ мотивѣ Тардъ пытался построить всю соціологію), къ уравненію, къ нивеллировкѣ, къ общенію, къ отождествленію, въ людяхъ заложено стремленіе къ отдѣленію, къ отдаленію, превосходству, превознесенію, то о чемъ Ницше съ такой силой говорилъ на своемъ языкѣ философіи-поэзіи, какъ "о п а ѳ о с ѣ р а з с т о я н і я". Извѣстно чисто психо-физіологическое опредѣленіе человѣка, какъ "разностнаго существа", то есть, какъ существа познающаго все черезъ разность въ опытѣ, черезъ непрекращающееся сравненіе, противопоставленіе себя всему прочему внѣшнему міру. Это индивидуалистическое стремленіе къ выдѣленію имѣетъ, однако, огромное с о ц і а л ь н о е значеніе. На это указывалъ еще Лотце: "Не удовлетворяются простымъ сосуществованіемъ съ нѣкимъ "другимъ", стремятся наблюдать его въ его отношеніяхъ къ третьему и себя самого познать въ наблюденіи своихъ отношеній къ нему черезъ отношенія къ третьему; стремятся къ тому, наконецъ, чтобы самостоятельное личное воздѣйствіе наблюдалось и признавалось въ его взаимномъ отношеніи къ одушевленной средѣ и наслаждаться совершенно непознаннымъ почти равносильно отсутствію наслажденія. Эта потребность насквозь проникаетъ всю нашу жизнь; и даже скромнѣйшая любовь въ конечномъ счетѣ стремится обнаружить свое счастье; другъ желаетъ имѣть возможность и передъ чужимъ взоромъ гордиться своимъ другомъ; хвала, расточаемая намъ человѣкомъ, удовлетворяетъ насъ не въ такой мѣрѣ, какъ сознаніе возможности обнаружить увѣнчанность славы передъ всякимъ человѣкомъ; всякое стремленіе художника ищетъ признанія, а всякая отказывающаяся, удаляющаяся отъ внѣшняго міра научная мысль, въ себя самое погруженная, считается въ тиши съ невидимымъ міромъ и учитываетъ его пониманіе"*)

*) Lotze - Mikrokosmus Bd. 2. 4. Aufl. S. 437.

Такъ индивидуалистическое стремленіе къ выдѣленію превращается въ соціальное стремленіе. Съ другой стороны и чисто соціальное коллективистическое стремленіе къ "стадности", къ подражанію есть тоже не только стремленіе къ подчиненію. И оно можетъ служить цѣлямъ выдѣленія людей. Поскольку имѣется дифференціація соціальнаго цѣлаго, многоступенчатая лѣствичная соціальная структура, стремленіе къ подражанію есть одновременно и стремленіе къ подъему на высшую ступень, есть, такимъ образомъ, и стремленіе къ выдѣленію. Правильно отмѣтилъ это Спенсеръ, говоря: "Подражаніе можетъ возникать изъ двухъ взаимно исключающихъ одно другое двигательныхъ побужденій. Оно можетъ быть поощряемо почтеніемъ къ тому, кому подражаютъ, либо стремленіемъ возможно опредѣленнѣй подчеркнуть свою съ нимъ однозначность, равенство". *) При объясненіи этихъ мотивовъ нельзя ограничиться хозяйственно-утилитарными или экономически-раціональными соображеніями, которыя не только не покрываютъ адэкватно этихъ стремленій, но послѣднія нерѣдко даже противорѣчатъ имъ.

Такъ у извѣстныхъ народовъ на опредѣленномъ культурномъ уровнѣ, экономически-цѣлесообразныя бережливость и скупость считаются несовмѣстимыми съ линіей поведенія господствующихъ слоевъ. Господствуетъ тотъ, кто широко, не считая и не соображая, щедро одаряетъ и разбрасываетъ направо и налѣво. Съ другой стороны, суть дѣла въ томъ, что б е з к о р ы с т н о е въ указанномъ смыслѣ стремленіе къ выдѣленію, къ соціальному превосходству или могуществу можетъ получить важное экономическое значеніе и исторически получаетъ таковое. Стремленіе къ выдѣленію должно признать основой утонченія и умноженія потребностей. Въ подтвержденіе этого положенія можно сослаться на массу этнографическаго матеріала, касающагося, какъ первобытныхъ народовъ, такъ и достигшихъ вершинъ культурнаго развитія, современныхъ намъ народовъ. Этнографы единогласно констатируютъ странное соотношеніе предметовъ необходимости и роскоши у первобытныхъ народовъ, что даетъ даже основаніе нѣкоторымъ изъ нихъ (напр. Ратцелю) приходить къ заключенію о легкомысліи и беззаботности нашихъ древнихъ предковъ. Дикари

---

*) Herbert Spenser - Principen der Sociologie B. III.

предпочитаютъ украшеніе, отличающее, отмѣчающее ихъ отъ ихъ подобныхъ, одежду, необходимой часто по условіямъ географіи мѣста. Насколько сильна эта страсть къ выдѣленію, къ отличію видно, хотя бы, изъ тѣхъ мукъ, которыя первобытныя люди испытываютъ при цѣломъ рядѣ, ведущихъ къ цѣли отличія, операцій татуированія и раскрашиванія. То, что европейцы въ торговлѣ съ первобытными народами, преимущественно сбывали безполезныя бездѣлушки, а не полезные продукты, объясняется, конечно, не безчестными мотивами купцовъ - какъ поверхностно представляли себѣ многіе, - а совершенно правильно понятными мотивами потребленія покупающихъ первобытныхъ людей, предпочитающихъ отказаться отъ предметовъ полезныхъ и необходимыхъ во имя благъ, которыя удовлетворяютъ ихъ настоятельнымъ потребностямъ выдѣленія, отличія, дифференціаціи.

Но тѣ же мотивы дѣйствовали и въ недалекомъ прошломъ, у людей близкихъ намъ культуръ, и даже въ современномъ человѣчествѣ. Извѣстны явленія изъ жизни французскихъ эмигрантовъ эпохи Великой французской Революціи, когда высшее дворянство, люди, привыкшіе къ роскоши и пышности, поддерживали "достойный ихъ сословія образъ жизни", хотя они были поставлены въ такія условія, когда затрачиваемыя ими на внѣшнія отличія въ одеждѣ, въ подаркахъ, подачкахъ, суммы вызывали въ нихъ же самихъ зависть: они принуждены были отказываться отъ необходимыхъ предметовъ, нерѣдко отъ приличнаго обѣда.

Если изслѣдовать это стремленіе къ особности, индивидуалистическое стремленіе къ выдѣленію, на отдѣльныхъ конкретныхъ предметахъ потребленія, роль и значеніе его будутъ еще болѣе подчеркнуты. Такъ въ отношеніи одежды, всѣ изслѣдователи согласны въ томъ, что люди начальныхъ періодовъ исторіи пользовались одеждой только какъ средствомъ, инструментомъ знач[illegible]. Совершенно ясно, съ этой точки зрѣнія, что лишь вожди, лишь [illegible] подствующіе въ тѣхъ или иныхъ областяхъ жизни, лишь "знатные", въ самомъ общемъ и широкомъ смыслѣ слова, одѣвались, то есть, одна одежда служила украшеніемъ, служила способомъ отличія. Лишь постепенно, въ длительномъ и трудномъ процессѣ, познавались [illegible] ективно-полезныя свойства одежды, какъ средства согрѣванія, и тогда лишь одежда могла широко распространиться. Но если, отъ этихъ, по дальности разстоянія во времени, едва различаемыхъ

людей древности, обратимся къ современности, та же психологическая картина представится почти съ тѣми же деталями. И сейчасъ существуетъ дифференціація человѣчества по одеждѣ и "по платью не только встрѣчаютъ", а опредѣляютъ и мѣсто человѣка въ общественной іерархіи, и положеніе его въ соціальномъ цѣломъ.

Во всѣ времена и у всѣхъ народовъ шелкъ являлся предметомъ роскоши. Тѣмъ не менѣе уже за 4000 лѣтъ до Р.Х. китайцы знали и употребляли этотъ продуктъ. Конечно, насколько этотъ продуктъ демократизировался въ потребленіи видно изъ сравненія лицъ его потреблявшихъ тогда и въ наше время. Потребителями шелка были въ тѣ времена исключительно китайскія королевы, изъ которыхъ одна даже оставила по себѣ память, какъ исключительная покровительница этого продукта. Прошло много тысячелѣтій; шелкъ и теперь продуктъ роскоши (относительной, "массовой роскоши") и если потребляется, то именно, какъ таковой, а не какъ предметъ полезнаго потребленія. Психологія потребленія этого продукта, по существу, не измѣнилась: дѣйствуютъ все тѣ же мотивы, мотивы эстетическіе, стремленіе къ выдѣленію.

То же въ общихъ чертахъ слѣдуетъ признать и относительно потребленія хлопчатой бумаги. Продуктъ этотъ былъ извѣстенъ давно въ Индіи, какъ предметъ потребленія знатныхъ слоевъ, какъ средство внѣшняго отграниченія, отличія высшихъ, господствующихъ элементовъ. Эволюція продѣлала съ потребленіемъ хлопчатой бумаги то же, что и съ потребленіемъ одежды вообще: превратила его изъ ограниченнаго предмета роскоши въ продуктъ массоваго, повседневнаго потребленія. Основой этого явились, конечно, познанныя полезныя качества продукта.

Можно съ достаточнымъ правомъ сказать, что развитіе современнаго сложнаго явленія, моды, что чрезвычайное развитіе общей конфекціонной промышленности со всѣми ея разнообразными и многочисленными варіантами, имѣютъ въ основѣ своей то же стремленіе къ соціальной дифференціаціи, къ общественному отличію, выдѣленію, особности.

Тому же принципу подлежатъ и средства питанія. Мы уже указали, что молоко входитъ въ кругъ извѣстныхъ человѣку продуктовъ прежде всего, какъ идоложертвенная жидкость. Между этимъ первымъ его появленіемъ и той стадіей въ развитіи потребленія

этого продукта, когда оно становится предметомъ массоваго повседневнаго потребленія лежитъ громадный періодъ времени. Первыми потребителями молока явились лица особо знатныя, первыя въ рангѣ могущественныхъ, ближе всѣхъ къ Божеству стоящія: жрецы, брахманы. Изъ этого узкаго, тѣсно ограниченнаго круга молоко постепенно распространяется во все большіе круги, тѣмъ большіе, чѣмъ дальше отъ перваго они отстоятъ по степени знатности, важности, вѣса въ общей жизни народа. Цѣлый рядъ фактовъ свидѣтельствуетъ въ пользу того, что большинство теперь всенародныхъ продуктовъ питанія, не исключая и хлѣбныхъ продуктовъ, первоначально выступаютъ въ роли предметовъ роскоши съ функціей преимущественно, войдя въ кругъ потребленія знатныхъ, выдѣлить и подчеркнуть значеніе этого слоя. Изслѣдователь древняго Египта G.Klemm устанавливаетъ, что "питаніе древнихъ египтянъ было различно, соотвѣтственно различію сословій, на которыя они подраздѣлялись. Болотныя растенія, какъ и у древнихъ мексиканцевъ, были преимущественно средствомъ питанія бѣднѣйшихъ классовъ, которые кромѣ того питались еще чеснокомъ, лукомъ, тыквенными плодами, дынями и огурцами, а также Durrah (особый злакъ) и финиками. Конечно, общераспространенной пищей была еще и рыба.

Напротивъ предметы потребленія высшихъ слоевъ не только были богаче и питательнѣй, но и искуснѣе и вкуснѣе приготовлены. Любимое блюдо, мясо рогатаго скота и гусей, преимущественно предназначались жрецамъ. Хлѣбъ знатныхъ выпекался изъ пшеницы"*).

Интересно, что и зерновые хлѣба служили не предметомъ широкаго питанія, а скорѣе удовлетворяли потребностямъ роскоши и честолюбія, употребляясь, какъ матеріалъ, изъ котораго приготовлялись напитки богатыхъ.

Совершенно такъ же обстоитъ и съ обработкой металловъ и примѣненіемъ оружія, полезныя качества которыхъ были признаны и нашли потому широкое общее примѣненіе лишь послѣ длительнаго періода, въ теченіе котораго они удовлетворяли инымъ потребностямъ: служили внѣшнимъ средствомъ отличія и господства отдѣльныхъ лицъ и группъ надъ всѣми остальными.

---

*)Klemm - Allgemeine Kulturgesch. der Menschheit B.III. S.231_232.

Итакъ, нужно думать, что для возникновенія потребностей этотъ мотивъ еще дѣйствительнѣй, чѣмъ для дальнѣйшаго ихъ развитія. Тѣмъ не менѣе было бы ошибочно думать, что исключительно на одномъ этомъ аристократическомъ моментѣ можно построить всю исторію возникновенія и развитія потребностей: не малое значеніе должно отвести и второму, живущему въ душѣ человѣка, противоположному мотиву: принципу подражанія, принципу особо демократическаго характера. Только комбинація, взаимодѣйствіе обоихъ этихъ принциповъ создаетъ возможную основу развитія потребностей. На основѣ аристократическаго стремленія къ выдѣленію возникаютъ потребности у отдѣльныхъ лицъ, на основѣ же органически-демократическаго принципа подражанія онѣ распространяются, захватывая все большій кругъ лицъ. Этотъ моментъ комбинаціи, взаимодѣйствія ясно обнаруживается въ исторіи потребленія табака въ Россіи. Исторія потребленія табака въ Россіи движется между двумя крайними пунктами, каждый изъ которыхъ удачно умѣщается въ соотвѣтствующую формулу: вначалѣ, это было "проклятое зелье", теперь курятъ даже въ самыхъ глухихъ, "медвѣжьихъ" углахъ Россіи. Первоначально это былъ привозный продуктъ, противъ потребленія котораго возмущалось консервативное сознаніе, противъ котораго съ особой силой, какъ вообще противъ всего иностраннаго, "заморскаго", возставало религіозное сознаніе. Съ другой стороны, потомъ, впослѣдствіи, когда это "заморское проклятое зелье" вошло въ употребленіе, укрѣпилось, когда нижніе слои, куря табакъ, чувствуютъ себя ближе, въ чемъ-то сравнившимися со слоями высшими ( и этотъ моментъ важенъ до чрезвычайности! ), господствуетъ другая крайняя формула, выражающаяся въ очень распространенной просьбѣ газетъ "на цигарку". Тоже и съ одеждой: въ Россіи, напримѣръ, а особенно на Западѣ мы видимъ дѣйствіе обоихъ началъ, иногда координированное, иногда вступающее въ конфликтъ: существуетъ огромная нивеллировка людей въ одеждѣ, на ряду съ чѣмъ существуетъ, однако, понятіе "рабочій костюмъ". На Западѣ, въ Гамбургѣ въ частности, это нашло даже нѣкоторое внѣшнее выраженіе: на Гамбургскую биржу пускаютъ всѣхъ, кромѣ лицъ въ костюмѣ рабочихъ. Здѣсь и моментъ этой всеохватывающей нивеллировки въ одеждѣ и пережитокъ рѣзкой дифференціаціи, выдѣленія по одеждѣ.

но и комбинація обоихъ факторовъ, какъ и дѣйствіе каждаго въ отдѣльности для исчерпывающаго познанія возникновенія и роста потребностей оказываются недостаточными. Здѣсь играли роль другіе факторы, тоже соціальные, но совсѣмъ иного, особаго порядка. Надо всегда помнить, что соціологія и исторія хозяйственнаго быта должны исходить отъ представленія о множественности разнородныхъ соціальныхъ группъ, вступающихъ въ періодическія соприкосновенія. Процессы соприкосновенія этихъ разнородныхъ соціальныхъ группъ имѣютъ огромное значеніе для общественнаго развитія въ особенности. Война и торговля суть двѣ главныя формы этого соприкосновенія. Оставляя детальную характеристику этихъ явленій, какъ предметъ нашего дальнѣйшаго разсмотрѣнія, укажемъ теперь же, что война играла несравнимо большее культурное значеніе въ древности, нежели теперь.

Теперь Вамъ видно, какъ сложенъ и примитивными схемами не разрѣшимъ процессъ возникновенія и исторія развитія потребностей.

Какъ я уже говорилъ, соприкосновеніе разнородныхъ общественныхъ группъ проявляется въ формахъ войны и торговли. О торговлѣ придется подробно говорить, когда коснемся вопроса объ обмѣнѣ. Теперь же, прежде всего, необходимо отмѣтить чрезвычайно важное вліяніе войны въ вопросахъ экономическаго развитія, подчеркнуть значеніе ея, какъ стимулятора потребленія, какъ источникъ возникновенія новыхъ потребностей, какъ факторъ ознакомленія съ новыми предметами потребленія.

Человѣкъ - животное воинственное и жестокое, у него слабо развито сознаніе вида и соотвѣтствующая ему видовая симпатія: въ узкихъ предѣлахъ первоначальныхъ соціальныхъ группъ человѣкъ всегда боролся съ человѣкомъ. На борьбѣ съ другими соціальными группами возникала и упрочнялась симпатія внутри данной своей группы; на основѣ враждебнаго соприкосновенія съ другими группами создавалась общественная солидарность: росли и крѣпли сплоченность и альтруизмъ среди своихъ - зерна будущаго патріотизма - ; выкозывалась дисциплина. Это то, что можно назвать діалектикой моральнаго развитія, вытекающей изъ дуализма этическаго сознанія*). Такимъ образомъ, война - школа

*) *Ср.* Steunmetz. - Philosophie des Krieges.
*Его же.* - Der Krieg, als sozialogische Erscheinung.
*Вэджгомъ.* - *Естествознаніе и политика.*

общественнаго моральнаго воспитанія, она же одновременно - р ы ч а г ъ р о с т а п о т р е б л е н і й : она знакомитъ съ новыми благами, значитъ является источникомъ самаго возникновенія новыхъ потребностей, и прокладываетъ пути нормальнаго удовлетворенія этихъ вновь возникшихъ потребностей, пути и способы полученія новыхъ благъ, ибо за войной слѣдуетъ нормальное соприкосновеніе, мирное сожительство. Въ прошломъ это культурно-экономическое значеніе войны было несравнимо больше, чѣмъ значеніе современныхъ войнъ. Вопросъ "о вѣчномъ мирѣ", какъ проблема, затрагивающая большое множество, не подлежащихъ ни учету, ни констатированію, трудныхъ явленій, процессовъ и комбинацій, лежитъ внѣ компетенціи науки. Но несомнѣнно культурное значеніе войны теперь уменьшилось до крайности и, пожалуй, война теперь есть даже отрицательное, разрушительное явленіе.

Война развиваетъ явленія, впослѣдствіи пріобрѣтающія громадное экономическое значеніе: пути сообщенія прокладываются вооруженной рукой, война рождаетъ рабство*), имѣющее величайшее вліяніе на послѣдующую экономическую эволюцію. Появляется эксплоатація человѣка человѣкомъ: часть труда можетъ быть свалена на чужія плечи. Извѣстная часть человѣчества получаетъ большій досугъ и можетъ для удовлетворенія своихъ возрастающихъ потребностей обращаться къ чужому труду. Этотъ важный факторъ - эксплоатація чужого труда - служитъ намъ переходомъ отъ потребностей и потребленія къ производству, къ труду.

## *ПРОБЛЕМА ТРУДА И РАЗДѢЛЕНІЯ ТРУДА.*

Трудъ - какъ категорія естественная - есть такая же совокупность физіологическихъ процессовъ, какъ и всѣ вообще жизненные процессы живого организма. Извѣстный русскій физіологъ И.М.Сѣченовъ въ интересномъ трактатѣ о трудѣ съ точки зрѣнія анатоміи и физіологіи, говоритъ: "Во всякой машинѣ, устроенной руками человѣка, всегда можно различать части, составляющія

---

*) *Конечно, война не есть единственный источникъ рабства.*

собственно рабочій механизмъ, и придатки, которыми управляется ходъ машины. Такъ, въ вѣтряной мельницѣ рабочій механизмъ состоитъ изъ крыльевъ съ передаточными звеньями отъ нихъ къ стояку съ жерновами, а регуляторомъ служатъ тѣ придатки, при посредствѣ которыхъ мельникъ пускаетъ машину въ ходъ или останавливаетъ ее, умѣряетъ или ускоряетъ ея работу. Такъ и въ животномъ тѣлѣ система мышцъ, прикрѣпленныхъ къ подвижнымъ частямъ костнаго скелета, составляетъ тотъ механизмъ, при посредствѣ котораго человѣкъ и животныя производятъ внѣшнія механическія работы; а регуляторами служатъ нервные придатки, которыми двигательная машина пускается въ ходъ или останавливается, ускоряется или умѣряется въ ея дѣйствіи" *). Такимъ образомъ, съ естественной точки зрѣнія трудъ есть трата, есть расходъ вещества и энергіи, а "организмъ человѣка, насколько онъ представляетъ собой аппаратъ для производства механической работы, говоритъ Бухъ, можно сравнить съ термодинамическими машинами на томъ основаніи, что и тутъ и тамъ работа является результатомъ превращенія теплоты въ механическое движеніе"**). Разсуждая совершенно абстрактно-натуралистически, трудъ есть только трата или расходъ, потребленіе - только пріобрѣтеніе или доходъ. Трудъ разрушаетъ вещество, потребленіе его создаетъ или возсоздаетъ. Экономически соотношэніе труда и потребленія совершенно обратное: съ хозяйственной точки зрѣнія трудъ создаетъ цѣнности, потребленіе же ихъ разрушаетъ, уничтожаетъ. Потребленіе и работа суть для человѣка физіологически и экономически - полярныя категоріи. И психологически эти явленія глубоко различны: трудъ есть функція активно-творческая, потребленіе - пассивная и разрушительная.

На первыхъ ступеняхъ человѣческой культуры потребленіе доминируетъ надъ трудомъ, человѣкъ больше потребляетъ, чѣмъ творитъ, ибо человѣкъ на первыхъ шагахъ своего существованія косенъ и пассивенъ. Отсюда не слѣдуетъ, однако, заключать, что

---

*) *И. М. Сѣченовъ. - Очеркъ рабочихъ движеній человѣка. М. 1906. Стр. 1 и далѣе.*

**) *Левъ Бухъ. - Интенсивность труда, стоимость, цѣнность и цѣна товаровъ. СПБ. 1896. Стр. 23. Ср.* D-r Fernand Langrage. - Physiologie des exercices du corps.

первобытный человѣкъ совсѣмъ не трудится, ничего не создаетъ, что онъ только потребляетъ и потребляетъ только то, что привыкъ потреблять. По существу таково утвержденіе Бюхера тамъ, гдѣ онъ ставитъ вопросъ о трудѣ, какъ проблему историческую: " о томъ, какимъ образомъ изъ индивидуальнаго исканія пищи развилось хозяйство, мы не можемъ въ настоящее время составить себѣ никакого понятія. Довольно естественно было бы предположить, что этотъ переворотъ начинается тогда, когда на мѣсто простого присвоенія даровъ природы для немедленнаго потребленія ихъ, становится производство, направленное на болѣе отдаленную цѣль, и мѣсто инстинктивной дѣятельности органовъ занимаетъ трудъ, какъ примѣненіе физической силы съ сознательной цѣлью. Но установивъ такое чисто теоретическое положеніе, мы выиграли бы еще не много. Т р у д ъ , какимъ онъ является у первобытныхъ народовъ, представляетъ изъ себя явленіе довольно туманное. Чѣмъ ближе мы подходимъ къ тому пункту, отъ котораго начинается его развитіе, тѣмъ болѣе онъ приближается и по формѣ и по содержанію къ игрѣ"*).

Но стоящіе на низкомъ уровнѣ культурнаго развитія, сдѣлавшіеся въ глазахъ европейцевъ мѣриломъ некультурности, бушмены уже ведутъ систематическую охоту, упражняютъ ее, какъ занятіе, какъ промыселъ, какъ хозяйство, и при этомъ въ извѣстномъ смыслѣ трудятся и даже весьма упорно. Они выполняютъ и функціи самого охотника и функціи его собаки, то есть затрачиваютъ въ охотѣ большую массу трудовыхъ усилій. Бюхеръ не отрицаетъ факта затраты большихъ усилій первобытнымъ человѣкомъ, но указываетъ на необходимость поставить вопросъ о границахъ между работой и другими родами дѣятельности на различныхъ ступеняхъ человѣческаго развитія, вопросъ о томъ, развивается ли въ процессѣ исторіи самое существо труда или работы. Онъ находитъ, что работа не есть качественно неподвижная, одинаковая во всѣ времена, категорія, лишь количественно, интенсивностью отличающаяся въ разные пункты исторіи. Обычно, задумываясь надъ вопросами исторіи труда, изслѣдователи единодушно исходили изъ представленій о томъ, что для первобытнаго всякій трудъ, всякая дѣятельность - нѣчто крайне непріятное, нѣчто тягостное,

---

*) *К. Бюхеръ. - Четыре очерка. Стр. 92 - 93.*

что "прирожденная лѣность" первобытныхъ, черта существенно характеризующая психику дикаря, что "paresse et sauvagerie sont synonymes" - что лѣность и дикость - синонимы.

Вюхеръ считаетъ, "что на самомъ дѣлѣ, это - ни что иное, какъ признаваемыя всѣми выдумка, fable convenue, которая, согласно объясненію болѣе внимательныхъ наблюдателей жизни первобытныхъ народовъ, является совершенно немотивированнымъ примѣненіемъ къ ней соціально-этическихъ представленій нашего культурнаго міра" *). Онъ доказываетъ, что въ дѣйствительности, наоборотъ, первобытные люди выполняютъ достаточное количество работы, но только характеръ работы, какъ и самые импульсы и мотивы совершенно иные, чѣмъ у культурныхъ людей. Работа эта совершается для удовлетворенія потребностей, а не для прибытка, результатомъ ея является не только пріобрѣтеніе, но и наслажденіе. Съ технической стороны Вюхеръ указываетъ на три характерныя особенности этой работы: 1) несовершенство техническихъ вспомогательныхъ средствъ, 2) сложность процессовъ работы и 3) художественный характеръ продуктовъ.

"Медленность, съ которой дикари подвигаютъ свою работу, такъ велика, что одинъ наблюдатель сравнилъ движеніе ихъ производствъ съ ростомъ растеній. Это также приписывали ихъ лѣности, не соображая, какъ неблагопріятны условія, при которыхъ производится ихъ работа. Вездѣ приходится работать плохо или даже всего невооруженной рукой, что требуетъ въ высшей степени того свойства, котораго болѣе всего не достаетъ дикому человѣку, именно: терпѣнія.

Странное противорѣчіе этимъ наблюденіямъ предоставляетъ непреложный фактъ, что дикіе народы исполняютъ чрезвычайно много, по нашимъ понятіямъ, совершенно ненужной работы. Едва ли мы окажемъ лишнее, утверждая, что ни одна жизненная потребность не вызываетъ у нихъ такой массы утомительнаго труда, какъ потребность украшенія: прическа волосъ, раскрашиваніе тѣла, татуировка, изготовленіе безчисленнаго множества мелочей, которыми они убираютъ члены своего тѣла. Ту же склонность къ затѣйливымъ украшеніямъ проявляютъ они при изготовленіи почти всѣхъ предметовъ обычнаго потребленія. Орнаменты орудій первобытныхъ народовъ удивительно богаты содержаніемъ, хотя въ

---

*) *Вюхеръ. - Работа и ритмъ. СПБ. 1899. Стр. 3.*

то же время необыкновенно трудны, что, однако, не мѣшаетъ имъ находить самое обширное примѣненіе.

Загадочность этого явленія объясняется довольно просто. Такъ же, какъ украшеніе тѣла для первобытнаго человѣка служитъ единственнымъ средствомъ, которымъ онъ выдѣляется изъ массы подобныхъ себѣ, вырисовывается въ прямомъ смыслѣ этого слова, каждое издѣліе его руки становится принадлежностью его личности. Такъ какъ обыкновенно каждый предназначаетъ свой продуктъ для собственнаго употребленія, то удовольствіе и честь обладанія имъ сообщается душѣ работающаго и тѣмъ болѣе ободряетъ его переносить всю тягость труда, чѣмъ ближе онъ подходитъ къ концу. Этотъ продуктъ и самъ носитъ явно выраженную печать индивидуальности, смотря по свойству, происхожденію и познанію; какъ воплощеніе индивидуальной работы и какъ приспособленіе для жизни, предметъ этотъ становится принадлежностью лица, создавшаго его. У нѣкоторыхъ народовъ погребается съ покойникомъ все его движимое имущество; собиратели предметовъ для этнографическихъ музеевъ вначалѣ повсюду наталкиваются на непреодолимое нежеланіе отчуждать предметы ежедневнаго употребленія - нежеланіе, проявляющееся даже по отношенію къ такимъ вещамъ, которыя легко воспроизводятся безъ большой затраты труда.

Въ этой постоянной общности производителя и продукта заключается, безъ сомнѣнія, моментъ, способствующій развитію культуры и облегчающій тяжесть труда. То, что испытываетъ теперь живописецъ, скульпторъ, поэтъ, ученый, благодаря произведенію, приносящему имъ славу, первоначально доставлялось каждымъ удачнымъ произведеніемъ человѣческой руки. Радость творчества, которую культурный человѣкъ настоящимъ образомъ испытываетъ теперь лишь при духовной работѣ, первобытнаго человѣка вдушевляла постоянно, когда онъ принимался за производство утвари или предметовъ украшенія, орудій и оружія"*).

Отсюда Бюхеръ приходитъ къ интересному и смѣлому обобщенію: что въ основѣ самаго грубаго труда первобытнаго человѣка и самой утонченной духовной дѣятельности современной интеллигенціи лежитъ психологически-единая радость творчества. Совре-

---

*) *Бюхеръ. Тамъ же, стр. 8 - 9.*

менный трудъ въ своихъ механически-исполнительныхъ проявленіяхъ лишенъ правда характера творчества, но даже при самой повседневной работѣ всетаки можно уловить остатки извѣстнаго творческаго начала. Выясняя трудности, съ которыми сопряжена для первобытнаго человѣка методическая, основанная на терпѣбіи, работа, Бюхеръ обобщилъ свои наблюденія въ интересномъ изслѣдованіи о соотношеніи труда и ритма. "Физическая работа сводится вообще къ произведенію простыхъ мускульныхъ движеній*). Непрерывное употребленіе одного и того же мускула вызываетъ утомленіе, тѣмъ большее, чѣмъ продолжительнѣй напрягается мускулъ и чѣмъ неравнѣе приложеніе силы, которое требуется отдѣльными движеніями.

Для успѣха каждой работы необходимо предположеніе, что работающій въ каждомъ частномъ случаѣ правильно опредѣляетъ необходимое мышечное движеніе и достаточно оцѣниваетъ требуемое приложеніе силы. Чѣмъ болѣе осуществляются эти условія, тѣмъ болѣе проникаютъ другъ друга физическій и психическій элементы работы, тѣмъ успѣшнѣе она подвигается впередъ"**).

Такимъ образомъ Бюхеръ устанавливаетъ ритмъ, какъ характерный моментъ самаго труда и указываетъ значеніе ритмическаго характера труда въ дѣлѣ воспитанія человѣка въ работѣ. Этимъ проливается свѣтъ на связь труда съ другими сферами человѣческой активности, далеко отстоящими отъ хозяйственной дѣятельности. Здѣсь же обнаруживается, что хозяйство органически связано съ такими процессами, которые позволяютъ думать, что нѣкогда трудъ и хозяйство были какъ-бы погружены въ остальную человѣческую дѣятельность и были отъ нея неразличимы. "Въ этомъ соединительномъ пунктѣ мы видѣли трудъ еще не выдѣленнымъ изъ искусства и игры. Существуетъ лишь одинъ родъ человѣческой дѣятельности, соединяющей въ себѣ работу, игру и искусство. Въ этомъ первоначальномъ единствѣ духовно-тѣлесной дѣятельности человѣка мы распознаемъ уже зачатки позднѣйшей

---

*) *Ср.* Gossen. - Entwicklung der Gesetze des menschlichen Verkehrs. S 35 f.

**) *Бюхеръ. - Тамъ же. Стр. 12 - 13.*

---

хозяйственно-технической работы и всѣхъ искусствъ, какъ подвижныхъ, такъ и неподвижныхъ. Примѣняя наши понятія къ этому состоянію, мы должны были бы сказать: подвижныя искусства-музыка, пляска, поэзія - выступаютъ при самомъ выполненіи работы, а неподвижныя искусства - ваяніе, живопись - воплощаются въ результатахъ труда, хотя сперва лишь въ видѣ орнаментики".

"Связью, соединяющею элементы, кажущіеся столь различными нашему чувству, служитъ ритмъ - упорядоченное расчлененіе движеній въ ихъ прохожденіи во времени. Ритмъ исходитъ изъ органическаго существа человѣка. Повидимому, въ качествѣ регулирующаго элемента наиболѣе бережливаго израсходованія силъ, онъ управляетъ всѣми естественными процессами животнаго тѣла. Бѣгущая рысью лошадь и навьюченный верблюдъ движутся такъ же ритмически, какъ гребущій лодочникъ и куюдій кузнецъ. Ритмъ возбуждаетъ пріятное чувство; поэтому онъ служитъ не только для облегченія работы но и однимъ изъ источниковъ эстетическаго удовольствія и тѣмъ элементомъ искусства, чувство котораго врождено всѣмъ людямъ, на какой бы ступени образованности они ни находились. Въ ритмѣ какъ бы сказался въ самомъ простомъ видѣ въ юную пору человѣческаго рода экономическій принципъ, который (по Шеффле) повелѣваетъ намъ стремиться къ возможно большей полнотѣ жизни и жизненныхъ наслажденій съ возможно меньшимъ пожертвованіемъ жизненной силы и жизнерадостности" *).

Бюхеръ прослѣживаетъ фактическое соотношеніе между трудомъ и поэзіей, и музыкой на основѣ конкретнаго историческаго матеріала и указываетъ, какъ ритмичность труда, связанная съ плясками и пѣснями, пріучала человѣка къ постоянному и однообразному труду. "Конечно, нельзя обобщать подобныя единичныя наблюденія; но, съ другой стороны, мы имѣемъ еще менѣе основаній вторить современной политической экономіи, которая видитъ въ каждой однообразной работѣ "убивающій духъ" и особенно "изнурительный" трудъ. Именно, однообразіе работы бываетъ благодѣтельнымъ для человѣка, насколько онъ самъ опредѣляетъ темпъ своихъ тѣлодвиженій и можетъ прекращать ихъ по желанію. Лишь такое однообразіе устанавливаетъ ритмически-автоматическій строй работы, дающій самъ по себѣ удовлетвореніе, такъ

---

*) Бюхеръ. - Тамъ же. Стр. 37 - 38.

какъ оставляетъ духъ свободнымъ и предоставляетъ просторъ воображенію. И ритмическая работа является сама по себѣ не бездушной, а въ высшей степени воодушевленной; необходимыя для этого психическія дѣйствія относятся, правда, къ самому началу процесса, но дальнѣйшія повторенія ихъ дѣйствуютъ, какъ масло на ходъ машины. Изнурительными становятся только такія однообразныя работы, которыя не могутъ принять ритмическаго характера и требуютъ, при каждой новой операціи, новаго, хотя и однороднаго, дѣйствія нашего вниманія и воображенія, какъ, напримѣръ, при сложеніи рядовъ чиселъ, переписыванія фразъ и т.п."*).

Наибольшее значеніе ритмическій характеръ труда долженъ былъ пріобрѣсти въ работахъ рабовъ. "Рабы лѣнятся, если нѣтъ надзора надъ ними; они должны быть заняты группами, такъ какъ иначе и надзоръ за ними обходился бы слишкомъ дорого. Исполненіе работы въ тактъ, гдѣ только оно было возможно, было здѣсь тѣмъ болѣе умѣстно, что при этомъ никто не могъ отставать. У древнихъ при массовыхъ работахъ во многихъ случаяхъ тактъ давался флейтой; когда мы слышимъ, что въ домѣ богатаго Гримальхія всѣ работы исполнялись рабами подъ пѣніе, такъ что можно было бы принять ихъ за хоръ мимистовъ то въ этомъ несомнѣнно заключается громадное преувеличеніе; но все-таки безъ фактическаго основанія не могло бы быть и подобнаго преувеличенія. О рабочихъ пѣсняхъ сельскихъ рабовъ мы не знаемъ ничего достовѣрнаго; ихъ такъ же могло не быть, какъ и у негровъ американскихъ колоній. Но древніе находили естественнымъ пѣть при каждой тяжелой работѣ, происходившей на открытомъ воздухѣ.

Мы должны, такимъ образомъ, видѣть въ рабочемъ ритмѣ и пѣніи важное вспомогательное орудіе для возникновенія и перваго развитія работы, въ современномъ народно- хозяйственномъ смыслѣ, и можемъ признать за ними извѣстное значеніе для первыхъ опытовъ объединяющей организаціи работы". **).

Отсюда проливается свѣтъ и на такія явленія, какъ поэзія, музыка и пѣніе. Бюхеръ приходитъ къ такому рѣшенію вопроса объ ихъ соотношеніи"... что работа, музыка и поэзія на перво-

---

*) *Бюхеръ. - Тамъ же. Стр. 93.*

**) *Бюхеръ. - Тамъ же. Стр. 97 - 98.*

начальной ступени ихъ развитія должны были быть слиты въ одно цѣлое, но что основной элементъ этой тройственности составляла работа, тогда какъ два другіе имѣли только дополнительное значеніе. Общій связующій признакъ ихъ - ритмъ, который и въ древней музыкѣ, и въ древней поэзіи является существеннымъ, а въ работѣ выступаетъ только въ опредѣленныхъ условіяхъ, несомнѣнно широко распространенныхъ въ первобытныхъ хозяйствахъ"*). Не имѣя возможности останавливаться на томъ, какъ Бюхеръ въ детальномъ анализѣ прослѣживаетъ эту мысль, я долженъ сказать, что какъ ни смѣла по замыслу эта конструкція, авторъ ея стоитъ на правильномъ пути, вскрывая психологическія основы того процесса, въ которомъ создался трудъ какъ самостоятельное явленіе, создалося путемъ дифференціаціи болѣе широкаго, но родственнаго ему психическаго процесса. Отъ этого явленія-труда, какъ психологическаго явленія - естественно перейти къ идеѣ раздѣленія труда.

## *ИСТОРИЧЕСКАЯ ПРОБЛЕМА РАЗДѢЛЕНІЯ ТРУДА.*

Трудъ, какъ экономическая категорія, сразу же рождаетъ мысль о воздѣйствіи людей въ трудѣ. Въ этихъ размышленіяхъ возникаетъ и идея раздѣленія труда. Нужно ясно представить себѣ, что раздѣленіе труда имѣетъ три аспекта въ зависимости отъ трехъ "единствъ" или "цѣлыхъ", "раздѣленіе" которыхъ мы мыслимъ. Необходимо ясно спрашивать всегда, что дѣлится или внутри чего происходитъ дѣленіе? Во-первыхъ мы имѣемъ внутри-хозяйственное раздѣленіе труда, то есть, раздѣленіе труда происходитъ внутри того субъективно-волевого единства экономической дѣятельности, которое мы назвали хозяйствомъ; во-вторыхъ мы имѣемъ внутри-общественное раздѣленіе труда: раздѣленіе труда происходитъ внутри всего общества, то есть, внутри

*) Бюхеръ. - Тамъ же. Стр. 67 - 68.

системы рядомъ стоящихъ или взаимодѣйствующихъ хозяйствъ. Говоря о раздѣленіи труда, наконецъ, мы можемъ имѣть въ виду въ качествѣ того, что "дѣлится" не отдѣльное хозяйство или систему хозяйствъ, а извѣстнаго рода цѣлесообразно направленный экономическій процессъ, въ одно и тоже время составляющій часть всей жизни даннаго хозяйства или даже общества и представляющій нѣкоторое единство. Процессъ такой бываетъ часто пріуроченъ къ опредѣленному мѣсту, прикрѣпленъ къ извѣстной обстановкѣ. Это то, что я предлагаю называть "производственнымъ цѣлымъ". Фабрика, мастерская, наконецъ отдѣльная часть производственнаго процесса, поскольку она мыслится, какъ нѣкоторое единство, даетъ намъ раздѣленіе труда внутри производственнаго цѣлаго.

Вниманіе экономистовъ обычно привлекалъ послѣдній аспектъ раздѣленія труда, который занималъ экономическую мысль, еще начиная съ А.Смита, при чемъ этотъ случай раздѣленія труда нерѣдко смѣшивали съ совершенно самостоятельными явленіями внутри-хозяйственнаго и внутри-общественнаго раздѣленія труда (I-ый и II-ой члены нашей классификаціи).

Если мы обратимся къ исторіи раздѣленія труда внутри хозяйства, то, поскольку можно на первобытныхъ ступеняхъ констатировать единое хозяйство, въ смыслѣ домохозяйства, раздѣленіе труда на первыхъ шагахъ совпадаетъ съ первымъ и основнымъ дѣленіемъ общества, возникающимъ на основѣ раздѣленія между полами. Какъ бы ни смягчать отношеніе между полами, необходимо признать здѣсь далеко идущія отношенія господства и подчиненія: мужчина - господинъ, женщина - рабъ. Въ настоящее время нельзя поддерживать идеи о безпорядочномъ половомъ общеніи, какъ первобытномъ строѣ отношеній между мужчиной и женщиной. Эта точка зрѣнія въ настоящее время оставлена, говоритъ Гроссе. Обособленная семья существуетъ вездѣ у всѣхъ первобытныхъ народовъ; и вездѣ она существуетъ въ одной и той же формѣ; ея составные элементы - мужъ, жена и дѣти - вездѣ находятся приблизительно въ одномъ отношеніи другъ къ другу. Громадное большинство низшихъ охотниковъ живетъ въ моногаміи - почти всѣхъ; однако отличаясь отъ многоженства не изъ какихъ-

-либо религіозныхъ или нравственныхъ побужденій, но исключительно по необходимости...."Австралійскій мужъ, говоритъ Curr, есть неограниченный собственникъ своей жены или своихъ женъ"*). Его право владѣнія явствуетъ уже изъ самаго способа заключенія брака. "Австраліецъ, почти какъ правило, пріобрѣтаетъ свою жену или въ видѣ наслѣдія отъ женатаго брата, или въ обмѣнъ за своихъ сестеръ, или, въ позднѣйшемъ періодѣ жизни, за своихъ дочерей"**). Предметомъ владѣнія, правомѣрно пріобрѣтаемымъ такимъ образомъ, само собой разумѣется, можно распоряжаться какъ угодно, подобно всякому другому предмету. Жена - "не родственница, а собственность мужа". Этотъ послѣдній можетъ обращаться съ ней, какъ ему вздумается. Онъ можетъ обмѣнять ее на другую, можетъ прогнать ее или подарить.....Однимъ словомъ, австраліецъ смотритъ на свою жену, какъ на домашнее животное, и обращается со своей подругой не лучше, чѣмъ съ послѣднимъ. У этаѣмы находимъ женъ въ положеніи такого же рабства. "Жена считается немногимъ больше простой вещи, - говоритъ Schadenberg. На ней лежатъ домашнія заботы, пока мужъ охотится" ***). У бушменовъ "жена - вьючное животное", - пишетъ Theophilus Hahn. "При томъ она еще часто должна терпѣть такое обращеніе, которое нерѣдко ведетъ къ смерти". Незавидна также и участь обитательницъ Огненной Земли: жены добываютъ большую часть пищи, но сами получаютъ изъ нея меньше мужей. Низшіе охотники Калифорніи смотрятъ на своихъ женъ съ глубокимъ презрѣніемъ и заставляютъ ихъ исполнять всѣ непріятныя работы; имъ никогда не позволяютъ сидѣть около одного очага или за однимъ обѣдомъ съ ихъ повелителями. Эскимосы,какъ правило, обращаются со своими женами хорошо, такъ какъ они вообще не имѣютъ большой наклонности къ насилію. Но что мужчина, тѣмъ не менѣе, признается господиномъ жены, это слѣдуетъ уже изъ того, что онъ имѣетъ право наказывать свою супругу ударами по физіономіи и при томъ настолько сильно, что у послѣдней остаются слѣды. Точно также по смерти мужа жена не получаетъ

---

*) Curr. - The Australian Race. I, *стр. 109.*

**) *Тамъ же. Стр. 107.*

***) Schadenberg. - Zeitschr. f. Ethn. XII, *стр. 137.*

ничего, а все наслѣдство переходитъ къ старшему сыну"*). Выводы эти нѣсколько смягчаются у другихъ, напримѣръ, Westermark. - Ursprung und Entwicklung der Moralbegriffe. Гл. I - Hörichkeit der Gattinnen.

Рядомъ съ этимъ соціальнымъ раздѣленіемъ стоитъ раздѣленіе труда между полами: женщина добываетъ растительную, мужчина - животную пищу. Это - общее явленіе на первобытныхъ стадіяхъ. У Бюхера это первоначальное раздѣленіе труда по поламъ очень характерно выражено: "Потребность въ пищѣ является наиболѣе настоятельною, а первоначально единственной потребностью, которая побуждаетъ человѣка къ дѣятельности, заставляетъ его безостановочно рыскать до тѣхъ поръ, пока онъ не удовлетворитъ эту потребность. У наиболѣе низко стоящихъ племенъ разсматриваемой нами части земного шара это происходитъ такимъ образомъ, что мужчины, вооруженные лукомъ и стрѣлами, занимаются охотой, женщины же лазаютъ на деревья за плодами, собираютъ ягоды, или, въ поискахъ за корнями, разрываютъ землю заостреннымъ кускомъ дерева. Такимъ образомъ уже при этомъ примитивномъ добываніи пищи устанавливается раздѣленіе труда между полами, которое доходитъ до того, что женщина добываетъ растительную пищу, а мужчина - животную. И такъ какъ добытая пища обыкновенно тутъ же и пожирается, и одинъ индивидъ не считается съ другимъ, пока онъ самъ голоденъ, то получается различіе въ питаніи обоихъ половъ, - различіе, которое, быть можетъ, существеннымъ образомъ повліяло на дифференціацію въ физическомъ ихъ развитіи"**). Раздѣленіе труда по поламъ въ намѣченномъ направленіи идетъ и далѣе такъ, что разграниченныя разъ навсегда сферы приложенія труда и дѣятельности становятся какъ бы вторичными половыми признаками. Изъ первоначальнаго собиранія ягодъ, плодовъ, корней и т.д. развиваются въ дальнѣйшемъ первоначальныя примитивныя формы земледѣлія. Конечно, земледѣліе на этихъ стадіяхъ безконечно далеко отъ того, что мы теперь привыкли понимать подъ этимъ понятіемъ. Первоначальныя формы обработки земли и земледѣлія - это кир -

---

*) *Эрнстъ Гроссе. - Формы семьи и формы хозяйства. Стр. 63-64.*

**) *Бюхеръ. - Возникновеніе народнаго хозяйства. СПБ. 1907. Стр. 40.*

кованіе. "Киркованіе и въ настоящее время представляетъ одну изъ наиболѣе распространенныхъ системъ сельскаго хозяйства. Мы находимъ ее во всей центральной Африкѣ (отъ 18°с.ш. до 22° ю.ш.), въ Южной и Средней Америкѣ, на Австралійскихъ острова-хъ, въ значительной части Индо-Китая и Индійскаго архипелага. Первоначально оно, повидимому, производилось женщинами и какъ таковое оно представляетъ существенный факторъ въ развитіи культуры. Женщина, съ древнѣйшихъ временъ занимавшаяся разрываніемъ корней, отсюда, очевидно, и перешла къ обработкѣ земли. Вотъ почему главнымъ предметомъ ея посѣвовъ являются мучнистые клубни и корни. На этомъ пути она пріобрѣла техническій опытъ, котораго не было у мужчинъ; вскорѣ ея трудомъ стали удовлетворяться важнѣйшія жизненныя потребности, и такимъ образомъ создалось основаніе для прочной семейной организаціи, въ которой мужчинѣ предоставлены были функціи защиты и добываніе мясной пищи. И лишь тамъ, гдѣ мало охотничьей пищи, мужчина также принимаетъ участіе въ обработкѣ земли, какъ напримѣръ у малайцевъ"*). Такимъ образомъ, "каждому не только отведена опредѣленная область въ сферѣ добыванія пищи, но каждый полъ кромѣ того производитъ всѣ состоящія въ связи съ этимъ техническія работы: женщина производитъ все, что связано съ растительнымъ міромъ, мужчина выдѣлываетъ оружіе, орудія для охоты, рыболовства и скотоводства, производитъ предметы изъ костей и шкуръ животныхъ и строитъ лодки. ...Но въ общемъ раздѣленіе областей труда проведено довольно строго, мало того, это раздѣленіе между полами простирается даже на потребленіе"*). Въ зависимости отъ огромной роли женщины въ развитіи земледѣлія, какъ наслѣдіе этой роли, является ея роль въ устроеніи потребленія, въ домоводствѣ, въ домохозяйствѣ. Женщинѣ исторически принадлежитъ огромная культурная заслуга; это культурное значеніе женщины, эта безусловная и неизбѣжная связь земледѣлія - трудовой дѣятельности, давшей самый прочный базисъ дальнѣйшему культурному шествію и по существу связанной съ осѣдлостью - съ трудомъ женщины не можетъ быть отрицаема даже самыми убѣжденными противниками женскаго равноправія и серьезными недоброжелателями феминизма вообще,

---

*) *Вюхеръ. - Тамъ же. Стр. 44, 50.*

поскольку они объективно признаютъ факты историческаго прошлаго, поскольку они не желаютъ отказаться отъ исторіи, какъ таковой.

Скотоводство у всѣхъ пастушескихъ народовъ есть занятіе мужчинъ. "Мужчины ( у готтентотовъ ), кромѣ охоты заботятся только объ уходѣ и пользованіи своими стадами; женщины собираютъ дикіе коренья и луковицы, приготовляютъ пищу, строятъ шалаши и, кромѣ того, должны нести на себѣ всѣ трудныя и непріятныя домашнія работы. Тотъ же самый принципъ съ незначительными отклоненіями господствуетъ во всей области номадской культуры. Кафрскія племена считаютъ скотоводство, какъ и каждое занятіе, связанное съ нимъ, не столько обязанностью, сколько правомъ мужского пола, которое недоступно презираемымъ женщинамъ. Женщинѣ подъ страхомъ тяжкаго наказанія запрещено даже входить въ краль для скота. Напротивъ, приготовленіе и воздѣлываніе полевыхъ плодовъ, которое недостойно мужчины, цѣликомъ предоставлено слабому полу. Въ странѣ Бечуана только съ введеніемъ плуга, приводившагося въ движеніе рогатымъ скотомъ, мужчины стали принимать участіе въ земледѣліи и, именно, только потому, что женщины не могутъ прикасаться къ скоту. Галла и сомаль точно также не считаютъ воздѣлываніе растеній ни пріятнымъ, ни почтеннымъ занятіемъ. Именно, у галла, только бѣдный или обѣднѣвшій обрабатываетъ поле, прочіе предоставляютъ эту работу рабамъ. У сомаль и женатые мужчины помогаютъ въ работѣ, но только въ немногихъ случаяхъ, Настоящее призваніе мужчины - скотоводство, между тѣмъ какъ женщина предназначена для домашнихъ работъ. Напротивъ, номадизированные арабы въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ взвалили и непріятнѣйшія обязанности скотоводства на плечи женщинъ. У синайскихъ арабовъ и арабовъ египетскаго шейха есть обычай, по которому дѣвушки выгоняютъ скотъ на пастбище. Мальчикъ считалъ бы себя обиженнымъ, если бы ему кто-нибудь сказалъ: "иди и гони овецъ своего отца на пастбище!" Эти слова значили бы для него: "ты не лучше дѣвочки!" Тѣмъ не менѣе, и арабы, въ общемъ, смотрятъ на скотоводство, какъ на исключительное призваніе мужчины. У всѣхъ пастушескихъ народовъ Центральной Азіи женщина должна исполнять всѣ работы внутри палатки. Гдѣ подъ давленіемъ нужды, а не по собственному желанію, занимаются не-

много земледѣліемъ, тамъ взваливаютъ это презираемое занятіе на женщинъ. Мужчина оставилъ себѣ заботу о своихъ стадахъ и охоту. Только киргизы посылаютъ иногда своихъ женъ и дочерей, въ видѣ наказанія стеречь овецъ"*). Но и у скотоводовъ женщина находится въ полномъ рабствѣ. "Поэтому весьма понятно, что большинство скотоводовъ отчасти по необходимости, отчасти добровольно довольствуются одной женой. Впрочемъ, и, такъ называемую, полигамію во многихъ случаяхъ можно съ нѣкоторымъ правомъ считать моногаміей. Именно, очень часто только одна изъ женъ считается настоящей законной супругой, между тѣмъ какъ другія занимаютъ не столько положеніе супруги, какъ наложницы. Такъ у монголовъ только дѣти первой законной жены считаются законными и имѣющими право на наслѣдство. У среднеазіатскихъ тюркскихъ народовъ вторая, третья и четвертая жены представляютъ, въ сущности, ни что иное, какъ рабынь, которыя "безъ позволенія никогда не смѣютъ показываться въ палатку домовладыки". ...Если старшая жена пользуется нѣкоторыми преимуществами передъ побочными женами, то изъ этого ни въ коемъ случаѣ не слѣдуетъ заключать, что она занимаетъ болѣе самостоятельное положеніе къ нему ( къ мужу ). Въ моногаміи, такъ же какъ и въ полигаміи, въ качествѣ ли старшей или въ качествѣ побочной жены, всегда женщина является рабыней мужа, который заплатилъ за нее. И здѣсь также плата за невѣсту представляетъ тѣ оковы, которыя обращаютъ жену въ рабыню своего мужа. И здѣсь также форма хозяйства, скотоводство, и выростающая изъ него алчность къ скоту является причиной того, что отецъ не отказывается требовать плату за невѣсту. Человѣкъ, достоинство котораго измѣряется его стадами, всѣ чувства и стремленія котораго направлены на увеличеніе его любимаго имущества, видитъ въ своихъ дочеряхъ только средство для умноженія своего стада. ...Вообще, нигдѣ женщина не угнетена сильнѣе и суровѣе, чѣмъ у номадовъ, такъ какъ никакая другая хозяйственная форма не даетъ мужчинѣ такого громаднаго перевѣса.... Номадъ смотритъ на женщину съ нескрываемымъ презрѣніемъ. "Если у якута родится мальчикъ, онъ устраиваетъ пиръ, появленіе же на свѣтъ дѣвочки не является поводомъ къ ликованію". Арабъ, несомнѣнно,

---

*) *Гроссе. - Тамъ же. Ст. 128 - 130.*

радовался бы также и рожденію дочери, но только потому, что она даетъ ему надежду на хорошій доходъ отъ продажи, когда она будетъ невѣстой; но, "если вы не можете найти для своей дочери равнаго по происхожденію жениха, - говоритъ Cais ibn Lohair, - то могила для нея лучшее замужество". У кафровъ расположеніе, нѣжность, супружеская любовь чрезвычайно рѣдкія явленія; "жены короля должны двигаться въ домѣ своего супруга не иначе, какъ на колѣнахъ". Существуютъ и такіе народы, у которыхъ даже сынъ считаетъ своей обязанностью относиться съ презрѣніемъ къ своей матери. "Внѣшняя холодность и презрѣніе, съ которымъ сынъ встрѣчаетъ свою мать вызываетъ омерзеніе и отвращеніе", говоритъ Vambery въ своемъ описаніи средне-азіатскихъ тюркскихъ народовъ. Какимъ бы страннымъ такое положеніе ни показалось, оно вполнѣ объясняется, какъ указано, особенностями номадскаго хозяйства"*). Нельзя достаточно рѣзко не подчеркнуть, что здѣсь трудъ огромный факторъ культуры, получающій впослѣдствіи такое значеніе, находится въ рукахъ женщины, соціальное положеніе которой не находится ни въ какомъ соотвѣтствіи съ упражняемыми ею хозяйственными функціями. Это одинъ изъ многихъ примѣровъ рѣзкаго расхожденія соціальной и экономической фукцій. Общество имѣетъ такую схему: господа =, =, мужчины || подчиненные (рабы) =, женщины. Черта соціальнаго раздѣленія соотвѣтствуетъ чертѣ раздѣленія между полами. Огромный переворотъ происходитъ тогда, когда эта черта соціальнаго раздѣленія получаетъ самостоятельное значеніе и движеніе, когда она эманципируется отъ линіи полового раздѣленія, становясь подъ прямымъ угломъ къ чертѣ раздѣленія половъ. Этотъ переворотъ стоитъ въ исторической связи съ развитіемъ осѣдлаго земледѣлія на основѣ рабства. Когда рядомъ съ рабомъ - женщиной появляется, какъ нѣчто постоянное и характерное, рабъ-мужчина, происходитъ огромный сдвигъ въ экономической эволюціи. Но возникаетъ вопросъ: можно ли объединять однимъ понятіемъ и подчиненное положеніе женщины и рабство въ обычномъ смыслѣ? Есть ли подчиненіе женщины рабство? Этотъ вопросъ занималъ и занимаетъ науку и соприкасается съ проблемой собственности и даже проблемой денегъ. Такимъ образомъ проблема

---

*) *Grosse. - Тамъ же. Стр. 152 - 155. Ср. и далѣе.*

первоначальнаго раздѣленія труда между полами приводитъ насъ къ проблемѣ рабства. Это и неудивительно. Авторъ одного изъ самыхъ обстоятельныхъ изслѣдованій о рабствѣ, голландецъ Нибуръ, указываетъ, что главной функціей рабства является ни что иное какъ раздѣленіе труда - раздѣленіе труда, понимаемое не только въ качественномъ смыслѣ когда одинъ человѣкъ дѣлаетъ одинъ родъ работы, а другой - другой, но и въ количественномъ, когда потребности одного человѣка удовлетворяются не только собственнымъ трудомъ, но и трудомъ другого лица. "Обществомъ безъ всякаго раздѣленія труда было бы такое общество, въ которомъ каждый работалъ бы ради собственныхъ нуждъ и никто не работалъ бы для другого; во всякомъ другомъ обществѣ уже существуетъ раздѣленіе труда въ настоящемъ широкомъ смыслѣ этого слова. Такое раздѣленіе труда можетъ быть осуществляемо двумя способами. "Есть два пути - говоритъ Пухта, - посредствомъ которыхъ мы можемъ воспользоваться нужной намъ силой другихъ людей. Одинъ путь - путь свободнаго соглашенія, не нарушающій свободы лица, служащаго намъ, такъ какъ заключается контрактъ, посредствомъ котораго мы вымѣниваемъ силу или знаніе кого-либо или ихъ продукты въ обмѣнъ на какую-нибудь уступку съ нашей стороны: жалованіе, покупка товаровъ. Другой путь состоитъ въ подчиненіи такого лица, дающемъ намъ право располагать его силой въ нашу пользу, но въ то же время унижающемъ личность подчиненнаго. Это подчиненіе можно представить ограниченнымъ только опредѣленными задачами, напримѣръ, обработкой земли, какъ у земледѣльческихъ рабовъ; результатомъ этого будетъ то, что подчиненіе, въ силу самой своей опредѣленности и ограниченности, не вполнѣ уничтожаетъ свободу подчиненнаго. Но подчиненіе можетъ быть также и неограниченнымъ, когда подчиненный во всей своей внѣшней жизни трактуется, какъ простое орудіе цѣлей господина; личность подчиненнаго въ этомъ случаѣ всецѣло поглащается. Такимъ учрежденіемъ и является рабство"*). Ссылаясь на это разсужденіе Пухты, Нибуръ характеризуетъ рабство такъ. Функціей рабства является система принудительнаго труда, а само рабство представляетъ полное

---

*) G.Puchta.- Cursus der Institutionen. Neunte Auflage. 1881. II Band. S 82 - 83

(юридическое П.С.) поглощеніе всей личности вынужденнаго работника. Такъ какъ это поглощеніе вполнѣ выражается словомъ "собственность" , или "владѣніе", то мы можемъ опредѣлить раба, какъ *человѣка, составляющаго собственность или владѣніе другого и обязаннаго работать для послѣдняго*"*).

## *РАБСТВО.*

Что же получается, если разсматривать съ этой точки зрѣнія подчиненность ("приниженное положеніе") женщинъ у первобытныхъ народовъ? Остановимся нѣсколько подробнѣй на положеніи женщины, жены. Прежде всего мужъ пріобрѣтаетъ жену, не спрашивая ея согласія. Очень распространенъ обычай пріобрѣтать женъ, просватывая ихъ въ дѣтствѣ, задолго до наступленія зрѣлости; въ большинствѣ случаевъ дѣвочки сейчасъ же послѣ рожденія обручаются мужчинамъ всякаго возраста. До брака онѣ составляютъ собственность отца или брата; сдѣлавшись взрослыми, онѣ должны слѣдовать за назначенными имъ мужьями, все равно хотятъ ли онѣ этого, или нѣтъ. Въ Западной Австраліи, у туземцевъ пролива Короля Георга дѣвушку часто обручаютъ мужчинѣ за нѣсколько лѣтъ до рожденія. Во-вторыхъ, жена вполнѣ находится во власти мужа и терпитъ соотвѣтственное обращеніе. Мужъ обращается съ женой, какъ съ вещью; третируетъ ее, какъ животное: въ Центральной Австраліи мужчины ѣдятъ отдѣльно и бросаютъ женщинамъ, чего не могутъ сами съѣсть; въ Новомъ Южномъ Уэльсѣ, когда мужъ идетъ, жена слѣдуетъ за нимъ на почтительномъ разстояніи, когда они садятся за обѣдъ, она держится позади терпѣливо ждетъ, пока мужъ не броситъ ей безъ церемоніи ея долю. Мужъ иногда можетъ бить и даже убить жену: неудачная охота, малѣйшая оплошность, ничтожная ошибка, все слу-

---

*) *Г. І. Нибуръ. - Рабство, какъ система хозяйства. М. 1907. Стр. 16 - 17.*

жить достаточнымъ поводомъ жестокаго избіенія, которому подвергается женщина даже наканунѣ ея разрѣшенія отъ бремени. Въ округѣ рѣки Мура большинство женщинъ умираетъ насильственной смертью, еще не достигнувъ престарѣлаго возраста. Мужья обмѣниваются женами или ссужаютъ ихъ; женщина за нѣсколько лѣтъ перебываетъ у цѣлаго ряда мужей. Доблестнаго вождя, гостя, друга снабжаютъ женами въ знакъ уваженія и дружбы. Отправляясь вдаль, австраліецъ отдаетъ кому-нибудь свою жену на время; то же дѣлаетъ онъ съ женой, которая ему надоѣла, получая въ обмѣнъ другую жену. Кстати сказать, въ этомъ фактѣ одинъ изъ древнѣйшихъ корней и видовъ проституціи, проституціи принудительной. Этотъ видъ проституціи отнюдь не можетъ быть поставленъ на счетъ цивилизаціи, а наоборотъ есть явленіе характерное для якобы "невинныхъ" первобытныхъ нравовъ. Впрочемъ, вообще, мнѣніе, что проституція по существу есть порожденіе новѣйшей цивилизаціи, продуктъ капитализма, это мнѣніе есть просто плодъ невѣжества. Въ-третьихъ, мужъ заставляетъ жену работать на него. Выйдя замужъ въ раннемъ возрастѣ, она не только должна рожать и кормить дѣтей, но и дѣлать всю тяжелую работу въ семьѣ, да и не только въ семьѣ: собираетъ пищу, покрываетъ хижину, заготовляетъ топливо и воду, переноситъ тяжести, дѣлаетъ почти всю работу. Это является одной изъ экономическихъ причинъ многоженства: тамъ гдѣ чужой трудъ можно эксплоатировать только въ формѣ труда женщинъ, многоженство есть не только роскошь, но и извѣстный методъ обогащенія. Такъ, у нѣкоторыхъ дикихъ племенъ полигамія особенно распространена среди стариковъ, которые дорожатъ ею потому, что жены охотятся для нихъ и переносятъ вещи при перемѣнѣ стоянки.

Охарактеризованному рабскому положенію женщины можно противопоставить, однако, рядъ вѣскихъ фактическихъ указаній, смягчающихъ до нельзя мрачную картину. Нибуръ это и дѣлаетъ въ своемъ изслѣдованіи, подробно перечисляя ихъ и детально останавливаясь на каждомъ. 1) До извѣстной степени желанія дѣвушки принимаются во вниманіе, поскольку рѣчь идетъ о выборѣ ей мужа. Дѣвушка нерѣдко убѣгаетъ съ любимымъ человѣкомъ, иногда даже убѣгаетъ отъ нелюбимаго мужа. Конечно, это вызываетъ естественную реакцію у окружающихъ, которая принимаетъ часто даже формы побоевъ нарушителей законовъ и обычаевъ, ког-

да они возвращаются черезъ мѣсяцъ - другой-въ родную деревню. Тѣмъ не менѣе, подобный способъ выраженія своихъ желаній въ бракѣ завоевываетъ извѣстное мѣсто и укрѣпляется даже настолько, что реакція гнѣва - брань и побои общества - теряетъ свой характеръ естественности, превращается просто въ форму: законы и обычаи обязываютъ. 2) Иногда этнографы говорятъ о большой привязанности между мужемъ и женой. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, напримѣръ, въ Западной Викторіи, на рѣкѣ Гербертѣ, въ Новомъ Южномъ Уэльсѣ привязанность эта настолько велика, что этнографы говорятъ о подлинной любви и даже семейномъ счастьѣ, скрытыхъ подъ внѣшне-грубымъ обращеніемъ, несмотря на суровость жизни и жестокій почти непосильный трудъ этихъ племенъ.

3) Мужъ не всегда пользуется безусловной свободой дѣйствій по отношенію къ женѣ. Это проявляется особенно въ отношеніи наказаній жены, которыя обставлены нѣкоторыми условіями и совершаются при посредствѣ старѣйшинъ племени. За прелюбодѣяніе мужъ можетъ развестись съ женой и даже предать ее смерти, но обвиненіе ея совершается публично, въ присутствіи вождей племени мужа и племени жены. Въ послѣднемъ можно видѣть пережитки тѣхъ временъ, когда существовало покровительство замужней женщинѣ со стороны ея родственниковъ. 4) Въ нѣкоторыхъ случаяхъ жена даже налагаетъ ограниченія на мужа, особенно въ половомъ отношеніи. 5) Обмѣнъ женами, какъ и отдача ихъ во временное пользованіе, не всегда происходитъ противъ воли самихъ женъ. Такимъ образомъ можно сказать, что первобытная проституція замужнихъ женщинъ не всегда есть проституція принудительная. Иногда здѣсь наблюдаются даже проявленія высокаго этическаго момента: когда мужъ, зная о любви жены къ другому, дружелюбно передаетъ ее возлюбленному. Обычно же, особенно въ случаяхъ передачи жены бѣлому, мужъ вступаетъ въ сдѣлку, при желаніи жены: въ Центральной Австраліи бракъ не налагаетъ обязанностей цѣломудрія. 6) Левиратъ, то-есть вступленіе въ бракъ съ вдовой брата ея покойнаго мужа, составляетъ не право, а скорѣе обязанность его. Это "убѣжище" для вдовы: обязанность деверя взять подъ свое покровительство вдову и воспитать дѣтей брата. Наконецъ, 7) мужъ долженъ охотиться для содержанія жены и дѣтей и сражаться для ихъ защиты.

Нѣкоторые изслѣдователи въ характеристику жестокой эксплo-

атаціи женщины мужчиной на этой ступени вносятъ дальнѣйшія поправки, смыслъ которыхъ сводится къ тому, что очерченное нами раздѣленіе труда между полами имѣетъ свои объективныя основанія въ условіяхъ существованія первобытнаго и вообще отсталаго человѣка. Горъ дѣлаетъ такое замѣчаніе: "Много говорилось о несправедливомъ раздѣленіи труда при такихъ условіяхъ, но если принять во вниманіе, что дикарь почти ничего не находитъ готовымъ, а долженъ самъ рубить деревья и срѣзать траву для постройки дома, изготовляетъ копья и кухонную посуду, несетъ свою долю племенныхъ обязанностей и часто вынужденъ отправляться, въ поискахъ за пищей, въ долгія и трудныя охотничьи экспедиціи, - тогда будетъ видно, что и онъ часто выполняетъ солидную долю работы" *). Изслѣдователь индѣйцевъ Панамы, Пинаръ говоритъ: "И дѣйствительно, поверхностному наблюдателю можетъ показаться страннымъ видѣть женщину обремененной тяжелой ношей, тогда какъ мужчина идетъ впереди нея и не несетъ ничего, кромѣ оружія. Но стоитъ наблюдателю немного подумать, и онъ пойметъ, что если мужчина несетъ только оружіе, такъ вѣдь на немъ лежитъ отвѣтственность за безопасность жены и дѣтей. Жизнь индѣйца окружена опасностями; при переходѣ черезъ степь или лѣсъ каждую минуту можетъ появиться враждебный индѣецъ, на путешественниковъ могутъ наброситься тигръ или змѣя, и т.д. Слѣдовательно, мужчина долженъ быть наготовѣ, а руки и движенія у него должны быть свободны, чтобы онъ немедленно былъ въ состояніи взяться за оружіе и защищать тѣхъ, кто ему дороги. Сколько разъ я видѣлъ, какъ при переправѣ черезъ рѣку индѣецъ останавливаетъ свою семью, входитъ въ воду и смотритъ, не слишкомъ ли глубока рѣка, не слишкомъ ли быстро теченіе; потомъ изслѣдуетъ противоположный берегъ, чтобы посмотрѣть, все ли тамъ въ порядкѣ, снова переправляется черезъ рѣку, помогаетъ женѣ и дѣтямъ перейти черезъ нее, часто даже несетъ тяжести, а иногда по нѣсколько разъ пересѣкаетъ рѣку вдоль и поперекъ, чтобы перенести на спинѣ жену и дѣтей"**). Обозрѣвъ эти факты, Нибуръ приходитъ въ концѣ кон -

---

*) Hore.- On the twelve tribes of Tannenyika 1883, p.11.

**) Pinart.- Les indiens de l'etat de Panama. Pr. 44-45.

цовъ, къ выводу, что остается только признать, что на самой первобытной ступени жена является собственностью мужа. Но значитъ ли это, что она является его рабыней? Нѣтъ, говоритъ онъ: "Рабство есть органъ соціальнаго тѣла, выполняющій особеннымъ образомъ функцію раздѣленія труда. Какъ предметъ собственности австралійскія жены до извѣстной степени носятъ характеръ такого органа, но все же онѣ отличны отъ него, такъ какъ онѣ не только обязательныя работницы, но и жены. Отсюда слѣдуетъ, что ихъ отношенія къ мужьямъ вполнѣ связаны съ половой и семейной жизнью, и онѣ прежде всего женщины, а потомъ уже работницы"*). Это утвержденіе вѣрно лишь въ томъ отношеніи, что свой специфическій характеръ правовой институтъ рабства получаетъ отъ того хозяйственнаго содержанія, которое съ нимъ сопрягается на извѣстной ступени развитія. Съ этой точки зрѣнія, однако, не всѣ виды рабства могутъ быть поставлены въ одинъ рядъ. Рабство только на извѣстной ступени экономическаго развитія становится тѣмъ рѣзко очерченнымъ институтомъ, "выполняющимъ особенную функцію раздѣленія труда", о которомъ идетъ рѣчь у Нибура. Съ этой точки зрѣнія не только подчиненное положеніе женщины и дѣтей можетъ быть противопоставлено подчиненному или рабскому положенію лицъ чуждыхъ семьѣ, но и въ самомъ рабствѣ слѣдуетъ различать различные виды. И тогда рабство семейное или домашнее можно, въ извѣстномъ смыслѣ, поставить въ одинъ рядъ съ рабствомъ подчиненности жены и дѣтей главѣ семейства.

У рабства, вообще, есть нѣсколько аспектовъ: 1) Рабство означаетъ вещное обладаніе человѣкомъ - "Servi sunt res". 2) Рабство выражается и въ томъ, что рабъ разсматривается, какъ существо, принадлежащее къ низшей породѣ людей; рабство, какъ аспектъ господства, утверждаемаго на почвѣ антропологической идеи, на противоположеніи людей высшей и низшей породы. 3) Рабство есть эксплуатація чужого труда въ формахъ, исключающихъ самоопредѣленіе и автономію эксплуатируемаго, какъ хозяйствующаго субъекта. Только послѣдній аспектъ существенъ

---

*) *Нибуръ. - Тамъ же, стр. 32.*

---

для экономической науки.

Общій экономическій смыслъ рабства заключается въ томъ, что оно есть одна изъ формъ принужденія къ труду. Принужденіе къ труду, въ общемъ, слѣдуетъ считать экономической необходимостью для человѣка. Разница между рабствомъ и свободнымъ трудомъ заключается лишь въ томъ, что, тогда какъ въ системѣ свободнаго труда, принужденіе осуществляется косвеннымъ путемъ, какъ соціальная необходимость, и выступаетъ въ формѣ принудительно-дѣйствующихъ мотивовъ собственной воли, при несвободномъ трудѣ оно осуществляется непосредственно въ формѣ [illegible] одного лица другому, или - что то же - въ формѣ непосредственнаго господства одного лица надъ другимъ. Есть мнѣніе, что при соціалистической организаціи общества будетъ необходимо принужденіе къ труду, осуществляемое даже болѣе непосредственно, чѣмъ въ современномъ хозяйственномъ строѣ. Отсюда - столь часто дѣлаемое съ полемическими цѣлями - указаніе на сходство соціалистическаго строя съ основаннымъ на рабствѣ ("Грядущее рабство" Герберта Спенсера) режимомъ, указаніе, убѣдительность котораго мы, не зная реальныхъ условій осуществленія соціалистическаго строя, не имѣемъ никакой возможности оцѣнить. Какъ бы то ни было, специфическое отличіе рабства или несвободнаго труда отъ другихъ видовъ труда заключается въ формѣ принужденія, которая при рабствѣ является непосредственной.

Непосредственное принужденіе одного лица другимъ къ труду можетъ, въ свою очередь, облекаться въ различныя юридическія формы (рабство въ тѣсномъ смыслѣ и крѣпостное состояніе въ его различныхъ выраженіяхъ), различія которыхъ между собой интересуютъ насъ здѣсь лишь постольку, поскольку они имѣютъ экономическое значеніе.

За формальнымъ характеромъ рабскаго или несвободнаго труда скрывается, однако, еще болѣе существенное экономическое содержаніе. Рабство, какъ экономическій институтъ, всегда направлено на производство "прибавочнаго продукта", наличность котораго давала бы возможность одной части общества всецѣло или отчасти существовать на счетъ физическаго труда другой. Такимъ образомъ эксплуатація рабскаго или несвободнаго труда есть одна изъ формъ созданія и присвоенія прибавочнаго продук-

та. Эта чисто экономическая функція рабства выясняется тогда, когда рабство *домашнее* отдѣляется отъ рабства *производственнаго*. Въ натуральномъ хозяйствѣ эти двѣ функціи рабскаго труда являются большею частью еще нераздѣленными, хотя уже въ болѣе высокихъ формахъ натурально-хозяйственнаго режима ихъ дифференціація начинаетъ рѣзко обозначаться. Само производственное рабство можетъ быть раздѣлено на двѣ крупныя группы: рабство натурально-хозяйственное и рабство капиталистическое. Экономической основой несвободнаго труда является невозможность безъ прямого принужденія: 1) производства прибавочнаго продукта и 2)присвоенія его господствующимъ классомъ. Обыкновенно, поскольку рабство еще не отмираетъ, эти два отрицательныя условія совпадаютъ, другими словами: рабство, поскольку оно крѣпко держится, является не только наиболѣе выгодной для господствующихъ классовъ, но и наиболѣе экономически производительной организаціей труда. Это связано съ экономическими качествами трудящагося человѣка въ извѣстныя эпохи историческаго развитія. Въ непосредственномъ принужденіи къ труду нуждается тотъ, кто безъ такого принужденія будетъ производить ровно столько, сколько нужно для голаго существованія его собственной особы. Такимъ образомъ при очень низкомъ уровнѣ потребностей массы населенія, прямое принужденіе оказываетъ такое же дѣйствіе, какое нѣкоторые старые англійскіе экономисты приписывали низкой заработной платѣ. Прямое принужденіе труда является, поэтому, на сцену тамъ, гдѣ безъ него не только не было бы произведено прибавочнаго продукта, но и производство послѣдняго не могло бы быть вынуждено никакимъ инымъ путемъ. Такія условія всего ярче обозначаются въ той отрасли производства, въ которой трудящійся создаетъ средства существованія и гдѣ поэтому больше всего держится натуральное хозяйство, то есть, въ земледѣліи и въ сельскомъ хозяйствѣ вообще. Отсюда та, красной нитью проходящая черезъ всю экономическую исторію, тѣсная связь, которая существуетъ между натуральнымъ земледѣльческимъ хозяйствомъ и несвободнымъ или рабскимъ трудомъ. Эта связь не исчезаетъ, но, наоборотъ, получаетъ еще большее значеніе, когда по своему назначенію прибавочный продуктъ перестаетъ быть натуральнымъ и вовлекается въ обмѣнъ. Если для капиталистическаго производства

считать существеннымъ признакъ производства прибавочнаго продукта при помощи эксплуатаціи чужого труда, реализуемаго на рынкѣ въ прибавочную цѣнность, то экономическая исторія, несомнѣнно, знаетъ не одинъ крупный примѣръ капиталистическаго рабства, и именно въ земледѣліи. Здѣсь прикрѣпленный къ землѣ и къ хозяйству натурально-оплачиваемый работникъ долгое время представляетъ наиболѣе дешевую силу для крупнаго хозяйства. А послѣднее - не говоря уже о томъ, что оно иногда развивается на почвѣ крупнаго землевладѣнія - обладаетъ при извѣстныхъ условіяхъ существенными экономическими преимуществами передъ мелкимъ; къ нимъ относятся широкое проведеніе кооперації, дисциплинированіе труда надзоромъ, болѣе выгодное положеніе на рынкѣ сбыта. Въ общемъ, основанное на несвободномъ трудѣ или рабствѣ капиталистическое хозяйство опирается не на простое принужденіе, а на опредѣленныя условія производства и сбыта. Такъ мы знаемъ примѣры, когда капиталистическое хозяйство, основанное на несвободномъ трудѣ, а именно капиталистическое производство зерна, основанное на рабскомъ трудѣ и вытѣснившее мелкое крестьянское хозяйство въ Италіи, исчезаетъ, когда коньюнктура измѣняется; расширеніе, ростъ и могущество римскаго государства были, главнымъ образомъ, подорваны внѣшней конкурренціей Африки и Египта. Позже, наоборотъ, капиталистическое скотоводство и капиталоинтенсивныя капиталистическія культуры (масличное производство, винодѣліе) Рима пали жертвой натурально-хозяйственной реакціи, возстановившей мелкое крестьянское арендаторское хозяйство, но уже какъ хозяйство, тяготѣющее къ натуральному хозяйству помѣщичьяго двора и подготовляющее феодальный режимъ среднихъ вѣковъ. Такимъ образомъ между самостоятельнымъ крестьянствомъ перваго періода римской исторіи и крѣпостнымъ строемъ времени упадка стоитъ основанный на рабскомъ трудѣ аграрный капитализмъ.

Беря примѣръ изъ новѣйшей исторіи, а именно колоніальное рабство Новаго Свѣта, слѣдуетъ сказать, что капиталистическое земледѣльческое хозяйство въ американскихъ колоніяхъ объективно требовало, въ эпоху своего возникновенія, примѣненія рабскаго труда. Климатическія условія Южныхъ штатовъ С. Америки не благопріятствовали сельскохозяйственному труду бѣлыхъ; техническія условія производства такихъ продуктовъ, какъ хлопокъ,

сахаръ, рисъ, индиго, требовали такихъ массъ рабочихъ, которыхъ не могъ ни въ коемъ случаѣ дать ручокъ вольнаго труда. Рабство негровъ явилось прямымъ порожденіемъ новѣйшаго капиталистическаго режима: негры ввозились (а потомъ взращивались), какъ рабочая сила для капиталистическаго хозяйства, они составляли важный предметъ капиталистической торговли Англіи и, наконецъ, самое развитіе въ Америкѣ капиталистически - организованнаго земледѣлія было для англійской меркантилистической политики цѣлью, которая сознательно преслѣдовалась въ интересахъ развитія въ метрополіи капитализма.

Другіе примѣры несвободнаго труда, эксплуатируемаго въ интересахъ товарно-капиталистическаго производства, представляетъ исторія крѣпостного хозяйства въ Германіи и въ Россіи. Въ Восточной Германіи феодалъ, становящійся сельско-хозяйственнымъ предпринимателемъ, эксплуатируетъ несвободный крестьянскій трудъ въ интересахъ полученія наибольшаго денежнаго дохода. На этой почвѣ происходитъ и процессъ обезземеленія крестьянъ.

Въ Россіи въ XIX вѣкѣ мы видимъ тотъ же процессъ, не достигающій еще конечнаго пункта - барщина въ земледѣльческой Россіи вытѣсняетъ оброкъ, потому что барщина представляетъ болѣе прибыльную систему извлеченія дохода*).

Этотъ процессъ происходитъ подъ вліяніемъ расширенія внутренняго и внѣшняго для сельскаго хозяйства рынка. До самаго освобожденія крестьянъ вольнонаемный трудъ не занималъ, за исключеніемъ вновь заселяемыхъ мѣстностей, серьезнаго мѣста въ аграрной экономіи Россіи и не могъ серьезно конкурировать съ несвободнымъ, хотя помѣщичье хозяйство несомнѣнно руководилось стремленіемъ къ наивысшему доходу и въ этомъ смыслѣ было характерно товарно-капиталистическимъ хозяйствомъ. Съ другой стороны несвободный трудъ въ русской промышленности къ этому времени (въ промышленности, впрочемъ, несвободный трудъ, вообще, имѣлъ и имѣетъ меньше примѣненія, чѣмъ въ сельскомъ хозяйствѣ) уже совлекъ съ себя принудительныя формы, и этотъ процессъ тоже совершился подъ вліяніемъ расширенія рынка. По-

*) *См. изслѣдованіе П.Б. Струве "Крѣпостное хозяйство".*

слѣднее, такимъ образомъ, оказало на организацію труда въ земледѣліи вліяніе, діаметрально-противоположное вліянію его на организацію труда въ промышленности. Вообще, въ промышленности несвободный трудъ пользовался относительно-широкимъ распространеніемъ лишь въ классической древности, индустріальныя формы и индустріальное развитіе которой, отнюдь, не можетъ быть безъ оговорокъ сравниваемо съ новѣйшимъ. Изъ сказаннаго явствуетъ, что общепринятое положеніе о большей производительности свободнаго труда сравнительно съ рабскимъ и вообще несвободнымъ требуетъ значительныхъ историческихъ оговорокъ. Лишь при извѣстномъ уровнѣ потребностей трудящихся массъ и при извѣстной степени развитія денежнаго хозяйства, свободный трудъ обнаруживаетъ экономическое превосходство надъ рабскимъ или несвободнымъ. Грандіознымъ эмпирическимъ опроверженіемъ шаблоннаго мнѣнія объ экономическомъ превосходствѣ всякаго свободнаго труда надъ несвободнымъ явилась исторія свободнаго труда негровъ въ Вестъ-Индіи и Сѣверной Америкѣ послѣ ихъ эмансипаціи, которая привела почти всюду къ хозяйственному кризису, выразившемуся въ упадкѣ производства и экспорта. Далѣе, до сихъ поръ, далеко не всюду освобожденные негры достигли такого культурнаго уровня, при которомъ свободный трудъ производительнѣй рабскаго. Отсюда ясно, что освобожденіе негровъ произошло вовсе не въ силу внутренняго экономическаго развитія колоніальныхъ странъ, а было имъ навязано извнѣ. Другой совершенно характеръ имѣла ликвидація несвободнаго труда въ земледѣліи Западной Европы и въ русской промышленности, гдѣ онъ дѣйствительно экономически пережилъ себя и отмиралъ, постепенно превращаясь въ свободный. Несвободный трудъ въ русскомъ земледѣліи былъ отмѣненъ въ эпоху своего наивысшаго расцвѣта въ силу государственной необходимости, но одновременно съ этимъ въ экономической жизни Россіи намѣтились съ полной неизбѣжностью такія радикальныя измѣненія въ русской экономикѣ (подъемъ промышленности, проведеніе желѣзныхъ дорогъ), которыя сдѣлали дальнѣйшее существованіе несвободнаго труда невозможнымъ. Такимъ образомъ, упраздненіе несвободнаго земледѣльческаго труда въ Россіи вовсе не было подготовлено внутреннимъ развитіемъ соціальныхъ отношеній въ самомъ земледѣліи. Оно было вынуждено всѣмъ ходомъ народной и государственной жизни въ ея цѣломъ.

Этотъ крайне рѣзкій переходъ русскаго земледѣлія отъ подневольнаго труда къ свободному объясняетъ, почему при новыхъ экономическихъ и юридическихъ условіяхъ пореформенный аграрный строй Россіи носитъ на себѣ столь явственные слѣды крѣпостническихъ отношеній (веденіе помѣщичьяго хозяйства при помощи крестьянскаго инвентаря, аренда за отработки и пр.).

Положеніе несвободнаго рабочаго въ системѣ очень существенно ухудшается по мѣрѣ того, какъ хозяйство, опирающееся на его трудъ, начинаетъ производить на рынокъ. До тѣхъ поръ, пока прибавочный продуктъ служитъ для непосредственнаго потребленія, увеличеніе его имѣетъ смыслъ лишь до извѣстныхъ предѣловъ. При производствѣ на рынокъ является тенденція къ безмѣрному производству прибавочнаго продукта и къ чрезвычайному экстенсивному и интенсивному напряженію рабочей силы. Поэтому степень эксплуатаціи рабскаго труда при товарномъ хозяйствѣ гораздо выше, чѣмъ при натуральномъ. Даже изъ этого небольшого историческаго обзора Вы можете убѣдиться, какъ сложна эволюція экономическаго явленія рабства, какъ оно исходитъ изъ полового рабства и кульминируетъ въ колоніальномъ рабствѣ, ликвидированномъ лишь второй половиной XIX вѣка.

Я подчеркнулъ специфическую историческую связь земледѣлія съ рабствомъ. Эта связь обнаруживается не только при взглядѣ историческомъ впередъ, не только въ формахъ относительно довольно высокой культуры (въ Россіи и особенно въ Соединенныхъ Штатахъ, гдѣ демократическій строй на основѣ народнаго суверенитета уживался съ рабствомъ), эта связь обнаруживается и при ретроспективномъ взглядѣ вглубь историческаго прошлаго. Конечно, въ настоящее время нельзя уже поддерживать схему: охотничій, пастушескій, земледѣльческій бытъ, какъ схему послѣдовательной смѣны способовъ существованія человѣчества. Но тѣмъ не менѣе, развитое земледѣліе есть, понятно, нѣчто позднѣйшее сравнительно съ охотничьимъ бытомъ. Между тѣмъ охотничьи племена почти совсѣмъ не знаютъ рабства. Нибуръ превосходно выясняетъ причины этого. Если бы у охотничьихъ племенъ были рабы, имъ пришлось бы выполнять либо ту же работу, какую выполняютъ свободные мужчины, либо ту работу, какую выполняютъ свободныя женщины. Такимъ образомъ, вопросъ сводится къ двоякой проблемѣ: 1) почему у охотничьихъ племень нѣтъ рабовъ,

выполняющихъ мужскую работу? и 2) почему у нихъ нѣтъ рабовъ, выполняющихъ женскую работу?Мужская работа состоитъ въ охотѣ, если отвлечься отъ войны, которая въ сущности есть своеобразный варіантъ охоты: охота на людей. Но охота никогда не представляется черной работой, а наоборотъ, всегда есть благородное и пріятное занятіе.Какъ бы ни относиться къ охотѣ (по соображеніямъ нравственнымъ), она представляетъ такое занятіе, которое захватываетъ всю душу человѣка, заполняетъ всю психику, не оставляетъ мѣста для посторонней мысли. Эта возвышенность, полнота душевныхъ переживаній обнаруживается въ органическомъ родствѣ охоты съ поэзіей и эстетикой (вспомнимъ Тургенева, Некрасова). Охота ставитъ человѣку опредѣленную цѣль, которой можно достигнуть только напрягая всю силу и ловкость; въ то же время она включаетъ моментъ риска: результаты ея неизвѣстны, подобно исходу битвы, и она сулитъ славу побѣды надъ живымъ существомъ; однимъ словомъ, она захватываетъ и въ извѣстномъ смыслѣ поднимаетъ всю личность человѣка. Рабство, подчиненіе, доходящее до формы вещнаго обладанія, совершенно противорѣчитъ тому душевному строю, который психологически необходимъ для охоты: крайнее напряженіе всѣхъ силъ и ловкости совершенно несовмѣстимо съ системой принужденія и надзора. Но если рабовъ нельзя упражнять въ охотѣ *), почему ихъ не употреблять, опредѣлять на женскія работы? При томъ состояніи, когда земледѣліе является специфическимъ занятіемъ женщины, кочевая жизнь и условія работы очень сильно облегчили бы возможность побѣга раба, кромѣ того, мужчина въ эту эпоху вовсе и не заботится объ облегченіи труда женщины. Кромѣ того, какъ помощникъ женщины, рабъ въ условіяхъ такого быта возбуждалъ бы основательную ревность господина. Надо также принять во вниманіе, что эти маленькія племена очень сильно дорожатъ силами каждаго мужчины на охотѣ и еще больше на войнѣ, а потому психологически скорѣе вѣроятна возможность, что ловкаго плѣннаго мальчика (или даже взрослаго) стали бы воспитывать къ

---

*) *Впрочемъ, въ современныхъ условіяхъ, гдѣ возможенъ широко-продуманный планъ охоты, гдѣ можно выдѣлить подсобныя техническія, служебныя функціи, ихъ можно было бы, конечно, поручить и рабамъ.*

роли охотника или воина, чѣмъ отдали бы, какъ служебную рабочую силу женщинамъ. Поэтому мужчинъ (свободныхъ и рабовъ), выполняющихъ женскія работы, мы встрѣчаемъ только у племенъ, живущихъ въ мирной обстановкѣ. Такъ Крантцъ разсказываетъ про молодого гренландца, который былъ неспособенъ къ мореходству; его употребляли другіе гренландцы на всякія женскія работы, до которыхъ онъ былъ мастеръ, въ качествѣ служанки *). Ганнеръ говоритъ про одного однибвея, который велъ себя совершенно, какъ женщина, и отличался на женскихъ работахъ, которыми занимался всю жизнь. У эскимосовъ только неспособные къ охотѣ мужчины дѣлаютъ одинаковую работу съ женщинами; мужчину, годнаго къ охотѣ, никогда не заставляютъ дѣлать женскую работу. Эти примѣры показываютъ, какъ глубоко совпадаетъ раздѣленіе труда съ половымъ дѣленіемъ **). Это интересно подчеркивается въ любопытныхъ отношеніяхъ, существующихъ у африканскихъ племенъ банака. Эти племена занимаются охотой и земледѣліемъ; послѣднимъ занимаются женщины. Они не превращаютъ себѣ военноплѣнныхъ въ качествѣ рабовъ, а возвращаютъ послѣднихъ ихъ племенамъ; женщинъ же, взятыхъ въ плѣнъ, выдаютъ замужъ за мужчинъ того племени, которое ихъ захватило на войнѣ. Но это не значитъ, что у нихъ совсѣмъ нѣтъ рабовъ; рабовъ - ихъ немного - они покупаютъ. Любопытно, что соотвѣтственно всему этому рабство это носитъ семейный характеръ: господа обращаются съ рабами, какъ съ дѣтьми. Таково, впрочемъ, вообще рабство у самыхъ первобытныхъ народовъ. Итакъ, анализъ условій рабства у, такъ называемыхъ, первобытныхъ народовъ приводитъ къ выводу, что рабство стоитъ въ тѣснѣйшей связи съ переходомъ къ осѣдлому земледѣлію. Съ другой стороны можно сказать, что переходъ къ осѣдлому земледѣлію, при нѣкоторыхъ условіяхъ, необходимо связанъ съ обращеніемъ къ системѣ рабскаго труда. Это значитъ, что рабство въ земледѣльческомъ трудѣ связано съ опредѣленной исторической стадіей: рабство - необходимая форма эксплуатаціи труда въ земледѣліи, при наличности свободнаго земельнаго

---

*) D.Crantz.- Historie van Groenland. 1767. I, p. 185. *Цит. по Нибуру.*

**) *Ср. сказанное съ указанной работой Нибура, стр. 176-204.*

фонда, при наличности запаса свободныхъ, не апропріированныхъ земель. Такова остроумная теорія рабства, которую выдвинулъ итальянскій экономистъ Лорія вслѣдъ за англійскимъ экономистомъ Уэнсфильдомъ. Смыслъ этой теоріи въ томъ, что безъ прямого принужденія къ труду никто не станетъ трудиться добровольно на чужой землѣ, изъ-подъ чужой указки, при наличности свободныхъ земель. Теорія эта заслуживаетъ вниманія: въ качествѣ общаго указанія она попадаетъ прямо въ точку, болѣе того, въ нѣкоторыхъ частяхъ прямо неопровержима; но она слишкомъ обща, слишкомъ схематизируетъ историческую эволюцію. Закабаленіе свободнаго населенія происходитъ не только въ силу экономической необходимости въ рабскомъ трудѣ для господствующихъ классовъ при наличности свободныхъ земель, но и въ силу того, что въ рукахъ этихъ классовъ находится капиталъ, безъ котораго безпомощенъ непосредственный производитель, и та политическая и, въ концѣ концовъ, физическая сила, которая можетъ обезпечить "слабому" личную безопасность и неприкосновенность и тѣмъ самымъ возможность трудиться. Допустимъ, что свободной земли много и ее можетъ обрабатывать каждый желающій, но для земледѣльческаго хозяйства недостаточно однѣхъ лишь рабочихъ рукъ и желанія трудиться, необходимъ капиталъ; приходится обращаться къ сосудамъ, какъ производительнымъ: на земледѣльческія орудія, на скотъ, на обсѣмененіе и т.д., такъ и потребительнымъ: необходимъ хоть нѣкоторый потребительный фондъ, на который можно бы существовать, пока получатся первые результаты производства. На этой почвѣ развиваются крѣпостное право и феодальныя отношенія. Развитіе крѣпостного права не можетъ быть объяснено одной только наличностью свободныхъ земель. Подъ эту схему оно не подходитъ ни въ отношеніяхъ античнаго міра - колонатъ въ Римѣ, - ни въ отношеніяхъ исторически болѣе близкихъ - въ Германіи. Развитіе крѣпостного права въ Германіи, вообще не движется по прямой линіи. XII и XIII в.в., когда въ Германіи именно было еще много свободныхъ земель, были эпохой расцвѣта крестьянской свободы и благосостоянія. Тутъ рядомъ съ наличностью свободныхъ земель, на которыя уходили свободные колонисты, дѣйствовала и наличность городовъ, "воздухъ" которыхъ "освобождаетъ", по извѣстной максимѣ средневѣковаго городского права. Въ XV в. наступаетъ пере-

ломъ: не только ухудшается экономическое положеніе крестьянъ, но крестьяне закрѣпощаются отчасти на почвѣ долговой зависимости, отчасти прямыми мѣрами государственнаго воздѣйствія. И это происходитъ тогда, когда - вопреки теоріи Лоріа - свободныя земли исчерпаны, когда образовался новый сельскій пролетаріатъ, который часто избавлялъ себя отъ заботы о дневномъ пропитаніи, самъ ставя себя въ крѣпостную зависимость, предпочитая несвободное, но, хоть до нѣкоторой степени, обезпеченное существованіе, свободѣ голодной смерти. Такимъ образомъ, теорія Лоріа есть мѣткое наблюденіе и цѣнное обобщеніе, улавливающее важный факторъ, обусловливающій собой явленіе рабства, но это не единственный факторъ. Такъ, и образованіе крѣпостного права въ Россіи не есть просто насильственное прикрѣпленіе земледѣльческаго населенія, уходившаго на свободныя земли. Земледѣліе въ Кіевской и Московской Руси требовало обзаведенія, требовало капиталовъ, и это обрекало земледѣльца на ту зависимость - фактическую и юридическую - отъ экономически сильнаго, сильнаго капиталомъ, человѣка, которая выражалась въ томъ, что заемщикъ, получавшій ссуду, попадалъ въ экономическую зависимость отъ заимодавца, при возможности реальной и юридической ухода. Крѣпостное право въ Россіи - какъ это съ полной ясностью и убѣдительностью установлено трудами русскихъ историковъ и прежде всего Ключевскаго, - выросло на почвѣ долговой зависимости. Отсюда видно, какую огромную роль играетъ въ этихъ отношеніяхъ капиталъ. Любопытно, что въ наше время привычка ворочать (хотя бы въ умѣ) огромными суммами дѣлаетъ цифры, въ какихъ выражался капиталъ того времени, ничтожными въ нашихъ глазахъ. Тѣмъ не менѣе, какую роль онѣ сыграли въ вопросѣ закрѣпощенія сельскаго населенія!

Такимъ образомъ, проблема рабства, къ которой намъ еще придется вернуться въ интересномъ современномъ варіантѣ колоніальнаго рабства, выступаетъ съ двухъ сторонъ: какъ раздѣленіе труда внутри хозяйства - отъ рабства женщинъ къ рабству людей (безотносительно къ полу), спеціально пріобрѣтаемыхъ ради эксплуатаціи ихъ труда, - и какъ раздѣленіе труда внутри общества, связанное съ распредѣленіемъ соціальнаго могущества.

## *ПРОБЛЕМА ОБРАЗОВАНІЯ ОБЩЕСТВЕННЫХЪ КЛАССОВЪ.*

Отъ рабства я перейду къ проблемѣ классоваго расчлененія общества, проблемѣ, представляющей большія трудности и огромный интересъ. Прежде всего слѣдуетъ отмѣтить своеобразную роль и судьбу понятія "классъ". Будучи по своему происхожденію и назначенію понятіемъ объективно-классификаціоннымъ оно превратилось въ понятіе психологически-агитаціонное. Между обѣими сторонами устанавливается любопытная связь: то, что въ классѣ можно назвать психологически-агитаціоннымъ моментомъ, не есть просто нѣчто "словесное", этотъ моментъ самъ становится факторомъ въ процессѣ образованія понятія класса. Это соотношеніе объективно-классификаціоннаго и психологически-агитаціоннаго значенія понятія класса весьма усложняетъ самую проблему.

"Классовое сознаніе" не опредѣляется просто объективнымъ, отъ него независимымъ существованіемъ тѣхъ или иныхъ классовъ, оно само создаетъ въ извѣстномъ смыслѣ эти классы, какъ соціальныя явленія и соціально-психическія силы въ эволюціи общества. Классъ есть въ значительной мѣрѣ то, что себя ощущаетъ и сознаетъ классомъ. Къ этому классическому понятію марксизма примѣнима обратная или "обращенная" формула исторической философіи Маркса: тутъ не бытіе класса опредѣляетъ его сознаніе, а сознаніе класса опредѣляетъ его бытіе.

Существуютъ двѣ распространенныя точки зрѣнія на процессъ образованія классовъ: 1) соціальное раздѣленіе на классы есть исходная точка для процесса раздѣленія труда, и наоборотъ, 2) процессъ внутри-общественнаго раздѣленія труда, профессіональное раздѣленіе труда составляетъ исходную точку образованія класса.

Въ сущности говоря, это есть разногласіе между тѣми, кто указываетъ, что внутри-общественное раздѣленіе труда на профессіональной основѣ имѣетъ тенденцію создавать индивидуальныя и на ихъ почвѣ и классовыя различія. Эта точка зрѣнія

оперируетъ понятіемъ наслѣдственности: она указываетъ на то, что если человѣкъ упражняетъ опредѣленную дѣятельность вслѣдствіе индивидуальной одаренности или наслѣдственной передачи, то возникаетъ раздѣленіе труда, которое имѣетъ тенденцію укрѣпляться и увѣковѣчиваться въ силу передачи извѣстной ловкости, навыковъ и т.д., словомъ всего того, что объединяется въ понятіи наслѣдственной приспособленности.

Другая точка зрѣнія ставитъ удареніе на распредѣленіи общества на группы сообразно соціальному могуществу, связываемому съ обладаніемъ имущества. Можно свести эти точки зрѣнія къ такимъ двумъ формуламъ: происходятъ ли соціальнне классы отъ различій въ занятіяхъ, въ результатѣ профессіональныхъ различій, или они имѣютъ въ основѣ различія богатства или имущества. Эти двѣ точки зрѣнія представлены въ новѣйшемъ теченіи экономической мысли двумя выдающимися учеными нѣмецкой науки, Бюхеромъ и Шмоллеромъ.

Прежде чѣмъ обратиться непосредственно къ темѣ этого разногласія, я хотѣлъ бы еще вернуться къ вопросу раздѣленія труда между полами, которое есть одновременно и раздѣленіе труда внутри хозяйства и внутри общества. Здѣсь, въ этомъ явленіи раздѣленія труда, обнаруживается чрезвычайно ясно связь между тѣмъ, что мы называемъ явленіями экономическими и явленіями порядка религіознаго. Раздѣленіе труда между полами имѣетъ въ своей основѣ мотивы, не могущіе быть удовлетворительно объяснены раціонально-экономически. Оно требуетъ привлеченія религіознаго, - ирраціональнаго, съ экономической точки зрѣнія, фактора. Въ его основѣ лежитъ разъединеніе между элементами хозяйства, какъ семьи, которое не оправдывается экономіей и восходитъ къ самымъ истокамъ культуры, къ зачаткамъ религіи и культа. Оно стоитъ въ связи съ міровоззрѣніемъ первобытнаго человѣка, которое не исчерпывается мотивами цѣлесообразности. Оно возникаетъ изъ взаимоотношеній между человѣкомъ и тѣми таинственными силами, которыя онъ полагаетъ находящимися за внѣшними силами и явленіями природы. Первобытный человѣкъ мыслитъ себѣ природу, какъ бы населенной этими силами, представляетъ себѣ міръ, какъ бы насквозь пропитаннымъ этими духами, и преодолѣніе, приспособленіе этихъ силъ къ себѣ и себя къ этимъ силамъ - важнѣйшая задача первобытнаго человѣка, на ко-

торую направляется его интеллектъ.Эти силы не однородны и неодинаково пріурочены ко всѣмъ лицамъ, предметамъ, явленіямъ. Извѣстныя силы мыслятся пріуроченными къ одному полу, другія - къ другому. Такимъ образомъ, въ основѣ полового раздѣленія труда лежитъ факторъ религіозный: различное положеніе мужчины и женщины по отношенію къ дѣйствующимъ въ мірѣ сверхприродным силамъ.

Если мы обратимся къ другой области раздѣленія труда, мы увидимъ, что раздѣленіе труда внутри общества, общественное раздѣленіе труда, также въ значительной мѣрѣ имѣетъ основу свою въ религіозномъ началѣ. Первоначальное раздѣленіе труда, первоначальная профессіональная дифференціація, образуется на основѣ міровоззрѣнія, по которому отношенія людей къ предметамъ мыслятся, какъ отношенія людей къ силамъ, стоящимъ за этими предметами. Это рѣзче всего сказывается въ томъ,что раздѣленіе труда начинается съ выдѣленія занятій, имѣющихъ религіозно-обрядовый характеръ. Едва ли не первымъ выдѣляется занятіе жреца, колдуна, вѣрнѣе амальгама профессій священника и колдуна, знахаря. Можно сказать, что эти занятія не имѣютъ непосредственно-экономическаго значенія, и это вѣрно не только примѣнительно къ современности, но и въ отношеніи къ первобытному обществу. Но не слѣдуетъ забывать, что на первоначальныхъ стадіяхъ развитія вся жизнь, а тѣмъ самымъ вся хозяйственная жизнь, погружена въ религію, и религіозныя функціи получаютъ экономическое значеніе въ силу того, что вся жизнь подчиняется не раціональнымъ мотивамъ, а тѣмъ ирраціональнымъ мотивамъ, которые мы въ современной характеристикѣ называемъ суевѣріемъ. Это первоначальное происхожденіе профессій изъ религіозныхъ мотивовъ можетъ быть прослѣжено на рядѣ явленій изъ жизни первобытнаго человѣка и иллюстрировано на загадочномъ кругѣ явленій, которыя издавна привлекали вниманіе изслѣдователей и которыя объединяются подъ терминомъ тотемизма. Когда говорятъ о классахъ, ихъ часто смѣшиваютъ съ сословіями, а эти послѣднія - съ кастами. Но эти понятія и соотвѣтствующія имъ явленія относятся къ совершенно различнымъ общественнымъ формаціямъ. Касты представляютъ основной интересъ и имѣютъ особое значеніе для соціальной науки потому, что въ нихъ предъ нами, какъ бы въ окаменѣломъ видѣ явленія

тѣхъ временъ, когда раздѣленіе труда опредѣлялось не экономическими или политическими мотивами и силами, а прежде всего религіознымъ міровоззрѣніемъ.

Какъ извѣстно кастовый строй въ чистомъ его видѣ есть специфическая особенность общественнаго быта Индіи. Въ широкой публикѣ распространено представленіе, что индійское общество распадается на четыре классическихъ касты: браминовъ или брахмановъ, которымъ принадлежитъ монополія - молиться и приносить жертвы; кшатріевъ, прирожденныхъ воиновъ; вайшіевъ, купцовъ; шудровъ, предназначенныхъ служить другимъ классамъ. Если бы это было такъ - кастовый режимъ Индіи былъ бы лишь рѣзко выраженнымъ, окаменѣлымъ сословнымъ строемъ. Въ дѣйствительности дѣло обстоитъ совсѣмъ не такъ. Сущность режима кастъ, три основные момента, опредѣляющіе кастовое устройство,- это: 1) наслѣдственная спеціализація занятій или, общнѣе, профессій; 2) іерархія этихъ профессій; 3) сепаратизмъ, взаимная отчужденность, отталкиваніе наслѣдственныхъ профессіональныхъ группъ. Отталкиваніе, іерархія, наслѣдственная спеціализація, - кастовый строй соединяютъ эти три тенденціи. Нужно запомнить всѣ эти три тенденціи, если мы желаемъ притти къ исчерпывающему опредѣленію режима кастъ. Мы скажемъ, что общество подчинено этому режиму, если оно раздѣлено на значительное число группъ, наслѣдственно спеціализированныхъ, іерархически расположенныхъ одна надъ другой и взаимно противополагающихся, если это общество въ принципѣ не терпитъ ни выскочекъ, ни метисовъ, ни перебѣжчиковъ изъ одной профессіи въ другую, то есть, если это общество противится одновременно и смѣшенію крови, и подъему на высшія соціальныя ступени, и перемѣнѣ занятій. Это совершенно справедливо, но и іерархическое построеніе соціальныхъ группъ и наслѣдственная къ нимъ принадлежность недостаточны для опредѣленія режима кастъ, такъ какъ эти моменты характерны: первый для всякаго строго сословнаго общества, второй, напримѣръ, для многихъ случаевъ цехового строя. Поэтому въ принципіальномъ сепаратизмѣ общественныхъ дѣленій, въ ихъ отталкиваніи другъ отъ друга слѣдуетъ видѣть differentia specifica кастоваго режима.

Въ чемъ же выражается этотъ сепаратизмъ группъ? Прежде всего въ томъ, что разныя касты не имѣютъ между собой брачнаго общенія: они допускаютъ въ принципѣ только эндогамію, то

есть, брачные узы лишь внутри кастъ; эндогамія нарушается нерѣдко "гипергаміей", то есть, многія семьи стремятся выдавать своихъ дочерей за членовъ высшихъ кастъ; вотъ почему нѣкоторые раджи высокаго ранга представляютъ большую цѣнность въ качествѣ жениховъ и дѣлаютъ изъ женитьбы выгодную профессію - они заводятъ спеціальные списки и въ нихъ заносятъ женщинъ, которыхъ они удостоили брачнаго союза съ собой.

Другимъ полемъ приложенія начала сепаратизма является общеніе въ области *потребленія*. Въ принципѣ только члены одной и той же касты могутъ быть другъ для друга "сотрапезниками ". Уже одно прикосновеніе лица, принадлежащаго къ низшей кастѣ, ощущается, какъ нѣчто тягостное. Прикосновеніе къ "паріямъ" внушаетъ настоящій ужасъ. На Малабарскомъ берегу есть люди, которыхъ заставляютъ ходить почти голыми, изъ страха прикосновенія къ ихъ развѣвающимся одеждамъ. Индусъ всецѣло во власти этого чувства страха передъ нечистымъ прикосновеніемъ. "Джатаки"(индійскія новеллы) полны разсказами о томъ, какое отвращеніе вызывали прикосновенія къ нечистымъ расамъ или даже одинъ только видъ. Брахманъ (браминъ) замѣчаетъ, что попутчикомъ его является чандалъ, и онъ велитъ "зловѣщей птицѣ" скрыться съ его глазъ. Двѣ дѣвушки видятъ чандаловъ и спасаются отъ нихъ бѣгствомъ, для своего очищенія прибѣгая къ промывкѣ глазъ.

Но въ особенности невыносимо сотрапезничество съ нечистыми. Достаточно, чтобы парія заглянулъ въ кухню, чтобы вся осквернённая утварь была обречена на уничтоженіе. Даже внутри одной касты дѣйствуетъ это отталкиваніе. Отсюда пословица: "для двѣнадцати раджнутовъ необходимо тринадцать поваровъ". Но и низшія касты боятся осквернёнія общеніемъ съ высшими: въ голодные годы, лица, принадлежащія къ кастѣ санталовъ, охотнѣе морили себя голодомъ, чѣмъ прикасались къ пищѣ, приготовленной браминами. Въ Калькуттѣ устройство водопровода наткнулось на трудность: какимъ образомъ члены разныхъ кастъ могли бы пользоваться однимъ и тѣмъ же краномъ?Послѣ возвращенія съ послѣдней парижской всемірной выставки нѣсколько индусовъ были обвинены въ томъ, что они ѣли за табльдотомъ съ нечистыми европейцами. Обвиненные всячески хотѣли доказать, что они привезли во Францію свой родной рисъ и тамъ питались имъ,

Но свидѣтельскія показанія европейцевъ, бывшихъ ихъ сотрапезниками, погубили ихъ - и они были извергнуты изъ кастъ. Такимъ образомъ, касты суть прежде всего эндогамическія группы, и индійская перепись (цензъ) 1901 года зарегистрировала такихъ группъ, между которыми не допускается брачнаго общенія, не четыре, а болѣе 2300. Но и эта цифра отнюдь не выражаетъ всей дробности кастоваго дѣленія индійскаго общества.

Откуда же произошелъ и чѣмъ держится режимъ касты?

Первое объясненіе, которое можетъ представляться, это объясненіе ихъ расовыми различіями. "Пришельцы побѣдители считаютъ себя за высшую расу и тщательно охраняютъ себя отъ смѣшенія съ низшей, покоренной. Такимъ образомъ, въ основѣ кастъ лежитъ этнографическое различіе, которое арійцы-завоеватели старались сохранить и поддержать, установивъ принципъ полной своей обособленности". Однако расовое различіе, если и можетъ считаться принципомъ генезиса кастъ, отнюдь не можетъ считаться принципомъ ихъ существованія и сохраненія. Правда нѣкоторые изслѣдователи полагали, что Индія есть страна, въ которой господствуетъ благотворное начало поддержанія чистыхъ, несмѣшанныхъ расъ и что это начало и выражается именно въ кастовомъ строѣ, осуществляющемъ здравый расовый отборъ. Такъ Джонстонъ полагалъ, что достаточно классифицировать индусовъ по цвѣту кожи для того, чтобы убѣдиться, что съ различіями въ цвѣтѣ совпадаютъ различія въ соціальномъ положеніи. Этому и соотвѣтствуетъ древнее санскритское обозначеніе касты varna, первоначальный смыслъ котораго - цвѣтъ. "Индусское общество многоцвѣтно (est essentiellement polichrome), и соціальныя различія въ немъ отмѣчены соотвѣтствующими окрасками кожи. Легенда въ Магабгаратѣ раздѣляетъ людей на бѣлыхъ и красныхъ, желтыхъ и черныхъ, сообразно ихъ свойствамъ и занятіямъ".

Пусть окраска кожи признакъ недостаточно точный, но нѣтъ развѣ другихъ совершенно точныхъ антропометрическихъ "показателей"? Ризли (Risley) полагаетъ, что онъ нашелъ такой показатель въ ширинѣ носа ("носовой указатель"). На основаніи 5505 измѣреній, произведенныхъ въ Венгалѣ, онъ устанавливаетъ два основныхъ типа. Это какъ разъ тѣ два типа, о которыхъ го-

---

ворятъ и литературные памятники: раса арійскихъ завоевателей, бѣлокожихъ и узконосыхъ, и раса покоренныхъ дравидійскихъ аборигеновъ, чернокожихъ и широконосыхъ. Въ краткой формулѣ изслѣдователь такъ резюмируетъ свой выводъ: можно сказать, что въ Восточной Индіи высота соціальнаго ранга, занимаемаго человѣкомъ, обратно пропорціональна ширинѣ его носа.

Къ счастью, провѣрка выводовъ Ризли оказалась возможной. Его методы нашли послѣдователей и продолжателей. Среда, надъ которой оперировалъ со своими измѣреніями Ризли, представляетъ ту особенность, что въ Бенгалѣ никогда не было значительнаго вселенія арійскихъ элементовъ. Крукъ, который произвелъ антропометрическія изслѣдованія 4906 жителей Сѣверо-Западной Провинціи и Ауда, обнаружилъ, что тамъ нѣтъ ни малѣйшаго соотвѣтствія между черепнымъ и носовымъ указателями и соціальнымъ положеніемъ. Сила отталкиванія первоначальныхъ расъ, очевидно, не могла навѣки опредѣлить собой раздѣленіе индійскаго общества. Здѣсь, какъ и въ другихъ мѣстахъ, побѣдители и побѣжденные въ концѣ концовъ смѣшались. Антропосоціологія тщетно ищетъ такой страны, въ которой былъ бы осуществленъ ея идеалъ. Пусть духъ, прямо-противоположный духу равенства, господствуетъ надъ всей цивилизаціей, пусть самые священные запреты отгораживаютъ расы одну отъ другой, пусть забота о чистотѣ доминируетъ надъ всѣми прочими помыслами и перегораживаетъ по своему произволу все общество, - все напрасно. Рано или поздно самые высокіе барьеры будутъ преодолѣны, элементы самые разнородные смѣшаются, и Вы не сможете констатировать точныхъ соотношеній между различіями физическими и различіями соціальными.

Каково же отношеніе между этимъ строемъ и экономической спеціализаціей и ея носительницами - цеховыми организаціями?

Индійскій эпосъ раскрываетъ передъ нами картину широко развитого цехового строя. Цэхи или гильдіи вѣдаютъ рыночную полицію, организуютъ караваны, основываютъ благотворительныя учрежденія. Нужно обратиться къ германскому средневѣковью для того, чтобы увидѣть подобный же расцвѣтъ цеховъ и гильдій. Элементы цехового движенія и цехового строя ни въ Греціи, ни даже въ Римѣ не достигали такой силы, какъ въ Индіи. Общественныя перегородки умножаются подъ вліяніемъ цехового строя. От-

ческому началу, лежащему въ основѣ цехового строя. Это теорія іезуита Дальмана *), которая, впрочемъ совпадаетъ со взглядами англійскаго изслѣдователя Несфильда **).

Несфильдъ указываетъ, что если распредѣлить различныя касты въ порядкѣ ихъ соціальнаго ранга, то придется констатировать, что онѣ поднимаются выше или ниже по соціальной лѣствицѣ соотвѣтственно тому мѣсту, какое онѣ занимаютъ на лѣствицѣ промышленной. Самыя низкія касты это тѣ, которыя предаются занятіямъ, которыя только и извѣстны человѣку въ примитивныя фазы человѣческой исторіи: касты рыбаковъ и касты охотниковъ. Касты земледѣльцевъ уже болѣе знатныя и еще знатнѣе касты ремесленниковъ. Тѣ среди нихъ, которыя упражняютъ болѣе простыя ремесла, извѣстныя человѣчеству еще раньше, чѣмъ оно научилось обработкѣ металловъ, занимаютъ низшее мѣсто; тѣ, которыя обрабатываютъ металлы, стоятъ выше. Повидимому, достоинство касты измѣряется какъ полезностью, такъ и трудностью ремесла, которымъ она занимается. Отсюда тезисъ, что ступени іерархіи индійскаго общества соотвѣтствуютъ въ общемъ и цѣломъ фазамъ промышленной эволюціи. Несфильдъ выражаетъ это такъ: естественная исторія промышленности даетъ ключъ и къ лѣствицѣ, и къ процессу образованія самихъ кастъ.

Каста есть окаменѣвшій цехъ - такъ резюмируетъ Бугле теорію Дальмана ***).

Если бы дѣло обстояло именно такъ, то, повидимому, соціальная эволюція давала бы неожиданное подтвержденіе "матеріали-

---

*) Joseph Dahlmann. S. J. "Das Altindische Volkstum und seine Bedeutung für die Gesellschaftskunde. Köln 1899. (Verlag von Bachem). pp. 134.

**) Nesfield. Brief view of the Caste System of the North-Western Provinces and Oudh. Allahabad 1885.

***) *Самъ Дальманъ выражается такъ:* "Die Kaste bildet bloss die erstarrte Oberflache eines Gesellschaftskörper, in dessen unteren Schichten sich reiche Formen organischen Lebens erhalten haben.... Von der modernen Kaste führt der Weg zur körperschaftlichen Gliederung des alten Zudien zurück" (Dahlmann, l.c.s.24 ).

стическому" объясненію исторіи. Если бы удалось представить касту, какъ чисто "мірское" учрежденіе, естественно вырастающее изъ промышленной корпораціи, изъ цеха, то тѣмъ самымъ удалось бы показать, что въ корпораціи, всего полнѣе пропитанной религіознымъ началомъ, именно промышленность, то есть экономика, опредѣляетъ основную соціальную форму.

Такъ ли это?

Прежде всего такой теоріи противопоставляются нѣкоторые факты. Члены одной касты часто упражняютъ весьма различныя профессіи, хотя, съ другой стороны, созданіе новаго занятія приводитъ часто къ созданію новой касты. Но часто касты образуются изъ сектъ; часто онѣ носятъ мѣстный характеръ, представляя собой, мы бы сказали, (пользуясь русскимъ выраженіемъ) землячества.

Но существенны не эти частныя замѣчанія, существенно даже не то, что понятіе касты гораздо шире понятія цеха, и ея предписанія гораздо глубже проникаютъ въ жизнь. Важнѣе другое. Мы знаемъ интимную связь и римскихъ корпорацій, и средневѣковыхъ цеховъ и, наконецъ, нашихъ южно-русскихъ и западно-русскихъ корпорацій - братствъ съ религіозной потребностью, съ церковной жизнью ихъ членовъ. Цехи генетически суть въ значительной мѣрѣ организаціи, связанныя съ религіозной жизнью. А если цехъ, какъ соціальная форма, не можетъ быть объясненъ одними экономическими моментами, то во столько же разъ это вѣрнѣе по отношенію къ кастѣ. Всего легче еще объяснить обычную наслѣдственность занятій экономическими соображеніями. Но абсолютная прикрѣпленность лицъ къ тому или иному занятію объясняется гораздо проще мотивами религіозными, чѣмъ экономическими. Быть можетъ въ основѣ ея лежитъ идея "табу". Она можетъ объяснить съ одной стороны запретность, съ другой - обязательность извѣстныхъ занятій для извѣстныхъ группъ. Далѣе: какъ можетъ "естественная исторія промышленности" объяснить вершину кастоваго строя - брахмановъ? Вуглэ остроумно замѣчаетъ по этому поводу: нельзя сказать, чтобы ремесло брахмана являлось въ глазахъ индусовъ непроизводительнымъ, напротивъ, оно въ высшей степени производительно. Брахманъ - говоритъ Вуглэ, употребляя извѣстное французское выраженіе - fait la pluie et le beau temps. Нѣтъ болѣе полезнаго въ глазахъ индуса метода

дѣйствій, чѣмъ тотъ, который примѣняютъ брахманы: молитвы и жертвоприношенія. Но - иронически спрашиваетъ далѣе нашъ авторъ - развѣ открытіе этихъ методовъ соотвѣтствуетъ болѣе высокой стадіи промышленнаго прогресса, какъ слѣдовало бы по теоріи Несфильда? Въ какомъ отношеніи эти методы связаны съ появленіемъ обработки металловъ, которая, согласно тому же Несфильду, означаетъ поворотъ въ цивилизаціи?

Различіе въ соціальномъ рангѣ кастъ по предмету, обрабатываемому ими, легко объясняется именно религіозной идеей. Такъ, въ основѣ того, что люди, обрабатывающіе золото и серебро, выше людей, обрабатывающихъ желѣзо, лежитъ религіозное представленіе: благородные металлы считаются образованными комбинаціей двухъ самыхъ "чистыхъ" элементовъ - воды и огня. Желѣзо есть металлъ черный, а черный цвѣтъ - неблагородный, несчастливый, презрѣнный для индуса. Рыболовы выше охотниковъ, потому что вода есть стихія священная. Цырульники, которые суть въ то же время хирурги (такъ было на Западѣ и у насъ!) презираются, потому что они должны проливать кровь и прикасаться къ волосамъ. Такъ же низко оцѣниваются и кожевники. Такимъ образомъ, оцѣнка, которую индусы придаютъ той или другой кастѣ, опредѣляется ихъ представленіями о томъ, что тотъ или другой предметъ священенъ, дозволенъ или запретенъ, заслуживаетъ почитанія или, наоборотъ, внушаетъ страхъ или отвращеніе.

Еще яснѣе несостоятельность экономическаго объясненія кастоваго строя выступитъ, если сопоставить это объясненіе съ сепаратизмомъ кастъ. Можно ли экономически объяснить то отталкиваніе, которое уединяетъ одну группу отъ другихъ и которое запрещаетъ брачное общеніе, запрещаетъ сотрапезничество и даже иногда устраняетъ возможность простого соприкосновенія?

Теорію происхожденія кастъ изъ родовыхъ организацій выдвинулъ знаменитый французскій индіанистъ Сенаръ. Согласно этой теоріи каста - порожденіе арійской семьи или рода. Прежде всего слѣдуетъ отстранить расовый характеръ объясненія. Онъ ни къ чему. Родовой бытъ и его связь съ религіей не есть явленіе "арійское". Но важнѣе другой отводъ, предъявляемый противъ этой теоріи. Связь кастоваго режима съ религіей еще несомнѣннѣй, чѣмъ связь его съ родовымъ или семейнымъ началомъ. Или иначе это можно выразить такъ: въ основѣ близости кастоваго

строя и родового быта лежитъ то начало, которое является для нихъ общимъ, - начало религіозное.

Отъ другихъ іерархій кастовый режимъ отличается слѣдующей особенностью: абсолютнымъ и вообще признаннымъ первенствомъ касты брахмановъ. И если указываютъ, что религіозные обычаи носятъ семейный характеръ, вырастаютъ на почвѣ семейной или родовой связи, объясняется чувствомъ родства, то въ индійскомъ кастовомъ режимѣ явственнѣе выступаетъ и гораздо замѣчательнѣй то, что тутъ сильнѣе начала семейнаго оказывается начало религіозное. Первое преклоняется передъ вторымъ. Никакая семейная церемонія не обходится безъ участія брахмановъ. Они становятся на мѣсто родителей или предковъ. На поминальныхъ пирахъ они замѣняютъ собой предковъ, они ѣдятъ во имя этихъ предковъ, какъ ихъ представители. Вира или пеня за убійство платится не семьѣ убитаго, а брахману. Вообще положеніе брахмана въ индійскомъ обществѣ совершенно исключительное.

Критическій обзоръ теорій происхожденія кастоваго режима приводитъ къ совершенно опредѣленному рѣшенію вопроса, которое уже достаточно обрисовалось въ нашемъ изложеніи. Господство древней родовой или семейной исключительности объясняетъ, почему индійскія касты обособляются другъ отъ друга. Но такое обособленіе и противоположеніе не есть еще та іерархія, которую мы находимъ въ кастовомъ режимѣ. Роль жреческой касты, основанной на подавляющемъ значеніи жертвоприношенія и молитвы, опредѣляетъ собой іерархическій характеръ этого режима. Любопытно, что этотъ іерархическій характеръ и эта роль жречества держатся помимо всякой организаціи, которая позволяла бы уподобить касту брахмановъ монашескому ордену или духовенству, безъ всякой церковной организаціи. "Брахманы суть священники безъ церкви.... они по самому своему понятію равны между собой именно потому, что ихъ знаніе дается имъ ихъ рожденіемъ". Такимъ образомъ вовсе не могущество организаціи составляетъ силу священниковъ въ Индіи.

Не является ли въ такомъ случаѣ эта сила порожденіемъ строгости идей, носителями которыхъ выступаютъ эти священники? И на этотъ вопросъ приходится отвѣчать отрицательно. Сила эта также не объясняется д о г м а т и з м о м ъ идей, какъ она не объясняется дисциплиной организаціи. И это понятно: тамъ,

гдѣ нѣтъ іерархіи, напередъ невозможна догматика, такъ какъ нѣтъ органа, который могъ бы ее формулировать и поддерживать. Поэтому религія брахмановъ въ высшей степени терпимая: она все принимаетъ и ничего не отвергаетъ. Въ качествѣ религіи безъ церкви и безъ догмата, брахманизмъ не зараженъ духомъ идейнаго прозелитизма. Мысль, что существуетъ одна религіозная истина, пригодная для всѣхъ людей, и что ее слѣдуетъ возможно шире пропагандировать, чужда брахману.

И тѣмъ не менѣе у брахманизма есть прозелиты. Если брахманъ "обращаетъ" какое-нибудь племя коренныхъ обитателей, это не значитъ, что онъ опрокидываетъ ихъ вѣрованія, но это значитъ, что онъ научаетъ ихъ уважать обычаи касты и почитать, прежде всего и превыше всего, его самаго, брахмана. Заставляя почитать себя - вотъ какъ главнымъ образомъ покоряетъ души брахманъ. И великимъ членомъ символа вѣры религіи, имъ распространяемой, является священный характеръ прирожденнаго жреца.

Такимъ образомъ, въ основѣ превосходства брахмана лежитъ превосходство крови, породы, расы. Брахманомъ рождаются, а не дѣлаются. Nascitur non fit. Но это не значитъ, что реально въ основѣ кастоваго режима и его существованія лежатъ расовыя различія. Мы уже разсмотрѣли эту точку зрѣнія и ее отклонили. Идея породы господствуетъ надъ кастовымъ режимомъ, именно какъ идея и притомъ, какъ идея, облеченная р е л и г і о з н о й санкціей. Въ началѣ этой идеѣ корреспондировалъ извѣстный антропологическій фактъ, но потомъ она стала вести независимое отъ этого факта существованіе. Идея, на которой зиждется превосходство брахмановъ, не есть просто расовая идея; это - р е л и г і о з н а я и д е я ч и с т о т ы. Эта чистота есть не антропологическое, а религіозно-ритуальное понятіе. Классъ воиновъ въ антропологическомъ смыслѣ такъ же чистъ, какъ классъ жрецовъ, но послѣдній пользуется исключительнымъ престижемъ въ силу той закрѣпленной за нимъ р е л и г і о з н о - с у щ е с т в е н н о й ф у н к ц і и, которую онъ осуществляетъ. Она, эта функція жертвоприношенія, дѣлаетъ его "священнымъ", т.е. въ одно и то же время внушающимъ и почтеніе и ужасъ. Онъ есть "табу". Тотъ, кто говоритъ съ богами, является самъ богомъ; тотъ, кто зажигаетъ священный огонь, самъ становится участникомъ этого огня.

Въ этихъ идеяхъ, на которыхъ покоится безконечное превосходство брахмановъ, и тѣмъ самимъ іерархія индійскихъ кастъ, - передъ нами примитивныя религіозныя идеи, лишь въ потенцированной и въ то же время утонченной формѣ. Такимъ образомъ, замкнутый культъ первичныхъ семейныхъ группъ препятствуетъ индійскимъ кастамъ смѣшиваться, а почитаніе таинственныхъ дѣйствій жертвоприношенія - вотъ что, въ конечномъ счетѣ, подчиняетъ эти касты кастѣ жрецовъ. Соціологическое изслѣдованіе Индіи не только не подтверждаетъ положеній "матеріалистической" философіи исторіи, а, наоборотъ, укрѣпляетъ тезисъ, доказываемый съ разныхъ сторонъ всѣми новѣйшими соціологическими изслѣдованіями: преобладающую роль, которую играетъ религія въ первичной организаціи общества.

Въ общемъ и цѣломъ, можно теперь категорически сказать, что кастовый строй основанъ на религіозномъ мотивѣ. Такому раздѣленію труда, корни котораго находятся въ области религіозныхъ вѣрованій, присущъ характеръ принудительности, обязательности. Человѣкъ, внѣ его находящейся силой, приставленъ къ занятію. Оно - его монополія, но въ то же время и занятіе монополизируетъ самаго человѣка, владѣетъ имъ самимъ: другое занятіе запрещено для него. Употребляя выраженіе первобытной религіи, должно сказать, что его занятіе "табуировано" для другихъ, чужія занятія - для него. Тутъ мы восходимъ къ первобытной религіи, къ первобытнымъ вѣрованіямъ, къ той системѣ соціально-религіозныхъ представленій, извѣстной подъ именемъ тотемизма, въ основѣ которой лежитъ своеобразный культъ, такъ называемаго, тотема. Тотемъ - терминъ индійскаго племени оджибваевъ, означаетъ "гербъ" родовой группы, клана, "гербъ", который изображаетъ предметъ, которому кланъ "поклоняется", оживотворяютъ культъ и съ которымъ кланъ считаетъ себя связаннымъ реальной родственной связью. Эта вѣра въ сродство извѣстнаго рода не есть вѣра символическая, на которую способенъ современный человѣкъ, а вѣра реальная, подлинная. Въ Африкѣ, напримѣръ, племя, посвященное змѣѣ, подвергаетъ новорожденнаго младенца испытанію: его оставляютъ среди змѣй, и если остается невредимымъ, нетронутымъ, его признаютъ законнымъ членомъ, входящимъ въ племя: въ случаѣ противоположнаго

исхода, его считаютъ незаконнымъ, "чужимъ", чуждымъ племени и убиваютъ. Когда убиваютъ животное-тотемъ, члены племени говорятъ: "зачѣмъ ты убилъ моего отца, брата и т.д.?" Это - реальная вѣра; она рождаетъ практическія представленія и дѣйствія и покоится - къ чему склоняются работы знаменитаго этнолога Фрэзера - на "суевѣрномъ" объясненіи самаго акта зачатія человѣка. Зачатіе объясняется вселеніемъ въ мать духа, а духъ, который вселяется, опредѣляется по обстоятельствамъ, ибо каждая мѣстность имѣетъ своихъ духовъ. Есть много вѣроятія въ томъ, что первобытная религія есть своеобразная соціальная магія. Люди не просто приспособляютъ вещи къ своимъ потребностямъ, а извѣстнымъ образомъ магически, ирраціонально воздѣйствуютъ на нихъ. Эта "соціальная магія" лежитъ въ основѣ первобытнаго раздѣленія труда общественной группы: если люди первоначально занимаются различными профессіями, то въ основѣ этого лежитъ магическая связь этихъ людей съ тѣми предметами, которымъ поклоняется данная группа. То есть тутъ мы видимъ не управленіе предметами путемъ раціональныхъ воздѣйствій на нихъ, а подчиненіе себѣ этихъ предметовъ магическими ирраціональными пріемами и способами. Вотъ къ какимъ основаніямъ восходитъ та окаменѣлость, которая наблюдается въ кастовомъ строѣ даже современнаго сложнаго индійскаго быта. Это явленіе въ связи съ его корнями даетъ общее объясненіе источниковъ профессіональнаго расчлененія общества. Уже изъ сказаннаго видно, что при такомъ установленіи генезиса основныхъ соціальныхъ явленій и процессовъ приходится не просто восходить къ фактамъ и изучать ихъ, а возстановлять соотношенія отдаленныхъ эпохъ по отрывочнымъ намекамъ, кое-гдѣ разбросаннымъ. Но если въ основѣ вѣрно, что соціальное раздѣленіе труда и профессіональная спеціализація занятій восходитъ къ религіознымъ мотивамъ, то отсюда ясно, что вообще соціальное дѣленіе не можетъ быть просто выведено изъ элементовъ и фактовъ экономическихъ. Съ этой точки зрѣнія правильно критическое указаніе, направленное противъ теоріи Шмоллера, что различіе соціальныхъ классовъ имѣетъ своей основой различіе профессіональныхъ занятій. Эта теорія въ сущности объясняетъ процессъ первоначальнаго образованія общественныхъ классовъ, приравнивая его къ процессу естественной дифференціаціи современныхъ людей, по-

ставленныхъ въ однородныя условія и лишь отличающихся различнымъ запасомъ профессіональныхъ навыковъ и умѣнья. Такое упрощенное представленіе не выдерживаетъ критики. Вопросъ ставится такъ: что имѣетъ болѣе первичное значеніе - различія имуществъ и уже на ихъ основѣ соціальная дифференціація занятій, или наоборотъ: дифференціація занятій образуетъ основу возникновенія соціальной дифференціаціи по имуществу. Вотъ къ чему сводятся разногласія между Бюхеромъ и Шмоллеромъ. Къ сожалѣнію извѣстная статья Бюхера, очень удачная съ внѣшней стороны, насильственно упрощаетъ сложность проблемы, вводя въ ея обсужденіе мотивы публицистическіе. "Теорія, которая выводитъ соціальное различіе изъ различія профессій, оправдываетъ существующее экономическое неравенство". Возможно, что такой мотивъ привходитъ, привмѣшивается при обсужденіи этой проблемы но вся полемика Бюхера и Шмоллера стоитъ подъ вліяніемъ этого публицистическаго мотива. Дѣло у нихъ сводится къ тому: считать ли существующее распредѣленіе имуществъ результатомъ подбора сильныхъ и лучшихъ элементовъ или считать его результатомъ того превосходства, которое существующее право частной собственности черезъ наслѣдственную передачу даетъ всякому, получающему извѣстное имущество. Если вопросъ ставится такъ, то обнаруживается сразу практическая подпочва всего спора. Но въ научномъ обсужденіи желательно исключить совершенно мысль о примѣненіи теоретическихъ выводовъ къ практикѣ современной дѣйствительности. Мнѣ не хотѣлось бы сейчасъ ставить трудный вопросъ о соотношеніи научныхъ выводовъ къ практикѣ жизни. Мнѣ важно подчеркнуть, что обсуждая спеціальный вопросъ о соотношеніи межъ имущественнымъ неравенствомъ и общественнымъ раздѣленіемъ труда слѣдуетъ ставить его внѣ практическихъ соображеній, ставить какъ вопросъ теоріи и исторіи. Бюхеръ говоритъ: "Въ виду этого, наслѣдственная теорія Шмоллера - конечно помимо воли ея автора - являетъ непривлекательныя черты соціальной философіи имущихъ классовъ. Она говоритъ человѣку низкаго происхожденія, почуявшему въ себѣ силу занять болѣе высокое положеніе въ профессіональной жизни: "оставь всякія надежды; твоя тѣлесная и духовная структура, твои нервы, твои мускулы, причинная зависимость межъ поколѣніями тянутъ тебя внизъ. Твои предки въ теченіе столѣтія были крѣпостными, твой отецъ

и дѣдъ были поденщиками, ты предназначенъ для подобной же профессіи". Мнѣ нѣтъ надобности доказывать, насколько выводы этого новаго ученія рѣзко противорѣчатъ нашему нравственному сознанію, нашему идеалу справедливости. Въ той стадіи этого недоказаннаго тезиса, въ которомъ это ученіе находится въ настоящее время, оно, по моему мнѣнію, опровергается довольно часто дѣлаемымъ наблюденіемъ, что весь путь отъ низшей до высшей точки современной культуры, отъ низшей до высшей ступени раздѣленія труда, отъ подножія до вершины соціальной лѣстницы продѣлывается въ обоихъ направленіяхъ въ теченіе одного поколѣнія. Нужно собственно удивляться что подобное ученіе могло возникнуть у народа, который среди своихъ гигантовъ мысли насчитываетъ Лютера, сына рудокопа, Канта, сына шорника, Фихте, сына бѣднаго сельскаго ткача, Винкельмана, сына сапожника, Гуса, сына садовника, не говоря уже о многихъ другихъ.

Существуетъ странный анекдотъ о кардиналѣ, отецъ котораго былъ свинопасомъ, и гордомъ своимъ происхожденіемъ французскомъ посланникѣ. Въ какомъ-то сложномъ дѣлѣ, въ которомъ кардиналъ умѣло и настойчиво защищалъ интересы церкви, посланникъ вспылилъ и попрекнулъ его происхожденіемъ. "Дѣйствительно, сказалъ кардиналъ, отецъ мой пасъ свиней; но если бы вашъ отецъ былъ свинопасомъ, то и вы бы остались тѣмъ же"*). Это, конечно остроумно и оживляетъ изложеніе, но не разъясняетъ, а даже затемняетъ проблему. Въ своей полемикѣ съ Шмоллеромъ, Бюхеръ говоритъ о томъ, что Шмоллеръ не дѣлаетъ никакихъ попытокъ біологически обосновать свое ученіе. И дѣйствительно у Шмоллера этого нѣтъ, но съ тѣхъ поръ возникло цѣлое научное теченіе, которое систематически проводитъ примѣненіе принципа наслѣдственности къ процессу соціальнаго расчлененія общества. Если бы Бюхеръ предвидѣлъ это движеніе, предвидѣлъ, что это теченіе мысли можетъ получить такое значеніе и блестящее развитіе, ему, конечно, пришлось бы усложнить свою теорію и посчитаться съ нею въ своей полемикѣ. Дѣйствительно, въ новѣйшее время трудами тѣхъ самыхъ ученыхъ, которымъ такъ много обязана теорія современной статистики, имена которыхъ неразрывно связаны съ новѣйшимъ усложненіемъ и углубленіемъ статистическаго мышленія и статистическихъ методовъ, трудами Га-

*) *К. Бюхеръ. -Происхожденіе народнаго хозяйства. Т. I. Стр. 114-115.*

мильтона и Пирсона выдвинуто построеніе, подчеркивающее значеніе наслѣдственности и наслѣдственной передачи не только навыковъ, но самой натуры для современнаго человѣчества, и тѣмъ самимъ для всей соціальной жизни. Это ученіе привело къ созданію особой дисциплины "евгеники"". "Евгеника" это ученіе о благорожденіи или облагораживаніи, усовершенствованіи человѣческой расы. Это ученіе исходитъ изъ той мысли, что въ натурѣ человѣка огромное, рѣшающее значеніе имѣетъ передача по наслѣдству физическихъ и духовныхъ свойствъ. Исходя изъ этого убѣжденія, "евгеника" считаетъ, что люди должны сознательно воздѣйствовать на передачу духовныхъ и физическихъ качествъ потомству, то есть примѣнять къ себѣ ту же точку зрѣнія, какую люди примѣняютъ, совершенствуя расу и породу животныхъ. Эти идеи можно представить въ каррикатурной формѣ и тогда вся теорія покажется чѣмъ-то дикимъ, нестерпимо-отвратительнымъ*),

Итакъ, "евгеника" въ упоръ ставитъ вопросъ, въ какой мѣрѣ соціальныя качества и преимущества отдѣльныхъ лицъ восходятъ къ унаслѣдованнымъ свойствамъ предковъ. Это тотъ же самый вопросъ, который въ менѣе рѣзко обрисованной формѣ былъ предметомъ разногласія Вюхера и Шмоллера. Въ связи съ этимъ вопросомъ возникаетъ и другой - въ какой мѣрѣ этотъ процессъ передачи поддается сознательному воздѣйствію и раціональному регулированію? И эти два вопроса могутъ быть обсуждаемы совершенно независимо отъ практической позиціи, Вами занимаемой,

---

*) *Такое изображеніе Вы найдете въ октябрьской книжкѣ "Русскаго Богатства", за 1912 годъ, въ статьѣ г. Діонео. Здѣсь"евгеника"характеризуется какъ "звѣриная философія"; я считаю прямо недопустимымъ трактовать огромные вопросы, вопросы первостепеннаго теоретическаго интереса и неизмѣримаго практическаго значенія, которые выдвинула"евгеника" въ такомъ несправедливомъ и демагогически-пошломъ тонѣ. Нужно, впрочемъ, сказать, что вина въ подобномъ отношеніи къ этимъ вопросамъ падаетъ отчасти и на тѣхъ, "евгенистовъ", которые въ теоретическую проблему некритически привносятъ свои практическія точки зрѣнія, опредѣляемыя ихъ идеалами и тенденціями. Но по существу"евгенистами"ставится дѣйствительно серьезнѣйшій для соціальной науки, независимо отъ того или иного направленія практическихъ выводовъ, основной вопросъ.*

отъ соціально-законодательныхъ мѣропріятій, Вами признаваемыхъ. И мы видимъ, что нѣкоторые "евгенисты", напримѣръ, являются противниками соціально-политическаго законодательства, такъ какъ оно увѣковѣчиваетъ соціально-несостоятельныя группы, поддерживаетъ слабость и тѣмъ ухудшаетъ расу. Другіе "евгенисты", наоборотъ, въ принципѣ, по крайней мѣрѣ, примыкаютъ, къ соціализму (Пирсонъ). Но безотносительно къ разрѣшенію подобныхъ вопросовъ, я долженъ опредѣленно высказаться вообще противъ некритическаго смѣшенія практическихъ вопросовъ и теоретическихъ проблемъ. Слѣдуетъ твердо помнить, что между теоретическимъ, научнымъ заключеніемъ и практическимъ выводомъ, конкретнымъ положеніемъ его, лежитъ огромное поле, вся сфера конкретныхъ и сложныхъ вопросовъ, которые нужно еще ярко освѣтить на основѣ тщательнаго и точнаго анализа.

Возвращаюсь къ обсужденію вопроса по существу. Въ общей формѣ вопросъ сводится къ тому, какую роль играетъ наслѣдственная передача свойствъ - физическихъ и духовныхъ - для соціальнаго развитія? Если объективно обозрѣть находящіеся въ нашемъ распоряженіи факты, невозможно отрицать огромное значеніе пріобрѣтеній предковъ для ихъ потомковъ и дальнѣйшихъ поколѣній: то, что пріобрѣтаетъ одно поколѣніе - положительное ли, либо отрицательное, - имѣетъ огромное значеніе и для этого поколѣнія и для дальнѣйшихъ. Какъ бы ни разрѣшать біологически чрезвычайно сложный и трудный вопросъ о наслѣдственной передачѣ извѣстныхъ благопріобрѣтенныхъ свойствъ, въ соціальной жизни, эта передача несомнѣнно происходитъ, можетъ быть, даже не только или не главнымъ образомъ при помощи біологическаго механизма наслѣдственности. Если угодно, экономистъ можетъ не задумываться надъ измѣненіями біологической природы человѣка, измѣненіями наслѣдственно пріобрѣтаемыми. Отвлекаясь отъ всего этого, онъ долженъ признать, что благопріобрѣтенныя личныя свойства и благопріобрѣтенное соціальное положеніе имѣютъ огромное значеніе для потомства; что путемъ накопленія извѣстныхъ душевныхъ свойствъ, являющихся въ самомъ общемъ и образномъ смыслѣ соціальнымъ капиталомъ, оказывается сильнѣйшее вліяніе на всю культуру и, въ этомъ не можетъ быть сомнѣній, именно на экономическую культуру. Такимъ образомъ,

не можетъ пс
тонъ изучилъ списки членовъ Королевскаго Общества, одной изъ старѣйшихъ научныхъ организацій въ мірѣ, и такимъ путемъ пытался прослѣдить судьбы потомковъ многихъ знаменитыхъ дѣятелей англійской науки, то есть установить наслѣдственную передачу высшихъ душевныхъ и умственныхъ свойствъ. Но констатируя фактъ наслѣдственной передачи извѣстныхъ душевныхъ свойствъ и подчеркивая ея огромное соціальное значеніе, мы только ставимъ проблему, рѣшеніе которой нѣкоторые скоро и легко судящіе сторонники "евгеники" считаютъ уже заранѣе даннымъ. Даже оставляя въ сторонѣ біологическій аспектъ проблемы, преднамѣренно оставаясь въ области соціальныхъ взаимоотношеній, мы видимъ огромныя трудности самой проблемы. На этой проблемѣ, между прочимъ можетъ быть показана вся опасность скороспѣлаго перенесенія аналогій и заключеній біологіи въ области соціальной жизни и экономическихъ явленій. Здѣсь очень легко впасть въ научное диллетанство, ставя на мѣсто дѣйствительныхъ рѣшеній мнимыя, которыя очень легко дѣлаются предметомъ эксплуатаціи публицистовъ, какъ реакціоннаго лагеря, такъ и враждебныхъ имъ публицистовъ другого стана. Одному наблюденію, которое можно формулировать такъ: культурныя пріобрѣтенія одного поколѣнія имѣютъ огромное объективное значеніе для поколѣній послѣдующихъ и вообще для дальнѣйшей культуры, и въ частности культура предковъ въ точномъ смыслѣ слова имѣетъ крупнѣйшее значеніе для послѣдующихъ непосредственно поколѣній, можно противопоставить другое столь же существенное и столь же непререкаемое наблюденіе, что группа замкнутая и сознательно въ себѣ замыкающаяся часто вырождается и падаетъ. И это вѣрно опять таки совершенно независимо отъ біологической, въ точномъ смыслѣ, стороны феномена наслѣдственности, вѣрно въ отношеніи соціальной стороны проблемы, вѣрно въ томъ смыслѣ, что для того, чтобы могъ происходить настоящій отборъ годныхъ и экономически-сильныхъ элементовъ, должно быть возможно шире поле для такого отбора. Въ силу этого общаго соотношенія всякая замкнутая группа подвергается опасности вырожденія и разрушенія.

Есть и чисто фактическія указанія, что извѣстнаго рода свойства не только передаются по наслѣдству, но и всего ярче

проявляются въ свѣжей, незатронутой средѣ. Если бы было вѣрно, что въ культурныхъ пріобрѣтеніяхъ имѣютъ значеніе только уже обнаружившіяся свойства родителей, то элементы низшихъ слоевъ были бы обречены быть всегда наслѣдственнымъ пассивнымъ пьедесталомъ для высшихъ классовъ, накопляющихъ культуру, стоя на плечахъ низшихъ. Теоретически возможно, конечно, и такое пониманіе процесса общественной эволюціи и общественнаго прогресса, но такое пониманіе прогресса не вяжется съ объективными фактами, которые доказываютъ, что накопленіе культуры происходитъ не только за перегородками высшихъ, въ томъ или иномъ смыслѣ привилегированныхъ, классовъ, но именно на всемъ полѣ общества, что подборъ происходитъ на всемъ пространствѣ общества, и наиболѣе годные элементы, лучшіе экземпляры "прокидываются", выражаясь дарвинистически, всюду. Если это наблюденіе правильно, то оно наводитъ на одну основную мысль, которую сторонники "евгеники" часто совершенно упускаютъ изъ виду. Совершенно правильно подчеркивая значеніе передачи по наслѣдству извѣстныхъ качествъ, они упускаютъ изъ виду другую сторону: совершенно непредвидѣнное и непредвидимое творчество высшихъ проявленій культуры въ новыхъ нетронутыхъ ею слояхъ, у которыхъ отсутствуютъ тѣ благопріобрѣтенныя условія, какія "евгенисты" стремятся сознательно усилить планомѣрными усиліями. Созданіе лучшихъ экземпляровъ человѣческой породы и творчество высшей культуры осуществляется не только по заранѣе придуманному плану сознательнаго творчества; рядомъ съ сознательнымъ и планомѣрнымъ творчествомъ идетъ творчество стихійное и безсознательное. Мысль подчинить прогрессъ опредѣленной программѣ покоится на одностороннемъ пониманіи его, на забвеніи того, что весь процессъ общественной жизни не можетъ быть раціонализированъ: творчество обладаетъ прогрессивнымъ и расширительнымъ характеромъ. Когда "евгенисты", тѣмъ представителямъ банально-демократическихъ воззрѣній, которые вѣрятъ, что каковы бы ни были свойства и качества, унаслѣдованныя индивидомъ отъ предковъ, стоитъ лишь примѣнить къ младенцу, появившемуся на свѣтъ Божій, раціональное воспитаніе и все будетъ отлично, возражаютъ, что всего воспитаніемъ нельзя достигнуть, что натура сильнѣе воспитанія, они возражаютъ не только своимъ противникамъ, но въ той же мѣрѣ и собственной теоріи. Вѣдь

основная мысль и уязвимая пята"евгеники"заключается въ томъ, что расширяя понятіе воспитанія и на біологическій процессъ размноженія, они упускаютъ изъ виду, что не все въ развитіи человѣческаго вида и человѣческой особи можетъ быть уложено въ планъ и осуществлено по плану. А поскольку они это упус - каютъ изъ виду, они сами являются такими же раціоналистами, какъ и ихъ крайніе противники. "Евгенисты" считаютъ необходи- мымъ принудительно предупреждать размноженіе больныхъ; хотятъ установить инстанцію, выдающую свидѣтельство на право размно- женія, необходимое для вступленія въ бракъ и выдаваемое на основаніи детальнаго клиническаго осмотра и наблюденія. Осно- вная идея"евгеники"не нова: она восходитъ еще къ Платону, къ идеямъ его "Политіи". Мысль о сознательномъ усовершенствова - ніи человѣческой породы совершенно планомѣрнымъ вмѣшатель- ствомъ общества, государства, власти, назовите какъ хотите, въ сферу такихъ проявленій личности, какъ бракъ и произведеніе себѣ подобныхъ, возникаетъ вполнѣ естественно. Ея ошибочность не въ томъ, что она нелиберальна; справедливо, конечно, что она претитъ нравственному самосознанію, что съ этической точ- ки зрѣнія каждый человѣкъ имѣетъ право и долженъ возстать про- тивъ подобныхъ посягательствъ на его самоопредѣленіе. Но здѣсь я говорю не объ этической сторонѣ проблемы"евгеники". Ошибоч- ность крайняго "евгенизма", что весь процессъ человѣческой жиз- ни онъ мнитъ подчинить плану, уложить въ извѣстную "техниче - скую"программу. Эта мысль, можно сказать, опасна самой задачѣ улуч- шенія человѣческой породы. Мы имѣемъ непререкаемыя свидѣтель- ства опыта, что совершенствованіе человѣка проявляется не только, какъ результатъ сознательнаго усилія человѣческой во- ли, что это процессъ стихійный, непредвидимый, не поддающій - ся полной и окончательной раціонализаціи. А уложить его въ "планъ" значитъ не усилить, а ослабить его. Исторія соціаль- наго развитія наталкиваетъ именно на такое пониманіе вопроса: всякая попытка предписывать жизни извѣстные пути, всякая по - пытка полнаго регулированія соціальныхъ отношеній, стихійныхъ по существу, не усиливаетъ, а ослабляетъ, не повышаетъ, а де- градируетъ культуру. Въ этомъ, именно, слабая сторона и каст- ваго строя, и сословнаго строя, и всякой соціальной связан - ности вообще, что живой процессъ, не поддающійся регулирова -

нію, стремятся замкнуть въ наперед установленныя рамки. Вотъ гдѣ неотразимое возраженіе противъ "евгеники", но оно не отрицаетъ ни значительной правды этого построенія, ни его практическаго значенія. Ошибочность и каррикатурность обнаруживаются тогда, когда "евгенисты" начинаютъ разсуждать, какъ уже облеченные властью администраторы и законодатели, когда, настаивая на необходимости властнаго вмѣшательства въ личную жизнь, на необходимости разрыва съ гуманными традиціями и съ соціальнымъ попеченіемъ о бѣдныхъ, они, если можно такъ выразиться, неправильно, не въ надлежащее мѣсто помѣщаютъ тотъ большой капиталъ истины, какой они въ своей теоріи обладаютъ. Конечно, нежелательно, чтобы общество вырождалось, въ частности, чтобы экономически и культурно наиболѣе слабые элементы общества имѣли большое потомство, но эту общую задачу нельзя осуществить простымъ предписаніемъ закона. И правъ потому Вюхеръ, говоря, что это путь, на который становится общество періода упадка. Но та же мысль сознательнаго совершенствованія расы и черезъ него всего общества и его уклада, сдѣлавшись достояніемъ личной свободной воли человѣка, должна стать основной идеей современнаго человѣчества. Въ самомъ дѣлѣ, каждый человѣкъ долженъ считать себя отвѣтственнымъ за потомство, которое онъ производитъ, отвѣтственнымъ не только въ экономическомъ отношеніи. Поскольку "евгенисты" ставятъ вопросъ о всесторонней индивидуальной отвѣтственности человѣка за самое существованіе и за судьбы его потомства, - они совершенно правы. Они неправы лишь, поскольку они отстаиваютъ неправильную и грубую форму воплощенія этой идеи, поскольку они этотъ тончайшій вопросъ человѣческой психики относятъ, да позволено будетъ такъ выразиться, къ предметамъ вѣдѣнія полицейскаго участка, поскольку они плодотворную идею совершенствованія расы облекаютъ въ реакціонную форму, ее извращающую.

Итакъ еще разъ, вся жизнь человѣка и въ томъ числѣ весь общественный процессъ слагаются изъ двухъ равноправныхъ областей, изъ которыхъ каждая имѣетъ равное право на существованіе: 1) изъ области, которая можетъ быть совершенно раціо-

нализирована, какъ субъектомъ общества, такъ и, въ частности, субъектомъ хозяйства, и 2) изъ области не поддающейся раціонализаціи, по существу ирраціональной *).

Идея, что всю жизнь можно раціонализировать, идея, поддерживаемая обоими крайними враждующими лагерями: и соціалистами, требующими полнаго и всецѣлаго, въ принципѣ, хозяйственнаго регулированія, и реакціонерами, настаивающими на этомъ основаніи на уничтоженіи покровительства слабымъ и отмѣнѣ соціальнаго законодательства, идея эта о б ъ е к т и в н о невѣрна. Человѣческая жизнь вся въ цѣломъ - и въ частности соціальная и хозяйственная жизнь - можетъ развить maximum совершенства и maximum творческихъ силъ лишь при условіи совмѣстнаго дѣйствія планомѣрной и сознательной дѣятельности человѣка и дѣйствія такихъ силъ, которыя по самому существу своему раціонализаціи со стороны человѣка не поддаются. Эта мысль, конечно, заключаетъ въ себѣ признаніе нѣкой имманентной границы для разумнаго творчества человѣка. Противъ нея можетъ быть выставлено, и дѣйствительно выставляется, облеченное въ торжественную и чрезвычайно эффектную форму возраженіе, будто не слѣдуетъ людямъ внушать идею, что человѣческій разумъ имѣетъ границы, что подобное подчеркиваніе ограниченности и предѣльности человѣческаго разума ведетъ не впередъ, на пути великой борьбы и великихъ достиженій, а назадъ, къ застою, къ остановкѣ. Однако, это возраженіе, несмотря на всю свою эффектность и на безспорное значеніе тѣхъ психическихъ силъ, къ которымъ оно апеллируетъ, опровергается не только объективно, фактами, но и должно быть отвергнуто по соображеніямъ практическимъ. Ни на одну минуту человѣкъ не можетъ допустить мысли, что все поддается его раціонализированію; допустить такую силу человѣческаго разума значитъ логически-неизбѣжно допустить, что когда-нибудь человѣческое творчество прекратится, разумъ человѣческій изсякнетъ. И символически-характерно, что философъ, учившій о безграничности человѣческаго разума, о неизсякаемости его творчества, пришелъ не болѣе, не менѣе, какъ

---

*) *Ср. мою статью "Основной дуализмъ общественно-экономическаго процесса и идея естественнаго закона" въ "Вопросахъ философіи и психологіи" за 1908 г. 2-ая глава изъ книги "Хозяйство и цѣна".*

къ отрицанію этого тезиса. А именно Гегель въ концѣ концовъ вообразилъ, что философское развитіе закончилось его системой.

Проблема раздѣленія труда затемняется, какъ я уже указалъ, тѣмъ, что смѣшиваются различные виды раздѣленія труда, которые надлежитъ различать, относя ихъ къ тѣмъ разнымъ единствамъ, которыя мыслятся нами, какъ таковыя. Такъ Бюхеръ различаетъ два принципа: 1) соединеніе труда и 2) раздѣленіе труда. Въ свою очередь соединеніе труда раздѣляется на 1) совмѣщеніе труда и 2) совмѣстный трудъ *).

Совмѣщеніе труда имѣетъ мѣсто, когда одно лицо соединяетъ въ себѣ разные виды труда. Совмѣстный трудъ предполагаетъ соединеніе труда многихъ или нѣсколькихъ лицъ, ихъ сотрудничество, въ выполненіи какой-либо единой трудовой задачи. Бюхеръ считаетъ совмѣщеніе труда и совмѣстный трудъ характерными для хозяйствъ бѣдныхъ капиталами, для примитивныхъ хозяйственныхъ отношеній. Но это - преувеличеніе исторической точки зрѣнія, ибо совмѣщеніе труда, какъ явленіе примитивнаго хозяйства, есть лишь одинъ аспектъ совмѣщенія труда вообще; съ другой же стороны, мы можемъ сказать, что сама хозяйственная жизнь рождаетъ совмѣщеніе труда. Итакъ, не только примитивныя, но и сложныя хозяйственныя отношенія рождаютъ то же явленіе, которое подходитъ подъ эту формулу. Въ элементарномъ хозяйствѣ одно лицо выполняетъ тѣ же функціи, которыя въ настоящее время являются функціями различныхъ лицъ. Но и въ современномъ хозяйствѣ существуетъ совмѣщеніе труда и оно выражается въ томъ явленіи, которое характеризуется какъ подсобное занятіе или подсобный промыселъ**). Деревня, какъ видно изъ статистики, вовлекается въ этой формѣ въ мѣновой кругооборотъ - и этотъ процессъ приводитъ къ развитію "подсобнаго труда". Германская статистика 1895 года показала, что около 5 милліоновъ изъ общаго числа населенія въ 20 милліоновъ имѣли подсобныя

---

*) *Этотъ переводъ терминовъ* " Arbeitsvereinigung" *и* " Arbeitsgemeinschaft " *представляется мнѣ гораздо болѣе выразительнымъ, чѣмъ переводъ т. Кулишера:"соединеніе"труда и"сотрудничество."*

**) *Ср. монографію* Otto Most Der Nebenberuf in seiner volkswirtschaftlichen Bedeutung, 1905.

занятія, причемъ въ процентномъ отношеніи подсобнаго занятія приходились на большіе города - менѣе 3 %, на города средней величины - около 5 %, на малые города - 13,5 %, на города наименьшей величины - почти 20 % и на деревни - почти 19 %. Отсюда явствуетъ положеніе подсобнаго занятія, какъ занятія промежуточнаго между сельскимъ хозяйствомъ и промышленностью. "Подсобный трудъ", который регистрируетъ эта статистика, означаетъ совмѣщеніе занятія сельскимъ хозяйствомъ съ какимъ-либо инымъ промысломъ въ одномъ лицѣ. Почти $^1/_3$ лицъ, упражняющихъ подсобныя занятія, падаетъ на жителей деревень.

Далѣе, совмѣщеніе труда обнаруживается и въ современномъ обществѣ, какъ расширеніе сферы женскаго труда. Женское подсобное занятіе есть этапъ въ привлеченіи женщины къ внѣдомашнему труду. Любопытно, что по даннымъ германской статистики число женщинъ, имѣющихъ подсобное занятіе, или вѣрнѣе число случаевъ женскаго подсобнаго занятія возросло съ 1882 по 1895 гг. съ 1.234.711 до 1.746.326 , то есть на 511.615 , что составляетъ 41,44 %; число мужскихъ случаевъ у м е н ь ш и л о с ь на 17,85 %. Это, главнымъ образомъ, женщины, занимающія въ хозяйствѣ положеніе членовъ семьи и прислуги. Это значитъ: домохозяйство, устроеніе потребленія и помощь главѣ хозяйства въ его работѣ для этихъ женскихъ членовъ хозяйства не даетъ уже достаточно труда и пропитанія. Такъ вынуждается совмѣщеніе труда. А тѣ, кто занимаются теперь подсобнымъ занятіемъ, впослѣдствіи будутъ заниматься имъ, какъ главнымъ. Такимъ образомъ, совмѣщеніе занятій есть явленіе, характеризующее не только простоту уклада хозяйственной жизни, но и его усложненіе.

Нужно сказать, что съ точки зрѣнія статистики, и въ частности статистики промышленной, занятіе женщины въ домохозяйствѣ, въ устроеніи потребленія, не есть "занятіе". Но съ общей экономической точки зрѣнія и въ особенности съ точки зрѣнія историко-экономической устроеніе потребленія вовсе не можетъ разсматриваться такъ. Оно вовсе не есть "незанятіе". Оно требуетъ массы труда и является именно въ глазахъ экономиста занятіемъ: когда жена или дочь рабочаго, или мелкаго ремесленника, или мелкаго служащаго начинаетъ заниматься на дому работой, которую ей даетъ какой-нибудь предприниматель или

посредникъ, къ ея домашней работѣ присоединяется другая работа, и это есть тоже явленіе совмѣщенія труда.

Это важно отмѣтить потому, что въ связи съ ростомъ населенія, съ его перемѣщеніемъ въ города, съ ростомъ городовъ, съ эмиграціей, съ квартирной нуждой выросла, напримѣръ, вся новѣйшая городская домашняя промышленность: конфекціонная промышленность, производство одежды, прежде всего готоваго платья. Это занятіе съ точки зрѣнія статистики есть не "подсобное занятіе", а главное занятіе. А въ то же время фактически мы тутъ имѣемъ передъ собой явленіе совмѣщенія труда: промысловый трудъ тутъ совмѣщается съ трудомъ домохозяйственнымъ. Это совмѣщеніе труда возникаетъ на почвѣ новѣйшаго капиталистическаго хозяйства и стоитъ въ связи съ развитіемъ парового транспорта и ростомъ большихъ городовъ.

Таковъ современный новѣйшій аспектъ того явленія совмѣщенія труда, которое Бюхеръ, увлекаясь своимъ чрезмѣрнымъ историзмомъ, вдвигаетъ въ рамку примитивныхъ экономическихъ отношеній. Тотъ огромный ростъ женскаго труда, которымъ отмѣчено новѣйшее экономическое развитіе, поскольку этотъ женскій трудъ есть трудъ женщинъ - матерей, дочерей, сестеръ, - живущихъ съ мужьями, отцами, братьями, и поскольку онъ сочетается съ домохозяйственной работой, означаетъ развитіе совмѣщенія труда.

Рядомъ съ совмѣщеніемъ труда стоитъ с о в м ѣ с т н ы й т р у д ъ . И о немъ тоже нельзя сказать, чтобы онъ былъ исключительно явленіемъ примитивныхъ хозяйственныхъ отношеній, какъ стремится показать Бюхеръ. По Бюхеру совмѣстный трудъ имѣетъ три основы: 1) особый душевный строй работника, препятствующій ему длительно работать въ одиночку; недостатокъ дисциплины одиночнаго труда, 2) недостатокъ физической силы, не позволяющій осилить данную трудовую задачу силой одного человѣка, 3) техническія условія, которыя приводятъ къ тому, что одна работа не можетъ быть произведена безъ другой, отъ нея отличной, безъ соединенія трудовыхъ процессовъ. Этимъ тремъ основаніямъ соотвѣтствуютъ три вида совмѣстнаго труда: 1) работа компаніей или хоромъ("Gesellschaftsarbeit" , "gesellige Arbeit"), 2) работа кучей или скопомъ, 3) связная работа или работа цѣпью.

Работа компаніей или хоромъ имѣетъ мѣсто въ томъ случаѣ, когда нѣсколько работниковъ соединяются во время работы, при -

чемъ, однако, каждый работаетъ самостоятельно. Исключительная цѣль подобнаго соединенія - психологическая: быть въ обществѣ во время работы, имѣть возможность при желаніи поговорить, не оставаться со своими мыслями наединѣ.

"Работа въ компаніи имѣетъ мѣсто, когда нѣсколько работающихъ соединяются вмѣстѣ, причемъ работа каждаго нисколько не зависитъ отъ хода работы другихъ. Каждый, слѣдовательно, работаетъ самостоятельно съ любой скоростью. Исключительная цѣль этихъ сборищъ - быть въ компаніи во время работы, говорить, шутить, пѣть и не оставаться со своими мыслями наединѣ.

Ученый, который лучше всего работаетъ въ полномъ уединеніи и тишинѣ, слыша это, пожметъ, быть можетъ, съ сожалѣніемъ плечами и не найдетъ этотъ предметъ достойнымъ вниманія. Но кто хоть разъ наблюдалъ толпу деревенскихъ бабъ за трепаньемъ льна или за полосканіемъ бѣлья на рѣчкѣ, кто прислушивался къ странствующимъ рабочимъ, полющимъ хлѣбъ, или къ жнецамъ за работой, кто слышалъ пѣніе маляровъ или итальянскихъ работницъ на виноградникахъ, тотъ совсѣмъ иначе отнесется къ этому. Чѣмъ ниже ступень развитія, на которой находится человѣкъ, тѣмъ труднѣе для него одному усидчиво и регулярно работать.

Лучшимъ же доказательствомъ значенія работы въ компаніи является то, что она почти повсюду на земномъ шарѣ получила своеобразную организацію. Напомню мѣста общественныхъ работъ и общинные дома дикарей, свѣтелки русскихъ кустарей, прядильни, въ которыхъ сходятся наши деревенскія дѣвушки..."*)

Чисто психологическая основа подобнаго соединенія трудящихся заключается въ исторически обусловленномъ недостаткѣ дисциплины труда въ одиночку. Занятнѣй, пріятнѣй работать вмѣстѣ съ другими, разъ присутствіе другихъ, работа рядомъ съ другими, не отзывается вредно на достиженіи результата. Это психологическое основаніе дѣйствуетъ на всѣхъ ступеняхъ развитія.

Подъ работой кучей или скученіемъ работы Бюхеръ разумѣетъ тотъ случай, когда пускается въ ходъ нѣкоторое множество однородныхъ рабочихъ силъ для достиженія какой-либо единой трудовой задачи, напримѣръ, для нагрузки большой тяжести, передвиженія балки, кошенія луга, травли во время охоты и др.

---

*) *К. Бюхеръ. - Возникновеніе народнаго хозяйства.*

"Работа сама по себѣ можетъ быть и по силамъ одному человѣку, но если онъ не можетъ исполнить ее въ опредѣленное время, то приложеніе нѣсколькихъ рабочихъ силъ является уже болѣе выгоднымъ. Это особенно важно при такихъ работахъ, которыя связаны съ опредѣленнымъ временемъ года или зависятъ отъ погоды. Соціальныя условія также могутъ вызвать необходимость ускоренія работъ"*).

Соціальную форму или организацію такой работы Бюхеръ видитъ въ, такъ называемыхъ, помочахъ или толокѣ. Однако, совершенно очевидно, что помочи или толока есть соціально - бытовой институтъ, который можетъ, такъ сказать, сопровождать любое взаимодѣйствіе людей въ трудѣ. Конечно, работа кучей можетъ обусловливаться исторически, но она существуетъ и тогда, когда необходимо множество силъ, чтобы преодолѣть препятствія, встрѣчающіяся при выполненіи какой-нибудь единой задачи. Работа кучей существуетъ на всѣхъ ступеняхъ хозяйства, при чемъ разумѣется понятно, что съ развитіемъ техники это концентрированіе трудовыхъ усилій можетъ принимать разнообразныя новыя формы, но поскольку существуетъ необходимость такой концентраціи разсматриваемая форма совмѣстнаго труда всюду наблюдается.

Связную работу Бюхеръ понимаетъ такъ: "Нѣкоторые виды дѣятельности требуютъ одновременнаго выполненія нѣсколькихъ различныхъ работъ. Эти работы дополняютъ другъ друга (дополнительныя работы) и, такъ какъ онѣ никакимъ образомъ не могутъ быть выполнены однимъ рабочимъ, то необходимо соединить въ одну расчлененную, но нераздѣльную группу нѣсколькихъ разнородныхъ рабочихъ. Такая группа при лѣсныхъ работахъ въ Баваріи и Австріи называется "пассъ", въ другихъ мѣстахъ - рота, труппа, банда.

Добывающая промышленность представляетъ не мало примѣровъ такой организаціи труда. Такъ, при уборкѣ съ поля сѣна или хлѣба нагружающіе, подающіе и сгребающіе остатки рабочіе, а при вязкѣ - сноповязы и податели представляютъ нераздѣльныя группы; при жатвѣ необходимо еще одно лицо, для того, чтобы сгребать ее, а при копкѣ картофеля - для собиранія остатковъ. Изъ области промышленности можно привести слѣдующіе примѣры: куз-

---

*) *К. Бюхеръ. - Возникновеніе народнаго хозяйства.*

ноць и работникъ, раздувающій огонь; [illegible] кающій веревки, и тотъ, который наматываетъ ихъ на колесо; рабочій, который кладетъ стѣну, и помощникъ, подающій ему кирпичи; рабочій, мостящій улицу, и другой, утрамбовывающій ее. Изъ другихъ областей: поваръ и вертельщикъ; кравчій, лакей и дворникъ; въ конкѣ - кучеръ и кондукторъ, въ лодкѣ - гребецъ и рулевой, затѣмъ - охотникъ и погонщикъ, надувальщикъ мѣховъ и органистъ, барабанщикъ и флейтщикъ, театральная труппа, оркестръ. Перечень этотъ можно было бы продолжить и дальше.

Во всѣхъ этихъ случаяхъ мы имѣемъ дѣло не съ работами, возникшими путемъ раздѣленія труда и затѣмъ соединенными, а съ совершенно разнородными дѣйствіями, которыя не могутъ существовать каждое въ отдѣльности и поэтому всегда совершаются одновременно. Успѣшность каждой изъ этихъ работъ зависитъ отъ всѣхъ прочихъ, всѣ онѣ содѣйствуютъ другъ другу и лишь всѣ вмѣстѣ составляютъ одно цѣлое. Въ виду этого, участвующіе въ работѣ должны приноравливаться другъ къ другу; они должны работать рука объ руку, и каждый въ отдѣльности ничего сдѣлать не можетъ. Его трудъ самъ по себѣ не имѣлъ бы никакого значенія" *).

Неясно и несостоятельно тутъ противопоставленіе связной работы раздѣленію труда. Связная работа можетъ быть именно раздѣленіемъ труда - путемъ расчлененія самой трудовой задачи. По существу ясно, что задача гребца и рулевого - одна, и когда вы ѣдете одни въ лодкѣ, то вы и гребете и правите. Кучеръ и кондукторъ дилижанса или омнибуса и фактически могутъ быть однимъ и тѣмъ же лицомъ; въ конкѣ это неудобно, а въ трамваѣ и прямо фактически неосуществимо, но принципіально даже и здѣсь это мыслимо. Въ третьемъ изданіи Бюхеръ приводитъ еще такіе примѣры связнаго труда: судья и протоколистъ, врачъ и фельдшеръ; но вѣдь мы знаемъ примѣры, когда судья (напримѣръ мировой) самъ пишетъ протоколы, а врачъ, въ огромномъ большинствѣ случаевъ, самъ выполняетъ тѣ манипуляціи, которыя онъ поручаетъ фельдшеру, если въ его распоряженіи есть таковой.

По существу связный трудъ есть ни что иное, какъ раздѣле -

---

*) *К. Бюхеръ. - Возникновеніе народнаго хозяйства.*

ніе труда и принципіальное противопоставленіе одного другому, которое дѣлаетъ Бюхера, несостоятельно.

Въ самомъ ученіи о раздѣленіи труда, какъ я уже указалъ, существенно уяснить себѣ, что р а з д ѣ л е н і е (въ смыслѣ процесса и въ смыслѣ комбинаціи, то есть въ смыслѣ д ѣ л е н і я, которое п р о и с х о д и т ъ, и въ смыслѣ д ѣ л е н і я, которое с у щ е с т в у е т ъ) можетъ быть относимо къ тремъ различнымъ "единствамъ": къ обществу, къ хозяйству, къ производственному, или общѣе къ трудовому процессу, единство котораго въ каждый данный моментъ образуетъ извѣстное производственное или трудовое цѣлое. Единства эти суть, конечно, реальныя явленія, но въ то же время они и продукты нашего синтеза, въ основу котораго мы кладемъ какой-нибудь опредѣленный признакъ.

"Раздѣленіе труда" внутри общества есть раздѣленіе занятій. Оно не ограничивается экономической областью и тѣсно связано съ явленіями соціальнаго могущества, со всѣмъ соціальнымъ строемъ. "Раздѣленіе труда" внутри хозяйства есть, какъ я уже развивалъ, въ главной своей исторически основной формѣ раздѣленіе труда между мужчиной и женщиной. При этомъ можно для ясности добавить, что трудъ можетъ быть въ дѣйствительности никогда не былъ п о д ѣ л е н ъ, но онъ всегда былъ р а з д ѣ л е н ъ между мужчиной и женщиной.

"Раздѣленіе труда" внутри даннаго, мыслимаго нами, какъ е д и н ы й, трудового процесса есть извѣстное приспособленіе и комбинація личныхъ силъ и вещныхъ элементовъ, участвующихъ въ этомъ процессѣ. На этомъ случаѣ раздѣленія труда фиксировала все свое вниманіе политическая экономія. Но именно этотъ случай требуетъ внимательнаго детальнаго анализа и представляетъ громадную историческую сложность. Эта проблема съ одной стороны соприкасается съ проблемами техники и ея развитія, съ другой стороны переплетается съ проблемой раздѣленія труда внутри общества и съ отношеніями собственности. Необходимъ поэтому чрезвычайно детальный и тонкій анализъ, чтобы уяснить себѣ соотношеніе между явленіями раздѣленія труда, въ точномъ смыслѣ раздѣленія труда внутри даннаго производственнаго единства, и тѣми явленіями, которыя вырастаютъ на почвѣ спеціализаціи занятій и на основѣ "распредѣленія" собственно-

сти и отношеній соціальнаго могущества. То, что занимаетъ экономистовъ: проблема усложненія и усложненнаго взаимодѣйствія предпріятій есть не чистая проблема раздѣленія труда, а сложная переплетенная проблема соотношенія занятій и распредѣленія собственности.

Такъ, когда, мы нарочно отвлекаемся отъ дѣйствительной хозяйственной жизни и беремъ самый простой случай, мы разсуждаемъ о предпріятіи, каковое принадлежитъ одному собственнику, въ которомъ собственникъ-предприниматель является душой хозяйства. Въ новѣйшее же время, какъ мы знаемъ, предпріятіе, оставаясь единымъ какъ производственное цѣлое, часто принадлежитъ неопредѣленному числу лицъ, т.е. съ точки зрѣнія отношеній собственности какъ бы разрѣзывается на множество, подчасъ мелкихъ, кусковъ. Такова напримѣръ желѣзная дорога или крупная фабрика, принадлежащая акціонерному обществу. Акціонерныя предпріятія съ точки зрѣнія собственности представляютъ нѣчто совсѣмъ иное, чѣмъ съ точки зрѣнія производства и даже управленія. А съ другой стороны, единое предпріятіе, принадлежащее одному хозяйственному субъекту, можетъ распадаться на рядъ производственныхъ цѣлыхъ (предпріятіе Круппа, распадающееся на нѣсколько десятковъ Betriebe!).

## *СОБСТВЕННОСТЬ.*

Я въ общихъ чертахъ обозрѣлъ передъ Вами историческія черты тѣхъ явленій, которыя объединяются подъ категоріями "потребность" и "трудъ". Теперь по плану я перехожу къ обмѣну. Но обмѣнъ уже предполагаетъ явленіе, представляющее ту особенность, что оно явно стоитъ какъ бы на рубежѣ экономическихъ и юридическихъ явленій. Настоящій обмѣнъ есть не просто перемѣщеніе благъ изъ однѣхъ рукъ въ другія. Обмѣнъ, это - возмездное добровольное перемѣщеніе благъ изъ одного хозяйства въ другое. И такой обмѣнъ предполагаетъ явленіе, которое мы называемъ собственностью. Собственность - понятіе юридиче-

ское и въ то же время понятіе и соціально-психологическое, объемлющее факты, имѣющіе громадное значеніе для развитія экономическихъ отношеній. Собственность предполагаетъ то, что можно назвать "оккупаціей", захватомъ, но правильно замѣчено, что одной оккупаціей собственность не можетъ быть исчерпывающимъ образомъ опредѣлена. Для понятія собственности необходимо владѣніе или овладѣніе, то есть, необходимо, чтобы хозяйствующій субъектъ (индивидъ или группа) не только захватывалъ данный предметъ, но и приводилъ въ движеніе силы, назначеніе которыхъ - отстаивать исключительное распоряженіе предметомъ, который данный субъектъ (временно или постоянно) оккупируетъ или эксплуатируетъ. Такимъ образомъ, не вдаваясь въ юридическое разсмотрѣніе вопроса, съ точки зрѣнія экономической можно сказать, что собственность есть оккупація или завладѣніе, въ силу котораго одинъ хозяйствующій субъектъ исключаетъ другихъ субъектовъ изъ пользованія даннымъ благомъ или совокупностью благъ. Отсюда ясно, что проблема собственности вообще шире проблемы индивидуальной собственности, съ которой ее часто отождествляютъ или смѣшиваютъ. Болѣе того, проблема собственности, въ томъ экономическомъ смыслѣ, въ которомъ я о ней говорю, возникаетъ не только въ примѣненіи къ человѣку. Въ нашемъ смыслѣ вполнѣ правомѣрно говорить о зачаткахъ собственности и у животныхъ. Біологи говорятъ даже - и не безъ основаній - о собственности въ растительномъ царствѣ; наконецъ, что можетъ показаться прямо смѣхотворнымъ, ставится вопросъ даже о собственности въ минеральномъ царствѣ, у кристалловъ!

Фактъ собственности въ животномъ царствѣ прикрѣпляется совершенно ясно 1) къ пищевой площади - территоріи охоты, пастьбы, 2) къ пищевому запасу, 3) къ жилищу, или еще общѣе - къ пріюту. У человѣка собственность прикрѣпляется еще 1) къ орудіямъ и оружію, 2) къ одеждѣ, 3) къ территоріи не только для охоты и пастьбы, но и къ агрикультурной площади, равно какъ и вообще къ землѣ въ разныхъ ея назначеніяхъ, 4) въ связи съ землей къ пріюту и жилищу.

Впрочемъ, орудія и оружіе, какъ объекты завладѣнія, встрѣчаются и у животныхъ: мы знаемъ, по крайней мѣрѣ, у нихъ временное употребленіе предметовъ съ такимъ назначеніемъ. И въ связи съ употребленіемъ такихъ предметовъ возникаетъ и у жи-

вотныхъ идея о с в о е н і я или исключительнаго пользованія, лежащая въ основѣ нашего понятія собственности. Дарвинъ разсказываетъ, что одна обезьяна Лондонскаго зоологическаго сада со слабыми зубами не разгрызала орѣхи, а разбивала ихъ камнемъ. Этотъ камень она прятала и ревниво оберегала отъ другихъ обезьянъ. Дарвинъ правильно подчеркнулъ, что тутъ мы имѣемъ дѣло съ зачаточной формой идеи и факта собственности.

Обозрѣвая понятіе собственности въ самыхъ широкихъ перспективахъ, мы видимъ, что собственность коллективная и собственность личная не суть двѣ стадіи одного соціальнаго явленія, а суть какъ бы два параллельныхъ и нерѣдко совершенно независимыхъ "проявленія" одного общаго "начала", пріурочиваемаго къ различнымъ субъектамъ хозяйства. Біологически собственность вытекаетъ изъ потребности самосохраненія; отсюда - собственность на предметы потребленія, на запасы пищи. Отсюда же собственность на пріютъ и жилище. Эти первичные виды собственности принимаютъ индивидуальную, семейную или общественную форму, соотвѣтственно тому, кто является носителемъ "самосохраненія", индивидъ, семья, которая является выраженіемъ факта размноженія, основаннаго на половомъ инстинктѣ, или, наконецъ, какая-нибудь общественная группа, продуктъ чистаго обобществленія. Эти три формы, или три линіи собственности параллельны-и даже часто независимы одна отъ другой. Итальянскій ученый Петруччи, занимавшійся изслѣдованіемъ явленій собственности въ растительномъ и животномъ царствахъ*), даетъ такую общую соціологическую характеристику явленія собственности:

1) Собственность есть явленіе тѣсно связанное съ первыми обнаруженіями Жизни; это положеніе есть лишь другое выраженіе того, что я сказалъ выше, а именно, что собственность вытекаетъ изъ біологическаго факта самосохраненія.

2) Она прежде всего есть явленіе индивидуальное и явленіе индивидуальнаго приспособленія.

3) Она принимаетъ форму индивидуальную, когда она опредѣляется біологическимъ закономъ самосохраненія индивида.

---

*) R.Petrucci. Les origines naturelles de la propriete. Essai de sociologie comparee. Bruxelles - Leipzig, 1905.

4) Она принимаетъ семейную форму, когда она опредѣляется закономъ самосохраненія вида, осуществляемаго на основѣ полового инстинкта.

5) Она принимаетъ форму коллективную, когда она опредѣляется закономъ самосохраненія вида, осуществляемаго въ явленіяхъ обобществленія, независимыхъ отъ семейной группировки.

6) Индивидуальная, семейная, коллектирная формы собственности суть специфически различныя формы:

а) индивидуальная форма характеризуется тѣмъ, что она отражаетъ строеніе и дѣятельность животнаго, взятаго изолированно;

в) семейная форма характеризуется преобладаніемъ тенденціи обобществленія, которая ограничивается прямою родственною связью;

с) форма коллективная характеризуется безусловнымъ преобладаніемъ тенденціи обобществленія.

Такова общая схема этого правового института, развертывающагося въ тонкія и сложныя системы.

Выше я указалъ, что орудія и оружіе, спорадическія примѣненія которыхъ встрѣчаются въ животномъ царствѣ, все таки есть въ общемъ и цѣломъ нѣчто специфически человѣческое. Недаромъ Франклинъ назвалъ человѣка "toolmaking animal" "животнымъ, дѣлающимъ орудія". Животныя приспособлялись къ борьбѣ за существованіе тѣмъ, что всякому новому врагу или преслѣдователю животное должно было противопоставить развитіе и усовершенствованіе своихъ органовъ, частей своего тѣла (когти, рога, ноги!), то есть, оно должно было приспособляться къ новой обстановкѣ п р е о б р а з о в а н і е м ъ своего тѣла. Человѣкъ, съ того момента, какъ онъ совершилъ рѣшительный шагъ, ставъ на заднія конечности, началъ реагировать на природную обстановку не преобразованіемъ своего тѣла, не приспособленіемъ своихъ органовъ, а изобрѣтеніемъ орудій и оружія, одежды и жилища.

И въ силу этого человѣкъ вышелъ и въ біологическомъ смыслѣ изъ состава животнаго царства,- ибо такой способъ реакціи на природную обстановку есть фактъ и б і о л о г и ч е с к и значительный и основной.

Съ точки зрѣнія собственности орудіе и оружіе, а также

одежда имѣетъ потому огромное значеніе, что будучи, такъ сказать, продолженіемъ тѣлесной личности человѣка, они составляютъ первое и естественное воплощеніе идеи собственности и притомъ по преимуществу собственности личной. Личный характеръ этой собственности выражается въ томъ, что иногда, она умираетъ вмѣстѣ съ владѣльцемъ - извѣстно, что эта собственность слѣдуетъ за собственникомъ въ могилу. Существуетъ ритуалъ, согласно которому орудія и оружіе кладутся въ могилу вмѣстѣ съ умершимъ собственникомъ ихъ и погибаютъ, какъ таковыя, для потомковъ, возникая въ отдаленномъ будущемъ вновь лишь, какъ матеріалъ этнографическихъ и археологическихъ изслѣдованій и догадокъ.

Не слѣдуетъ однако преувеличивать отмѣченнаго момента, такъ какъ рядомъ съ нимъ существуетъ уже на первыхъ ступеняхъ и передача собственности по наслѣдству. При этомъ личная собственность не умираетъ съ собственникомъ, а лишь мѣняетъ личность собственника.

И одежда является личной собственностью по преимуществу, что стоитъ въ связи съ той функціей, которую она выполняетъ. Конечно, одежда есть непосредственно результатъ приспособленія къ внѣшней природной обстановкѣ, къ данной географической, и прежде всего климатической, средѣ и въ этой своей функціи она даже приближается къ элементарнымъ приспособленіямъ животныхъ, возникающимъ по тѣмъ же мотивамъ; такъ, напримѣръ, часто люди одѣваютъ не одежду, а покровъ изъ травъ, чтобы предохранить себя отъ очень сильнаго дѣйствія дождя, то есть обращаются къ тѣмъ же мѣрамъ, какія очень нерѣдко примѣняютъ и животныя. Но, съ другой стороны, одежда - какъ я уже на это указывалъ и подробно развивалъ при изученіи исторіи потребностей - служитъ потребностямъ крайне и исключительно индивидуалистическимъ: отличія, выдѣленія. И не случайно поэтому къ ней прикрѣпляется фактъ и институтъ индивидуальной собственности.

Я указалъ, что обмѣнъ мыслимъ и фактически осуществляется лишь на основѣ факта и идеи собственности; съ другой стороны, можно категорически установить, что ни личная, ни какая другая собственность не есть вовсе сама по себѣ явленіе высокой культуры. Здѣсь можно установить общее положеніе: въ разные

періоды идея собственности имѣетъ разныя сферы, разный объемъ.

Какъ собственность, такъ и опирающійся на нее обмѣнъ образуютъ нѣчто основное и неразрывно связанное со всѣмъ хозяйственнымъ бытомъ человѣка уже на очень раннихъ его стадіяхъ. Только привычка отъ конкретныхъ впечатлѣній очень скоро заключать къ общимъ и основнымъ чертамъ создала ту тенденцію мысли, при которой первобытный хозяйственный строй рисуется чертами противоположными современному хозяйственному строю. И эта особенность рѣзко сказалась въ ученіи объ обмѣнѣ. За основѣ свѣдѣній путешественниковъ, которые въ 17 - 18 вѣкахъ впервые столкнулись съ первобытными народами, на основѣ ихъ впечатлѣній, не подвергавшихся анализу и сортировкѣ, возникъ предразсудокъ, что первобытные народы не имѣютъ представленія объ обмѣнѣ.

Нужно сказать, что вообще наукѣ въ этомъ отношеніи не повезло: когда европейцы столкнулись съ первобытными народами, они не только не выработали методовъ изученія этихъ объектовъ, но даже не умѣли и не могли объэктивно отнестись къ открывшемуся передъ ними новому міру явленій: они просто регистрировали все, что поражало ихъ, что производило на нихъ впечатлѣніе, что "лѣзло имъ въ глаза". Работа критическаго наблюденія и систематическаго изученія этихъ фактовъ могла начаться лишь тогда, когда самый матеріалъ весьма сильно сократился: нѣкоторые изъ первобытныхъ племенъ исчезли или "угасли", соприкосновеніе другихъ съ европейцами видоизмѣнило самый матеріалъ наблюденія. Въ силу всего этого создалось и поддерживается до сихъ поръ примитивное противопоставленіе первобытныхъ народовъ развитымъ, противопоставленіе, не выдерживающее научной критики. Между прочемъ Бюхеръ, полемизируя съ А. Смитомъ, отрицаетъ наличность самаго феномена обмѣна на всѣхъ ступеняхъ экономическаго развитія, при чемъ онъ отправляется отъ некритическихъ представленій европейцевъ, столкнувшихся съ первобытными племенами. Но даже эти некритическія наблюденія должны были бы наводить на нѣкоторыя сомнѣнія въ данномъ отношеніи: съ одной стороны, говорятъ, первобытные люди не имѣютъ представленія объ обмѣнѣ, а съ другой - несомнѣнные факты доказываютъ, что первобытные люди, наоборотъ, проявляютъ такое

пониманіе экономическихъ явленій, какое заставляетъ сомнѣваться въ отсутствіи у нихъ представленій объ обмѣнѣ. Мы знаемъ, что при своихъ столкновеніяхъ съ европейцами первобытные люди оказывались глупыми и свои продукты - цѣнные и высококачественные - охотно отдавали за разные европейскіе пустяки. Но тѣ же наблюдатели сообщаютъ, что когда предложеніе европейцевъ росло, когда предлагаемая имъ дребедень съ избыткомъ покрывала спросъ на нее, первобытные переставали быть глупыми, начинали разсуждать и дѣйствовать совсѣмъ по-цивилизованному. Обнаруживалось дѣйствіе "закона спроса и предложенія": спросъ уменьшился, а предложеніе росло, и капитаны европейскихъ судовъ вынуждены были регламентировать торговыя сношенія экипажа съ первобытными, дабы не портить рынка. Здѣсь, какъ мы видимъ, обнаруживались нѣкоторые общіе мотивы, лежащіе въ основѣ явленій обмѣна. Либо первобытные люди оказывались очень сообразительными, либо утвержденіе, что идея обмѣна чужда первобытному человѣку, вообще смахиваетъ на легенду.

Систематическое и критическое истолкованіе фактовъ приводитъ къ совершенно не тѣмъ выводамъ, какіе установилъ Бюхеръ. Замѣчу, что Бюхеръ, между прочимъ, пользуется и такимъ аргументомъ: слово "обмѣнъ" (Tausch) въ нѣмецкомъ языкѣ филологически связано со словомъ "обманъ" (tauschen). Аргументъ этотъ, очень сильный съ перваго взгляда, на самомъ дѣлѣ есть просто плодъ плохой освѣдомленности Бюхера. Слово täuschen довольно поздняго происхожденія и не можетъ вовсе служить доказательствомъ того, что первобытное сознаніе воспринимало обмѣнъ, какъ обманъ. Наоборотъ, латинское слово pretium - цѣна восходитъ къ корню, который означаетъ равенство или эквивалентность. Это сближеніе указываетъ, что въ характеристику обмѣна входитъ основной чертой эквивалентность, то есть равенство, а равенство предполагаетъ справедливость и лойяльность обмѣна. Происхожденіе слова обманъ отъ слова обмѣнъ относится къ той категоріи явленій, которыя нѣкоторые современные языковѣды характеризуютъ, какъ ухудшеніе или пейоризацію понятій. Слова мѣняютъ свое значеніе и пріобрѣтаютъ при этомъ иногда неблагопріятный, худшій смыслъ, претерпѣваютъ "порчу". Такъ "демонъ", слово, значеніе котораго въ наше время совершенно устойчивое и опредѣленное - злой духъ, въ древности, у гре -

ковъ, имѣлъ значеніе и Божества. Или изъ другой области: отъ корня шеге ("заслуга") отвѣтвляется понятіе и слово "проститутка" - meretrix. Однимъ словомъ, расхожденіе значенія словъ въ разныя стороны является широко-наблюдаемымъ фактомъ. При пользованіи подобными филологическими аргументами слѣдуетъ всегда проявлять большую осторожность и остерегаться скороспѣлыхъ выводовъ и сближеній, какъ - бы они ни были соблазнительны.

Гораздо болѣе критическому пониманію соотвѣтствуетъ то предположеніе, что обмѣнъ именно первоначально воспринимался, какъ обмѣнъ эквивалентовъ, и лишь затѣмъ, впослѣдствіи къ этому значенію привходятъ, примѣшиваются тѣ элементы, которые сближаютъ обмѣнъ съ нелояльнымъ дѣйствіемъ обмана.

Въ настоящее время мы можемъ совершенно категорически утверждать, что всѣ первобытные народы знаютъ обмѣнъ, либо между разными племенами, либо внутри единаго племени. И характеръ лояльности акта обмѣна подчеркивается довольно ясно нѣкоторыми психологическими особенностями, которыя свойственны обмѣну разсматриваемой эпохи. Первоначальный обмѣнъ разсматриваемый со стороны формальной - и это существенно и характерно для его психологіи - есть нѣчто промежуточное между дареніемъ и куплей-продажей. Первобытный человѣкъ гораздо деликатнѣе, въ извѣстномъ смыслѣ, современнаго человѣка: онъ стремится не продать свое благо ближнему, а подарить его; но у него при этомъ наивная задняя мысль, которой онъ отличается отъ современнаго человѣка: въ его правосознаніи присутствуетъ идея, что если онъ подарилъ, то не только психологически возможно, но и обязательно, чтобы одаренный его отблагодарилъ.

Теперь мы, получая подарокъ, ограничиваемся благодарностью; впрочемъ въ "бытовомъ" сознаніи даже современнаго человѣка продолжаетъ жить идея, что должно "отблагодарить", что дарятель въ свою очередь долженъ быть одаренъ. Пережитки этой идеи особенно сильно сказываются еще и въ наше время въ дѣтской психикѣ. Такимъ образомъ обозначить такія сдѣлки просто какъ дареніе, было бы невѣрно: это - именно промежуточная

---

форма, - юридическая сдѣлка, стоящая посрединѣ между даромъ и обмѣномъ. Постольку эти акты напоминаютъ даръ, поскольку они выступаютъ какъ односторонніе акты; самая односторонность, однако, не полная: она выступаетъ на фонѣ психологіи ожиданія и обязательности встрѣчнаго дара. И наличность подобныхъ психологическихъ элементовъ даетъ намъ право трактовать это явленіе даренія, какъ дареніе - мѣну.

## *ИСТОРИЧЕСКАЯ ПРОБЛЕМА ЦѢНА - ЦѢННОСТИ.*

Послѣдовательность реальныхъ явленій, объемлемыхъ понятіемъ цѣны - цѣнности съ эмпирической точки зрѣнія можетъ быть двоякая: I) оцѣнка (субъективная) - рыночная цѣна = цѣнность (типическая), или же II) оцѣночное велѣніе власти = нормативная цѣнность - цѣна.

Отсюда явствуетъ, что оцѣнка можетъ выливаться, или реализоваться прямо и просто въ уравненія цѣны или въ мѣновыя пропорціи; или же велѣніе власти непосредственно или посредственно черезъ типическую цѣнность можетъ создавать нормы, которыя признаются нормами мѣновыхъ актовъ. Согласно этимъ нормамъ должны строиться отдѣльныя мѣновыя пропорціи.

То, что принято въ современной литературѣ трактовать подъ заголовкомъ "субъективная цѣнность", есть психологическій процессъ оцѣнки. Когда этотъ процессъ приводитъ къ мѣновому акту, мы имѣемъ передъ собой явленіе цѣны. Это явленіе по существу и интересуетъ экономиста. Рядомъ съ цѣной, надъ нею, или подъ нею не существуетъ никакого другого реальнаго экономическаго явленія. Цѣнность есть либо прямой приказъ о цѣнѣ, то есть назначенная "уставная" или "указная" цѣна, либо отвержденіе нѣкотораго множества свободныхъ цѣнъ въ оцѣночную среднюю. Цѣнность, какъ нѣчто отличное отъ цѣны, отъ нея независимое, ее опредѣляющее, есть фантомъ. Созданіе этого фантома вытекло изъ неискоренимой на извѣстной ступени научнаго развитія метафизической потребности - субстанціализировать и вообще фи-

ковать текучія явленія и отношенія, которыя предстоятъ намъ въ видѣ многообразныхъ и колеблющихся оцѣнокъ и цѣнъ; хотѣлось сквозь эту пеструю "внѣшнюю" сѣть пробиться къ чему-то единому и твердому, къ "неподвижной", "внутренней" цѣнности. Отношеніе между метафизически-объективной, субстанціальной теоріей цѣны - цѣнности и эмпирически субъективной психологической теоріей представляетъ съ точки зрѣнія общаго типа научной мысли, поразительную аналогію съ отношеніемъ между объясненіемъ горѣнія при помощи знаменитой теоріи флогистона, или явленій теплоты при помощи теплорода, и современными воззрѣніями химіи и физики на процессъ горѣнія и на явленія теплоты. Категорія объективной цѣнности есть лишь, такъ сказать, метафизическое удвоеніе категоріи цѣны. Соотношеніе между цѣной, какъ фактомъ, и цѣнностью, какъ нормой, есть проблема историко - соціологическаго изученія. Въ такомъ пониманіи цѣны и цѣнности между этими понятіями устанавливается связь, соотвѣтствующая реальному соотношенію явленій.

Свободному образованію цѣнъ соотвѣтствуетъ та цѣна, которую, слѣдуя красивому и давнему русскому словоупотребленію, мы назовемъ цѣной в о л ь н о й ; соціальному регулированію цѣны велѣніемъ власти соотвѣтствуетъ цѣна регулированная, нормированная, фиксированная; слѣдуя выразительному словоупотребленію русскихъ памятниковъ права XVII вѣка, мы назовемъ ее цѣной у к а з н о й . Возникаетъ вопросъ объ историческомъ соотношеніи этихъ двухъ формъ цѣны.

Ц ѣ н а у к а з н а я и ц ѣ н а в о л ь н а я.

Существуетъ взглядъ, согласно которому соціальное регулированіе цѣны предшествуетъ ея индивидуальному установленію: у к а з н а я ц ѣ н а с т а р ш е в о л ь н о й . И с т о р и ч е с к о е и з с л ѣ д о в а н і е не подтверждаетъ этого пониманія, наоборотъ оно говоритъ, чтѣ цѣна образуется на такъ или иначе существующемъ, или слагающемся въ каждый данный моментъ рынкѣ.

Соціальному регулированію извѣстную аналогію представляетъ регулированіе обязательствъ, возникающихъ изъ правонарушеній. Очень любопытно, что, для вознагражденія за правонарушеніе и цѣны употребляется въ нѣкоторыхъ случаяхъ одно и то же слово. Какая же эволюція происходитъ съ регулированіемъ вознагражденія этого рода? Схема развитія такова: уплата штра-

фа первоначально производится по добровольному соглашенію к свободное договорное возмѣщеніе лишь постепенно превращается въ возмѣщеніе нормированное или регулированное, пріобрѣтающее публично-правовой характеръ.

Но мы имѣемъ и другія доказательства того положенія, что вольная цѣна предшествуетъ указной. Открытый вначалѣ XX вѣка древнѣйшій писанный памятникъ права, законъ вавилонскаго царя Хаммураби, относящійся, какъ извѣстно, къ эпохѣ приблизительно за 2100 лѣтъ до Рождества Христова, заключаетъ легальные тарифы для услугъ разнаго рода. И вотъ чрезвычайно характерно, что тѣхъ тарифовъ вознагражденія за услуги, которые мы находимъ въ кодексѣ Хаммураби, нѣтъ въ еврейскомъ правѣ. Между тѣмъ еврейское право, будучи п о в р е м е н и позднѣйшимъ, чѣмъ законъ Хаммураби, весьма ему родственнымъ памятникомъ права, соотвѣтствуетъ гораздо болѣе примитивнымъ общественнымъ отношеніямъ и менѣе развитому хозяйственному укладу. Явленіе указной цѣны у евреевъ весьма слабо выражено и отступаетъ далеко на задній планъ предъ цѣной вольной, и этимъ болѣе примитивное еврейское право отличается отъ болѣе сложнаго вавилонскаго права. Чѣмъ болѣе мы подвигаемся по лѣстницѣ, уводящей насъ отъ болѣе примитивныхъ хозяйственныхъ отношеній и примитивнаго правообразованія, тѣмъ чаще мы встрѣчаемся съ явленіями тарификаціи цѣнъ, съ феноменомъ указной цѣны. Въ первоначальномъ римскомъ правѣ мы вовсе не встрѣчаемъ регулированія цѣнъ: есть свободное взаимодѣйствіе встрѣчающихся въ оборотѣ лицъ. Для дѣйствительности сдѣлки требуются лишь формальныя условія: сдѣлка считается законной, если выполнены опредѣленныя формальности, даже при явно несправедливомъ содержаніи самой сдѣлки. Въ этомъ отношеніи римское право широко толковало свободу договорныхъ отношеній въ сферѣ купли-продажи. Это широкое толкованіе шло такъ далеко, что свобода договорныхъ отношеній тутъ соприкасалась съ дозволительностью обмана. "Естественно и дозволительно при куплѣ-продажѣ обманывать другъ друга" говоритъ Помпоній. "Подобно тому, какъ при куплѣ-продажѣ естественно и допустимо продавать что-либо за цѣну, болѣе высокую, чѣмъ оно того стоитъ, и такимъ образомъ объегоривать другъ друга, такъ же правомѣрно это и при отдачѣ чего либо въ наемъ" - заявляетъ другой римскій юристъ Павелъ. Такимъ образомъ, несмотря на то, что римское право

охраняло покупателя, устанавливая строгую ответственность за фактическую и правовую доброкачественность продаваемаго объекта, эта охрана никогда не шла такъ далеко, чтобы устанавливать цѣны и никогда не оспаривала права свободнаго установленія цѣны. Римское гражданское право совершенно равнодушно взирало на борьбу контрагентовъ за цѣну и въ нее не вмѣшивалось.

Лишь гораздо позже въ томъ же римскомъ правѣ мы встрѣчаемся съ регулированіемъ цѣнъ, но примѣнительно къ той области, гдѣ выступала точка зрѣнія интереса общественнаго цѣлаго: греческое и римское право никогда не сомнѣвалось въ томъ, что государство (власть) имѣетъ право и обязано вторгаться въ установленіе цѣнъ на предметы первой необходимости, массоваго потребленія. Но регулированіе подобныхъ цѣнъ переводитъ насъ уже изъ среды гражданскаго права въ сферу права полицейскаго. По мѣрѣ того, какъ власть расширяетъ свой кругозоръ, она раздвигаетъ область примѣненія подобнаго регулированія, исходный пунктъ которой относится къ регулированію хлѣбныхъ цѣнъ. Регулированіе хлѣбной торговли мы встрѣчаемъ въ древнемъ мірѣ и оно представляетъ совершенно законченную систему въ Греціи, въ частности въ Аѳинскомъ государствѣ. Еще до открытія (въ концѣ 19 вѣка) трактата Аристотеля о государствѣ Аѳинскомъ, мы узнаемъ изъ дошедшихъ до насъ отрывковъ, что для надзора за снабженіемъ потребителей хлѣбомъ въ Аѳинахъ были созданы особыя должностныя лица, отличныя отъ лицъ, вѣдавшихъ прочія рыночныя дѣла. Эти хлѣбные надзиратели призваны были заботиться о томъ, чтобы зерно на рынкѣ продавалось справедливо, а затѣмъ, чтобы мельники продавали муку соотвѣтственно цѣнѣ ячменя, а пекари хлѣбъ - соотвѣтственно цѣнѣ пшеницы и согласно установленному вѣсу, ибо законъ предписываетъ имъ регулировать все это. Здѣсь мы находимъ прообразъ всего законодательства о хлѣбной торговлѣ, и среднихъ вѣковъ и новаго времени.

Регулированіе цѣнъ не ограничивается цѣнами на хлѣбъ, а распространяется на цѣны другихъ благъ, напримѣръ, топлива. И какъ разъ при регулированіи цѣнъ на топливо передъ нами впервые въ исторіи выступаетъ интересное явленіе точно установленной цѣны, явленіе prix - fixe. Государство предписываетъ продавать топливо не выше и не ниже опредѣленной цѣны. Любопытно, что при этомъ возбранялось продавать не только дороже, но и дешевле назначенной цѣны. Почему не дешевле? Вѣдь здѣсь регу-

диктуетъ цѣны не продавцы, а само государство. Здѣсь обнаружи-
ется своеобразное пониманіе интересовъ потребителей: это - по-
лицейско-правовая тенденція, направленная на охрану потребите-
ля - покупателя - предъ лицомъ продавца; послѣдній не въ
правѣ дифференцировать цѣну, каково бы ни было соціальное поло-
женіе покупателей. Такимъ образомъ, то, что теперь разсматри -
вается, какъ теоретическій постулатъ - единство цѣны - осуще-
ствляется на рынкѣ, какъ велѣніе государственной власти. Итакъ,
въ области снабженія общества благами, въ потребленіи кото-
рыхъ жизненнымъ образомъ заинтересовано все общество, выступа-
етъ полицейское регулированіе цѣны. Но это явленіе уже силь -
ной государственной власти и потому явленіе позднѣйшее. То,
что это регулированіе распространяется на объекты, въ коихъ
заинтересовано все общество, обусловливаетъ регулированіе нѣ-
которыхъ платъ за услуги.

Античный міръ почти не зналъ регулированія заработной пла-
ты и не нуждался въ такой нормировкѣ. Однако, нѣкоторые начат-
ки такой нормировки могутъ быть констатируемы и въ античномъ
мірѣ. Въ частности, когда услуга извѣстнаго рода предполага -
етъ извѣстную общественную заинтересованность, мы видимъ го -
сударственное полицейское регулированіе цѣнъ на услуги подоб-
наго рода. Такъ Аристотель разсказываетъ, что оплата арти -
стокъ подвергалась нормированію. " Десять астиномовъ (особые
органы надзора): пятеро изъ нихъ управляютъ въ Пиреѣ, пятеро
въ городѣ; сни слѣдятъ за флейтщицами, арфистками и киоарист-
ками, чтобы онѣ нанимались не дорже, чѣмъ за двѣ драхмы, и,
если нѣсколько человѣкъ захотятъ имѣть одну и ту же, то асти-
номы устраиваютъ жребій и даютъ ее въ наемъ тому, на кого вы-
палъ жребій". Рѣчь идетъ объ "артисткахъ", функціи которыхъ со-
прикасались, съ одной стороны, съ богослуженіемъ, съ другой, -
съ проституціей и, согласно воззрѣнію грековъ, на основаніи
обоихъ этихъ назначеній, разсматривались, какъ функціи, въ ко-
торыхъ было заинтересовано все общество. По одной надписи было
нормировано вознагражденіе банщиковъ.

Въ этихъ обоихъ случаяхъ: и въ вопросѣ о вознагражденіи
"артистокъ", которыя были въ то же время проститутками, и въ
нормировкѣ вознагражденія банщиковъ, мы имѣемъ дѣло не съ чис-
тыми гражданско-правовыми отношеніями, а съ такими отношеніями.

которыя разсматривались подъ сакрально-полицейскимъ угломъ зрѣнія. Это была область культа и порядка.

Въ общемъ и цѣломъ мы можемъ сказать, что именно въ практикѣ греческаго города-государства слагается фактъ и идея указной цѣны и въ связи съ этимъ и фактъ и идея "справедливой" цѣны. И первымъ въ литературѣ экономической политики выразителемъ идеи справедливой цѣны является Платонъ, формулировавшій въ своихъ "законахъ" эту идею, которая сыграетъ такую огромную роль въ средневѣковой христіанской экономически-правовой идеологіи. Соціально-политическія представленія, группирующіяся вокругъ идеи справедливой цѣны, отражая современную Платону греческую практику, передались по наслѣдству и практикѣ Рима и развились тамъ въ сложную законченную систему, знаменитымъ памятникомъ которой является Діоклеціановъ тарифъ. Діоклеціановъ тарифъ - роспись максимальныхъ цѣнъ для самыхъ разнообразныхъ благъ, числомъ около 800, начиная съ цѣнъ ячменя, мяса и кончая цѣнами услугъ учителей математики и адвокатовъ, изданный формально для всей имперіи и на всѣ времена. Это - памятникъ исключительный во всей міровой исторіи. Идея регулированія цѣнъ на всѣ времена, конечно кажется несообразной, но въ этомъ отношеніи Діоклеціановъ эдиктъ, конечно, оказался бумажнымъ, хотя и былъ написанъ на камняхъ.

Такимъ образомъ полицейское регулированіе цѣнъ сопровождаемое идеологіей справедливой цѣны, подготовляется въ греко-римскомъ мірѣ, и когда христіанство въ лицѣ его учителей и въ лицѣ власти принимаетъ эти идеи, оно лишь перерабатываетъ то, что было создано языческимъ міромъ, "христіанизируя" его причины. Такъ создалась средневѣковая практика и идеологія справедливой цѣны. Въ средніе вѣка продолжается та же практика регулированія цѣнъ, исходящая отъ власти. Не вдаваясь въ подробную характеристику этой политики, скажемъ, что регулированіе цѣнъ властью всегда стояло - сознательно или безсознательно -въ зависимости отъ стихійнаго процесса образованія цѣнъ. Стихійный процессъ образованія цѣнъ на рынкѣ былъ сильнѣе регулированія цѣнъ властью. Такъ было и съ Діоклеціановымъ эдиктомъ 301 года, гдѣ указныя цѣны были построены на основѣ рыночныхъ цѣнъ. Въ этой зависимости указной цѣны отъ рыночной выражается основной историческій фактъ историческаго первенства вольной цѣны надъ указной и основной экономическій

фактъ, что цѣна есть стихійный процессъ столкновенія воль и интересовъ и въ большинствѣ случаевъ не можетъ быть продиктована жизни извнѣ. И если власть желаетъ овладѣть рынкомъ, ей приходится взять цѣну, какъ она складывается на рынкѣ и превратить въ норму.

Областью, въ которой спеціально развивается и выпукло выступаетъ фактъ указной цѣны, является область денежнаго обращенія. Тѣсная связь денежнаго обращенія съ указной цѣной привела даже къ теоріи, что деньги образуются на основѣ первоначальнаго господства указной цѣны, на основѣ соціальнаго регулированія цѣнъ. Было подмѣчено, что тамъ гдѣ нѣтъ металлическихъ денегъ, создается все таки скала цѣнностей, на этомъ основаніи заключили, что деньги образуются на основѣ твердыхъ указныхъ цѣнъ, выражающихся въ скалѣ цѣнностей. Но эта теорія развитія денегъ, построенная на основѣ соціальнаго регулированія цѣнъ товаровъ, совершенно не можетъ быть согласована съ фактами и теоретически не продумана. Дѣло въ томъ, что въ деньгахъ самымъ важнымъ съ исторической точки зрѣнія элементомъ, самой важной ихъ функціей является ихъ функція, какъ платежнаго средства. Деньги являются и средствомъ обмѣна и мѣриломъ цѣны и цѣнностей, но, какъ вѣрно подмѣтилъ Кнаппъ, исторически и соціально-юридически существо денегъ въ томъ, что онѣ являются платежнымъ средствомъ.

Указной характеръ цѣны денегъ связанъ съ тѣмъ, что, во-первыхъ, государство или власть сама получаетъ уплаты и производитъ ихъ, и во-вторыхъ - деньги и денежное обращеніе являются для государства, въ его двойномъ качествѣ и получателя платежей и плательщика, сферой финансовой эксплуатаціи, или извлеченія доходовъ. Государство нормируетъ порядокъ уплаты въ интересахъ торговаго, или рыночнаго мира, а затѣмъ оно уже начинаетъ строить цѣну денегъ съ прямой цѣлью обогащенія, разсматривая денежное дѣло какъ объектъ финансовой монополіи.

Указной характеръ цѣны денегъ вытекаетъ такимъ образомъ изъ той ихъ функціи, которую Кнаппъ съ правильнымъ историческимъ чутьемъ поставилъ во главу пониманія всего явленія денегъ, изъ ихъ функціи какъ "платежнаго средства". Повидимому, всеобщимъ средствомъ обмѣна и мѣриломъ цѣнности, прежде всего становятся тѣ предметы, которыми первоначально производятся обязательные платежи.

Но вполнѣ естественно, что это суть въ тоже время по общему правилу наиболѣе обмѣноспособные, наиболѣе ходкіе товары. Деньги такимъ образомъ вырастаютъ изъ двухъ корней: изъ обмѣна (актъ двусторонній) и изъ уплаты (актъ односторонній). Но поскольку деньгамъ присущъ характеръ государственный, публично-правовой, онѣ вырастаютъ изъ "платежнаго" строя, изъ регулированія государствомъ порядка уплатъ.

Когда въ примитивныхъ условіяхъ устанавливается "цѣнностная скала" разныхъ товаровъ, - эта скала представляетъ не нормы "обмѣна", а нормы "платежа", обозначаетъ цѣны, которыя въ отличіе отъ цѣнъ "продажныхъ" я назову цѣнами "платежными", или "солюціонными". Поскольку платежъ можетъ быть реализованъ въ разныхъ предметахъ, всѣ эти разные предметы являются деньгами, фиксація же соотношенія между ними есть, по своему заданію и смыслу, не нормировка цѣнъ, а установленіе цѣны денегъ.

"Цѣнностныя скалы" суть не тарифы товарныхъ цѣнъ, а тарифы товаровъ-денегъ. Онѣ имѣютъ силу обычныхъ нормъ, вступающихъ въ дѣйствіе, когда отсутствуетъ соглашеніе контрагентовъ или когда законъ нормируетъ актъ платежа, вытекающаго изъ какихъ-либо правоотношеній (договора, деликта и т.д.).

Въ греческихъ памятникахъ настоящую фиксацію цѣны властью мы встрѣчаемъ какъ начало общее, а не экстраординарное, впервые въ формѣ фиксаціи цѣны денегъ. До насъ дошла надпись, относящаяся къ IV вѣку до Р.Х., касающаяся греческой колоніи на югѣ Россіи - Ольвіи (теперь Парутино, Херсонской губ.), гдѣ разрѣшается ввозъ и вывозъ чеканнаго золота и серебра: всякій желающій продать и купить золото и серебро долженъ продавать и покупать въ опредѣленномъ мѣстѣ и городскими деньгами. Нарушителю этихъ правилъ грозитъ конфискація. Любопытно отмѣтить, что этотъ законъ устанавливаетъ хожденіе по опредѣленному курсу опредѣленной золотой монеты, "статира Кизикскаго", а въ отношеніи всѣхъ другихъ монетъ разрѣшаетъ обмѣнъ по вольной цѣнѣ "какъ они убѣдятъ другъ друга". Въ этомъ памятникѣ ясно проведена черта между вольной и указной цѣной. И не случайно на греческой почвѣ мы встрѣчаемъ установленіе указной цѣны въ денежномъ обращеніи: государство здѣсь разсматривало денежное обращеніе, какъ сферу эксплоатаціи; отсюда возник-

ла въ Греціи порча монеты т.е. произвольное установленіе цѣны монеты. И эта практика перешла изъ Греціи въ Римскую Имперію, а оттуда черезъ средніе вѣка въ новое время, гдѣ она завершается рядомъ экспериментовъ съ бумажными деньгами. Вся исторія денежнаго обращенія доказываетъ, что хотя цѣна денегъ можетъ быть регулирована властью, но власть, однако, не всемогуща въ области денежнаго обращенія. Къ этому выводу приходитъ и сама власть на основаніи горькаго опыта экспериментовъ надъ деньгами. Тѣмъ не менѣе, даже и теперь, денежное обращеніе есть сфера, въ которой огромное значеніе имѣетъ управленіе государства, развертывающееся въ цѣлую систему денежной политики.

## *ТАРИФЪ И ВОЛЬНАЯ ЦѢНА* *).

Въ новѣйшее время въ условіяхъ свободнаго оборота замѣчается тенденція къ о п р е д ѣ л е н н о с т и цѣны. Prix fixe - заранѣе назначенная цѣна, которую можно принять или отвергнуть - становится особенно излюбленной формой; prix fixe какъ бы устраняетъ торгъ, борьбу за цѣну. Опредѣленная цѣна предполагаетъ, какъ будто, замѣну двусторонняго акта соглашенія о цѣнахъ "односторонне установленной нормой для множества односторонне осуществляемыхъ актовъ купли-продажи" **). Отсюда, повидимому одинъ шагъ до сближенія указной цѣны съ вольной. Рыночная цѣна уподобляется, повидимому, цѣнѣ

---

*) *См. П. СТРУВЕ - Хозяйство и цѣна. Критическія изслѣдованія по теоріи и исторіи хозяйственной жизни. Ч. I. Отдѣлъ второй. Глава четвертая: Новѣйшая эволюція цѣны (Стр. 322 и слѣд.).*

**) *Слова А.М. Рыкачева въ его чрезвычайно содержательной и остроумной книгѣ: Деньги и денежная власть. СПБ. 1910, стр. 68.*

тарифицированной и указной. Однако, подобное представленіе основано на довольно грубомъ и поверхностномъ сближеніи. Дѣло въ томъ, что "опредѣленность" цѣны въ современномъ хозяйственномъ строѣ можетъ имѣть весьма различный смыслъ. "Опредѣленность" цѣны одно, когда она назначена продавцемъ и другое, когда она установлена властью. "Тарифъ", какъ схема "опредѣленной" цѣны является технической формой, въ которую вылива - ется, какъ вольная, такъ и указная цѣна. Между желѣзнодорожнымъ тарифомъ, который является публично-правовой нормой и рыночной цѣной, устанавливающейся въ процессѣ столкновенія воль автономно хозяйствующихъ субъектовъ, лежитъ цѣлая про - пасть, хотя рыночная цѣна можетъ принимать форму "прейсъ-ку - ранта" (= тарифа). "Тарифъ, безъ дальнѣйшаго опредѣленія, есть техническая форма цѣны, еще ничего не говорящая объ ея существѣ. Если же подъ "тарифомъ" разумѣть указную цѣну, то цѣлый рядъ такъ называемыхъ тарифовъ этимъ терминомъ не мо - жетъ быть правомѣрно обозначаемъ. Prix fixe прививается и получаетъ право гражданства тамъ и тогда, гдѣ и когда опредѣленность цѣнъ т е х н и ч е с к и удобна для продавцевъ и покупателей. Prix fixe технически же развертывается въ тарифъ. Но prix fixe не есть указная цѣна, ибо предпочтеніе "опредѣленной" цѣны въ интересахъ техническаго удобства оборота не означаетъ вовсе принципіальнаго отказа отъ рыночнаго торга, отъ двусторонности акта установленія цѣны. Желѣзнодорожный тарифъ есть въ технической формѣ тарифной схемы формулированная указная цѣна за извѣстныя услуги перевозки. Въ области перевозки грузовъ мы въ желѣзнодорожномъ транспортѣ имѣемъ господство тарифицированной указной цѣны, въ транспортѣ водяномъ же (рѣчномъ и морскомъ) господствуетъ вольная цѣна, которая принимаетъ форму настоящей биржевой цѣны. Если о же - лѣзнодорожномъ фрахтѣ "не нужно торговаться, договариваться, дожидаться совпаденія воль", то въ области фрахтовъ водныхъ постоянно наблюдается настоящій рыночный торгъ, и происходитъ образованіе биржевой цѣны. Представленіе, что рыночная цѣна подобна желѣзнодорожному тарифу, основано на игнорированіи глубочайшаго существа рыночной цѣны, которая есть именно производная множества сталкивающихся воль. Если облеченная въ схему тарифа вольная цѣна лишь формально-технически сходствуетъ съ желѣзнодорожнымъ тарифомъ, то биржевой бюллетень и

формально не походитъ на желѣзнодорожный тарифъ. Биржевой бюллетень есть отмѣтка о томъ, что было на рынкѣ, и если онъ получаетъ нормативное значеніе, то именно только, какъ фактъ. Условимся подъ "тарифомъ" разумѣть облеченную въ тарифную схему указную цѣну; тогда различіе между тарифомъ или тарифной (тарифицированной) цѣной и цѣной биржевой и вообще всякой рыночной можно формулировать такъ:

Тарифъ вступаетъ въ оборотъ, какъ норма.

Биржевая или рыночная цѣна выходитъ изъ оборота, какъ норма.

Или иначе:

Тарифъ данъ обороту.

Биржевая цѣна создается оборотомъ.

Это кардинальное различіе есть ни что иное, какъ различіе между двумя основными формами экономическаго явленія - цѣны, указной и вольной.

Правда, указная цѣна прислоняется къ вольной и фактически является утвержденіемъ рыночныхъ цѣнъ. Но это фактически-историческое соотношеніе между указной и вольной цѣной, отнюдь не мѣняетъ того, что въ принципѣ и идеѣ указная цѣна есть цѣна, которую власть указываетъ обороту, и фактически настоящія указныя цѣны, и въ томъ числѣ желѣзнодорожные тарифы, строятся властью по соображеніямъ, совершенно независимымъ отъ какого бы то ни было рыночнаго торга. И это вполнѣ естественно, потому что тарифъ, какъ норма, имѣетъ самодовлѣющее и самостоятельное значеніе, тогда какъ биржевая цѣна, какъ норма, имѣетъ значеніе ссылочное или вспомогательное; когда цѣна не установлена соглашеніемъ сторонъ, она должна быть опредѣлена на основаніи рыночной цѣны, наиболѣе совершенную форму которой представляетъ цѣна биржевая, ибо бирка есть самый совершенный и наиболѣе организованный рынокъ.

Однако, въ образованіи биржевой цѣны, какъ наиболѣе совершенной формы рыночной цѣны, есть нѣчто новое, характерно отличающее этотъ процессъ отъ простого рыночнаго торга. На рынкѣ единая цѣна образуется стихійно, какъ безсознательный результатъ слѣпого столкновенія воль. На биржѣ въ нѣкоторыхъ

случаяхъ единая цѣна сознательно дѣлается при помощи вполнѣ раціональныхъ пріемовъ. Раціонализація процесса образованія цѣны биржею заключается въ томъ, что результатъ стихійнаго процесса тутъ сознательно и намѣренно, при помощи извѣстныхъ методовъ предвосхищается. Это не значитъ, чтобы самоопредѣленіе сторонъ исключалось; оно избираетъ для себя лишь особую, нарочито упрощенную и раціонализованную форму выраженія. Это вообще есть тотъ способъ, которымъ, повидимому, можетъ происходить съ наибольшимъ успѣхомъ раціонализація всѣхъ экономическихъ отношеній и процесса образованія цѣнъ въ частности: не отрицаніе стихійнаго процесса, предвосхищеніе его результата, на основаніи учета его собственныхъ силъ.

На берлинской фондовой биржѣ существуетъ единый курсъ, по которому ликвидируются всѣ сдѣлки и который получается, какъ нѣкоторая статистическая средняя изъ предложеній продавцевъ и покупателей. Тутъ, значитъ, цѣна по взаимному уговору всѣхъ участниковъ рынка является въ результатѣ извѣстной сознательной произведенной статистической операціи Свободное образованіе цѣнъ не устраняется по существу, но по формѣ оно изъ множества операцій торга сливается въ одну операцію счисленія. То же мы имѣемъ на франкфуртской биржѣ, гдѣ для банкнотъ, разныхъ видовъ денегъ, купоновъ регистрируются лишь отмѣтки предложенія и спроса, изъ которыхъ единый курсъ ("сдѣланная", уплаченная цѣна) в ы в о д и т с я, какъ средняя.

Однако, отсюда было бы болѣе чѣмъ ошибочно заключать, что въ процессѣ образованія биржевой цѣны совершенно исчезаетъ существо рыночнаго торга. Это не только не происходитъ, но даже наоборотъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ самый процессъ установленія биржевой цѣны протекаетъ именно, какъ рыночный торгъ въ его наиболѣе острой и въ то же время сконцентрированной формѣ, а именно въ формѣ а у к ц і о н а. Такъ обстоитъ дѣло на нѣкоторыхъ англо-американскихъ, на дрезденской, цвикауской, гельсингфорской биржахъ.

Если въ формахъ цѣны въ настоящее время попрежнему занимаетъ важное и первенствующее мѣсто вольная цѣна, рождающаяся изъ рыночнаго торга - самымъ яркимъ ея выраженіемъ, какъ я уже указалъ, является цѣна биржевая, - то, съ другой стороны, нельзя не указать, что есть случаи, когда въ свободномъ обо-

ротѣ современный рыночный торгъ сознательно элиминируется и уже строится безъ рынка и независимо отъ него. Если желѣзно - дорожный тарифъ, какъ публично-правовая норма, несопоставимъ съ рыночной цѣной и потому можетъ быть ей противопоставляемъ, какъ крайнее обнаруженіе указной цѣны, цѣнѣ вольной, то син - дикатскія или картельныя цѣны могутъ быть сопоставимы съ рыночными, и именно потому, что онѣ могутъ быть имъ противопо - ставляемы, какъ особый подвидъ вольной цѣны, представляющій явственный переходъ отъ вольной цѣны къ указной. Въ картельных цѣнахъ характерны опредѣленность и постоянство, знаменующія освобожденіе процесса образованія цѣнъ отъ мѣняющихся условій рыночнаго торга, причемъ опредѣленность и постоянство цѣны тутъ не создаются на рынкѣ, а даются рынку. Поэтому тамъ, гдѣ картели пріобрѣтаютъ настоящую силу, и дѣйствительно господствуютъ надъ рынкомъ, рыночная или, что то же въ данномъ случаѣ, биржевая цѣна самыхъ массовыхъ продуктовъ упраздняется. Съ тѣхъ поръ, что укрѣпился, напримѣръ, германскій угольный синдикатъ (рейнско-вестфальскій синдикатъ), который на годъ впередъ назначаетъ цѣны, - прекратилась котировка угля на эссенской биржѣ: биржевая цѣна угля есть та, которую назначилъ синдикатъ. Но этого мало. Сильный синдикатъ, внося опредѣленность въ свои цѣны, вынужденъ поддерживать ее на всемъ пространствѣ обращенія того продукта, который онъ производитъ. Когда въ 1900 году произошло сильное повышеніе цѣнъ (угольный голодъ) на уголь въ Германіи, то въ то время, какъ при этомъ оптовыя цѣны синдиката были стабилизованы, розничные торговцы стремились использовать коньюнктуру въ своихъ интересахъ, взвинчивая цѣны. Торговыя палаты рейнско-вестфальскаго района избрали комитетъ, который устроилъ анкету, изъ которой обнаружилось, что розничные торговцы (синдикатъ снабжалъ непосредственно только тѣхъ покупателей, которые забирали не меньше 6.000 тоннъ) повышали цѣны на 50 и даже на 100 %, то есть, ихъ повышеніе цѣнъ превосходило синдикатское повышеніе цѣнъ въ 5 и даже въ 10 разъ. Тогда синдикатъ не только организовалъ продажу для мелкихъ потребителей, но и внесъ въ свои условія съ розничными торговцами слѣдующій замѣчательный пунктъ: "Вы обязуетесь при перепродажѣ этихъ количествъ угля опредѣлять продажныя цѣны такъ, чтобы высота прибыли не находилась въ несоразмѣрномъ отношеніи къ вашей дѣятельности и къ вашему рис-

ку. Это условіе вы, въ случаѣ дальнѣйшей перепродажи, должны возлагать на вашихъ контрагентовъ. Если вы или кто либо изъ дальнѣйшихъ продавцевъ явится нарушителемъ этого пункта, то за всякую тонну слишкомъ дорого проданнаго угля вы обязаны заплатить намъ штрафъ въ 10 марокъ. Кромѣ того, въ такомъ случаѣ мы имѣемъ право, безъ всякихъ дальнѣйшихъ разсужденій, отказаться отъ всѣхъ, взятыхъ нами на себя по договорамъ, поставокъ угля. Вопросъ о томъ, имѣется ли налицо случай слишкомъ высокой прибыли, рѣшается окончательно, съ устраненіемъ судебнаго порядка, торговой палатой города Эссена".

Такое же явленіе, какъ картельныя цѣны, представляютъ и минимальныя платы, устанавливаемыя рабочими союзами и тарифными соглашеніями ихъ съ организаціями предпринимателей. Не можетъ быть ни малѣйшаго сомнѣнія въ томъ, что эти формы опредѣленной вольной цѣны новаго времени весьма сходствуютъ съ регулированіемъ цѣнъ въ цеховомъ строѣ, то есть съ минимальными нормами оплаты труда въ цеховомъ ремеслѣ. Но въ то время, какъ цеховыя нормы были обязательными въ публично-правовомъ смыслѣ, - тѣ минимальныя нормы современной эпохи, о которыхъ мы говоримъ, являются продуктами соглашенія, а не велѣнія власти. Но " картельныя" и "платно-тарифныя" цѣны изъ опредѣленныхъ вольныхъ цѣнъ все же легко могутъ быть конвертированы въ цѣны указныя. Примѣры: регулированіе цѣнъ при государственной организаціи картелей (Германскій законъ 25 мая 1910 года "о сбытѣ калійныхъ солей", установленіе максимальныхъ цѣнъ внутри страны и минимальныхъ цѣнъ при продажѣ заграницу §§ 20, 21, 24,25); въ области оплаты труда - новѣйшій англійскій законъ о минимальной заработной платѣ въ угольной промышленности.

Такимъ образомъ, въ "картельныхъ и "платно-тарифныхъ"цѣнахъ мы имѣемъ дѣйствительную форму переходную отъ вольной цѣны къ указной, но тутъ этотъ переходный характеръ сказывается и въ полномъ устраненіи рыночнаго торга, въ томъ, что цѣна не только является опредѣленной, но и заранѣе установленной, данной. Правда и тутъ полная эмансипація отъ соображеній о рынкѣ не достигается и недостижима, и недаромъ минимальная заработчая плата въ угольной промышленности исторически развивается изъ системы скользящей скалы, то есть механизма установленія оплаты труда въ зависимости отъ цѣны на продуктъ съ

фиксаціей извѣстной минимальной основы, какъ исходной точки.

Такимъ образомъ, въ современности наблюдается довольно сложный переплетъ образованій, въ которыхъ отражается и нормированная указная цѣна и вольная. Въ современномъ экономическомъ строѣ преобладаетъ вольная цѣна и превращеніе всѣхъ цѣнъ въ цѣны указныя было бы настоящей революціей, ибо оно означало бы полную реорганизацію современнаго хозяйства въ хозяйство коллективное (изъ системы взаимодѣйствующихъ хозяйствъ въ общество-хозяйство). Тенденція современнаго хозяйственнаго развитія не идетъ прямо и просто въ этомъ направленіи. Но слѣдуетъ признать, что такъ же, какъ современная хозяйственная организація утончаетъ и доводитъ до техническаго совершенства образованіе цѣны при помощи рыночнаго торга, такъ же она развиваетъ и утончаетъ и противоположное явленіе - установленіе цѣны властью. И это сбиваетъ съ толку. Если вы видите, какъ образованіе синдикатовъ приводитъ къ вмѣшательству государства и публично-правовой нормировкѣ, если классическая страна либерализма, Англія, рѣшительно стала на путь откровеннаго нормированія заработной платы, и явленія эти развертываются во всей широтѣ, свойственной современному хозяйственному строю, то нельзя отрицать того, что и процессъ образованія цѣнъ въ настоящее время вступилъ въ періодъ частичнаго "огосударствленія". Но образованіе биржевыхъ цѣнъ нельзя считать проявленіемъ этой тенденціи - биржевая цѣна, какія бы технической формы она ни принимала, есть лишь видоизмѣненная и утонченная форма вольной цѣны, рождающейся изъ рыночнаго торга.

Такимъ образомъ, въ современной хозяйственной жизни борются и взаимодѣйствуютъ различныя тенденціи, и потому трудно отвѣтить на вопросъ, увеличивается ли государственное вмѣшательство въ область хозяйственной жизни, ибо въ одно и то же время возрастаетъ личная свобода, но растетъ и государственное вмѣшательство. Условное рѣшеніе вопроса возможно и зависитъ оно отъ того, какую группу фактовъ выдвинуть на передній планъ. Такъ и въ категоріи цѣны, въ выраженіи двухъ принциповъ, нельзя утверждать единой тенденціи.

## *ИСТОРИЧЕСКАЯ ПРОБЛЕМА ДЕНЕГЪ* *).

Когда мы задаемся вопросомъ изъ какого корня вырастаетъ явленіе денегъ, то обычно представляютъ дѣло такъ: самые ходкіе, сбываемые товары, на которые существуетъ наибольшій спросъ становятся всеобщимъ средствомъ уплаты и мѣны, путемъ естественнаго сосредоточенія на нихъ спроса. Это представленіе лишь отчасти соотвѣтствуетъ фактамъ исторіи. Это построеніе - блѣдное изображеніе той пестрой картины, которая раскрывается фактами этнологіи.

Первоначально деньгами служатъ не наиболѣе "популярные", или "ходкіе" въ смыслѣ распространенности или "сбываемости" товары, а наоборотъ скорѣе тѣ предметы, на которыхъ лежитъ печать рѣдкости. Свойство денегъ прикрѣпляется къ тѣмъ предметамъ, которые наиболѣе ярко представляютъ богатство, какъ его понимаетъ первобытный человѣкъ. Для него богатство выражается отнюдь не въ широко распространенныхъ предметахъ непосредственнаго потребленія. Имъ не являются ни другіе люди, хотя бы они были "вещами" - рабы, ни служащіе для непосредственнаго потребленія предметы оборота. Качество денегъ, то есть всеобщаго платежнаго средства и затѣмъ орудія обмѣна, прикрѣпляется прежде всего къ предметамъ украшенія, ибо для первобытнаго сознанія именно предметы украшенія служатъ лучшими показателями богатства.

Пока эти предметы служатъ для индивидуальнаго украшенія или отличія, они еще не способны выполнять такой функціи. Но, какъ я уже говорилъ ранѣе, развитіе потребностей опредѣляется двумя тенденціями: I - стремленіемъ къ выдѣленію и II - стремленіемъ къ нивеллированію. Украшеніе возникаетъ индиви-

---

*) *См. въ книгѣ "Хозяйство и цѣна" главу: Указная цѣна и деньги.*

дуально, а потомъ обобщается путемъ подражанія. Этотъ знакъ отличія постепенно получаетъ общую оцѣнку, извѣстную ходкость. Вотъ - предметы украшенія первоначально и являются въ роли денегъ.

Первоначальная функція денегъ сводится къ функціи платежнаго средства: деньги первоначально являются средствомъ накопленія уплатъ въ рукахъ лицъ, которыя могутъ легко привлекать къ себѣ цѣнности, опираясь на принадлежащую имъ въ обществѣ власть. Такую роль играютъ всѣ уплаты сильнымъ и властнымъ, напримѣръ, всякаго рода штрафы. Вотъ почему всякаго рода уплаты - я уже это отмѣчалъ - называются въ Океаніи штрафными деньгами: штрафъ - это первая, самая распространенная форма уплатъ вообще.

Если вѣрно, что предметы украшенія, цѣнность которыхъ восходитъ ясно къ чисто субъективно-эстетическому процессу цѣненія, суть первая форма денегъ, то "мнимость", фиктивность, "номинальность" денегъ не является изобрѣтеніемъ новаго времени, эпохи печатанія бумажныхъ денегъ. На примитивныхъ хозяйственныхъ ступеняхъ деньги носятъ тоже въ значительной мѣрѣ "мнимый характеръ", ибо тѣ "реальные" предметы, которые служатъ деньгами, предметы, такъ называемой, реальной цѣнности не имѣющіе, исполняютъ функціи денегъ въ значительной мѣрѣ въ качествѣ такихъ "воображаемыхъ" цѣнностей*).

Когда рѣчь шла объ эдиктѣ Діоклеціана, было уже указано, что денежное обращеніе есть та область, въ которой всего раньше и полнѣе осуществляется принципъ указной цѣны.

Въ этомъ "указномъ" характерѣ цѣны денегъ выражается тѣсная историческая связь, существующая между государствомъ и институтомъ "денегъ"; связь эта, по отношенію къ современности подмѣченная и отчетливо анализированная Кнаппомъ, лежитъ въ основѣ его "государственной" теоріи денегъ, съ которой вы познакомитесь изъ дальнѣйшихъ курсовъ. Однако тотъ рядъ явленій, который для современности выражается въ "государственномъ" характерѣ денегъ, есть съ исторически-соціологической

---

*) *Съ точки зрѣнія субъективнаго пониманія основанія цѣнности тутъ нѣтъ ничего ни парадоксальнаго, ни даже страннаго, и нѣтъ принципіальнаго различія между погремушками и пищей.*

точки зрѣнія лишь частный случай болѣе общаго явленія,- указной цѣны. Это не значитъ вовсе, чтобы "указной" характеръ денегъ развился изъ яко-бы первоначальнаго указного характера товарныхъ цѣнъ, опредѣляющаго ихъ устойчивость, какъ это думаетъ, напримѣръ, Вальтеръ Лотцъ. Теорію, по которой первоначальный обмѣнъ совершается по принципу "указной" цѣны, мы уже отвергли и опровергли. Не отъ "товара" "указная" цѣна переходитъ къ деньгамъ; она зарождается въ самомъ процессѣ развитія денегъ, какъ своеобразнаго экономическаго явленія и въ то же время юридическаго института. Указной характеръ цѣны денегъ связанъ съ тѣмъ, что a) власть или государство само во-первыхъ получаетъ "деньги" и во-вторыхъ - уплачиваетъ ихъ, b)что деньги и денежное обращеніе являются для государства, въ его двойномъ качествѣ и получателя платежей и плательщика, сферой финансовой эксплуатаціи или извлеченія доходовъ. Государство строитъ цѣну денегъ первоначально съ прямой цѣлью обогащенія, разсматривая денежное дѣло, какъ объектъ финансовой монополіи. Указной характеръ цѣны денегъ вытекаетъ такимъ образомъ изъ той ихъ функціи, которую Кнаппъ съ правильнымъ историческимъ чутьемъ поставилъ во главу пониманія всего явленія денегъ, изъ ихъ функціи, какъ"платежнаго средства". Когда въ примитивныхъ условіяхъ устанавливается "цѣнностная скала" разныхъ товаровъ,- эта скала представляетъ не нормы "обмѣна", какъ совершенно некритически принимаетъ Лотцъ, а нормы "платежа" обозначаетъ цѣны, которыя въ отличіе отъ цѣнъ "продажныхъ" можно назвать цѣнами "платежными" (иначе "солюціонными"). Поскольку платежъ можетъ быть реализованъ въ разныхъ предметахъ, эти разные предметы и являются деньгами, фиксація же соотношенія между ними есть по своему заданію и смыслу не нормировка цѣнъ, а установленіе цѣны денегъ. Это совершенно ясно выступаетъ въ томъ документѣ XV вѣка, который обычно привлекается для иллюстраціи цѣнностей скалы, устанавливающейся тамъ, гдѣ нѣтъ металлическихъ денегъ. Рѣчь идетъ о "прейсъ-курантѣ" товаровъ, которыми обмѣнивались исландцы и англичане. Прейсъ-курантъ этотъ имѣетъ силу, поскольку контрагенты не могутъ прійти къ соглашенію относительно цѣны, то есть тутъ указная цѣна имѣетъ субсидіарное значеніе по отношенію къ вольной. Указная цѣна есть тутъ цѣна "платежная" или "солюціонная", при-

мѣняемая къ товарамъ или вообще къ благамъ, которыми можетъ быть производима уплата. Эти товары несомнѣнно выполняютъ д е н е ж н у ю функцію.

"Цѣнностныя скалы" суть не тарифы товарныхъ цѣнъ, а тарифы товаровъ-денегъ, имѣющія силу обычныхъ нормъ, вступающихъ въ дѣйствіе, когда отсутствуетъ соглашеніе контрагентовъ или когда законъ нормируетъ актъ платежа, вытекающаго изъ какихъ либо правоотношеній (договора, деликта и т.д.).

Когда деньгами являются не куски металла извѣстнаго в ѣ с а, а куски металла извѣстнаго в и д а (это Кнаппъ на своемъ искусственномъ языкѣ обозначаетъ, какъ превращеніе "пензаторныхъ" денегъ въ "хартальныя"), то фиксація ихъ цѣны есть указное установленіе цѣны не денегъ-товаровъ, а денегъ-монеты. Тогда то къ нему прикрѣпляется тотъ фискальный интересъ государства, о которомъ я говорилъ выше. Въ греческихъ памятникахъ настоящую фиксацію цѣны властью мы встрѣчаемъ какъ начало общее, а не экстраординарное впервые въ формѣ фиксаціи цѣны денегъ.

Г р а н ь м е ж д у д е н ь г а м и, к а к ъ м о н е т о й, и д е н ь г а м и, к а к ъ т о в а р о м ъ, е с т ь в ъ т о ж е в р е м я г р а н ь м е ж д у ц ѣ н о й у к а з н о й и в о л ь н о й.

Такимъ образомъ, деньги, не имѣющія собственной товарной цѣнности, появляются на самыхъ примитивныхъ стадіяхъ развитія. Однако, невѣрно на основаніи этого ряда фактовъ заключать, что деньги всегда имѣютъ значеніе воображаемой, фиктивной цѣнности. Рядомъ съ такими деньгами мы видимъ и другія: часто деньгами являются такія вполнѣ реальныя цѣнности, какъ скотъ и люди на пололеніи скота: рабы и женщины вообще, насколько онѣ являются предметомъ купли-продажи. Существуетъ разсказъ путешественника о томъ, какъ вождь одного племени развивалъ передъ нимъ ту теорію, что выгоднѣе помѣщеніе прибыли въ рабахъ, чѣмъ въ украшеніяхъ, въ ракушкахъ Каури,- широко распространенномъ въ Африкѣ денежномъ матеріалѣ. "Ибо, если я принесу домой Каури, то мои жены одѣнуть ихъ, какъ украшенія, и никакой пользы изъ нихъ нельзя будетъ извлечь. А рабы все время могутъ приносить доходъ". Такимъ образомъ, рядомъ съ деньгами, возникающими на почвѣ потребности въ

украшеніи, вырастаютъ деньги, имѣющія и подлинную, съ раціональной точки зрѣнія, цѣнность. Въ этомъ обнаруживается многообразіе путей развитія, разсматриваемаго нами явленія. Но съ другой стороны, конечно, для денегъ, какъ всеобщаго платежнаго средства, важна ихъ легкая перемѣщаемость, легкая транспортабельность. Этимъ требованіямъ деньги, возникающія изъ предметовъ украшенія, удовлетворяютъ въ большей мѣрѣ, нежели деньги, возникающія изъ предметовъ, обладающихъ реальнымъ "экономическимъ значеніемъ". Съ другой стороны, деньги-скотъ, деньги-рабы совершенно не подвергаются опасности, заключающейся въ умноженіи денежнаго матеріала или даже въ его фальсификаціи: умножить количество скота или рабовъ трудно, подѣлать такія деньги невозможно. Въ дальнѣйшемъ развитіи опредѣляющимъ для судьбы денегъ является то, въ какой мѣрѣ тѣ или другіе предметы могутъ выполнять свою функцію денегъ въ разныхъ обществахъ. Сначала деньги развиваются въ ограниченныхъ предѣлахъ, внутри опредѣленнаго общества, но позднѣе, съ расширеніемъ обмѣна, возникаетъ и потребность въ предметѣ, выполняющемъ функціи денегъ и внѣ даннаго общества. Эта потребность существуетъ на всѣхъ стадіяхъ общественнаго развитія; она не исчезаетъ и въ современности. И тутъ наблюдается ясное различіе между деньгами, имѣющими всеобщее, междугосударственное значеніе, и такими, которыя имѣютъ только "внутреннее хожденіе". Напримѣръ, серебряныя деньги имѣютъ теперь въ общемъ и цѣломъ только внутреннее хожденіе, и въ этомъ отношеніи серебро, какъ деньги, подобно "внутреннимъ деньгамъ" первобытныхъ народовъ.